

ISSN 2686-7648

ВЕСТНИК РГГУ

*Серия*

«Евразийские исследования. История. Политология.  
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Eurasian Studies. History. Political Science.  
International Relations”  
Series

Academic Journal

Основан в 2018 г.  
Founded in 2018

4  
2024

VESTNIK RGGU. Seriya “Evraziiskie issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya”

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian Studies. Political Science. History. International Relations” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5.4. International relations (Political science)

5.6.2. World history (Historical science)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (Historical science)

### *Objectives and scope*

RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” is a scientific journal devoted to topical issues of development of the post-Soviet states, Eurasian integration processes and international relations in the region.

The mission of the journal is to promote the development of interdisciplinary research related to the scientific study of the post-Soviet countries.

The journal publishes scientific reviews, studies, articles related to the study of the problems of modern historical development of the region, the building and transformation of political systems and the formation of a new political ideology and culture, international relations, the processes of integration and regionalization, ethno-cultural policy, inter-religious relations and humanitarian cooperation. The journal is focused on the publication of scientific reviews, studies, articles related to the study of the complex of theoretical and practical problems of development and interaction of the post-Soviet countries.

The journal accepts for publication original articles, complex studies of Russian and foreign authors, previously unpublished scientific reports.

RSUH/RGGU BULLETIN. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media. 06.07.2018, reg. No.: Series PI № FS77-73206 from 06 July 2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

Tel: 495-250-62-11

e-mail: [rggu@rggu.ru](mailto:rggu@rggu.ru)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения»  
Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Евразийские исследования. Политология. История. Международные отношения» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

### *Цели и область*

Вестник РГГУ. «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения» – научный журнал, посвященный актуальным вопросам развития государств постсоветского пространства, евразийских интеграционных процессов и международных отношений в регионе.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства.

На страницах журнала публикуются научные обзоры, исследования, статьи, связанные с изучением проблем современного исторического развития государств региона, становления и трансформации политических систем и формирования новой политической идеологии и культуры, международных отношений, процессов интеграции и регионализации, этнокультурной политики, межконфессионального взаимодействия и гуманитарного сотрудничества. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, 06.07.2018 г., регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-73206 от 06 июля 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Мнусская пл., 6

Тел.: 495-250-62-11

Электронный адрес: [rggu@rggu.ru](mailto:rggu@rggu.ru)

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

*E.I. Pivovarov*, member of RAS, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

*A.S. Levchenkov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

*A.E. Titkov*, Cand. of Sci. (History), professor, Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

*B.G. Ayagan*, Dr. of Sci. (History), Institute of History of the State Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan

*Yu.G. Akimov*, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

*M. Bassan*, PhD., professor, University of Soderborn, Stockholm, Sweden

*A.B. Bezborodov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*N.A. Borisov*, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*A.V. Fenenko*, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

*A. Filler*, PhD., professor, University of Paris VIII, Paris, France

*A.V. Guschin*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*J.M. Jafarov*, Dr. of Sci. (History), professor, Azerbaijan State Pedagogical University, Baku, Azerbaijan

*N.I. Kharitonova*, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*V.L. Kheifets*, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

*E.A. Kosovan*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*K.P. Kurylev*, Dr. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

*M. Laruel*, PhD., professor, Georgetown University, Washington, USA

*K.E. Meshcheryakov*, Dr. of Sci. (History), professor, Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russian Federation

*M.Yu. Mukhin*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*B.B. Pak*, Dr. of Sci. (History), senior research scientist, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science (IOS RAS), Moscow, Russian Federation

*O.V. Pavlenko*, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

*M.-P. Ray*, PhD., professor, University of Paris I Pantheon-Sorbonne, Paris, France

*A.T. Sabirov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, International Institute for Central Asia, Tashkent, Uzbekistan

*O.V. Solopova*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

*P.P. Tolochko*, full member of National Academy of Sciences (NAS) of Ukraine, Dr. of Sci. (History), Kiev, Ukraine

*A.V. Vlasov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

*E.Ya. Vittenberg*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

*E.A. Kosovan*, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

*Е.И. Пивовар*, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

Редакционная коллегия

*А.С. Левченко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

*А.Э. Титков*, кандидат исторических наук, профессор, Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), г. Москва, Россия (*заместитель главного редактора*)

*Ю.Г. Акимов*, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

*Б.Г. Аяган*, доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан

*М. Бассан*, PhD., профессор, Университет Сёдертёрна, г. Стокгольм, Швеция

*А.Б. Безбородов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

*Н.А. Борисов*, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

*Е.Я. Виттенберг*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

*А.В. Власов*, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

*А.В. Гущин*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

*Д.М. Джафаров*, доктор исторических наук, профессор, Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджан

*Е.А. Косован*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия

*К.П. Курылев*, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия

*М. Ларюэль*, PhD., профессор, Университет Джорджтаун, г. Вашингтон, США

*К.Е. Мещеряков*, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

*М.Ю. Мухин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

*О.В. Павленко*, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

*Б.Б. Пак*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (РАН), г. Москва, Россия

*А.Т. Сабиров*, кандидат исторических наук, доцент, Международный институт Центральной Азии, г. Ташкент, Узбекистан

*О.В. Солопова*, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

*М.-П. Рей*, PhD., профессор, Университет Париж I Пантеон – Сорбонна, г. Париж, Франция

*Н.И. Харитонова*, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Москва, Россия

**П.П. Толочко**, академик НАН Украины, доктор исторических наук, г. Киев, Украина

*А.В. Фененко*, доктор политических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова), г. Москва, Россия

*А. Филлер*, PhD., профессор, Университет Париж VIII, г. Париж, Франция

*В.Л. Хейфец*, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Россия

Ответственный за выпуск

*Е.А. Косован*, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

# Contents

## **Migrations and diasporas**

---

*K.E. Meshcheryakov, V.N. Kanarova*

Impact of the outflow of the Russian-speaking population from Kazakhstan to Russia on the development of Russian-Kazakh interstate relations. Part 2 ..... 10

## **Russia and Central Asia**

---

*S.J. Atdayev*

Nur-Berdy Khan – ruler of Akhal and Merv. Part 1 ..... 23

## **Oriental Studies in the Russian Empire**

---

*M.Kh. Zakirova*

On the organization of Oriental Languages Courses in the Practical Oriental Academy at the Imperial Society of Oriental Studies at the beginning of the 20th century ..... 41

## **Socio-economic issues of Soviet history**

---

*I.A. Martinkevich*

Trends and prospects for social security of the collective farm peasantry of the Belorussian SSR in the 1940s – 1980s ..... 65

*V.V. Ploskikh, E.V. Ploskikh*

Historical aspects of the formation of a regional economy in the conditions of the development of socialism in the Kirghiz SSR ..... 86

## **Transregional cooperation of the EAEU**

---

*A.S. Bratchik*

Trade and economic cooperation between the EAEU and Africa. Current situation and prospects ..... 97

## **Foreign Policy and Strategic Culture**

---

*E.A. Romanova*

The essence of the concept of “strategic culture” and its role in the foreign policy of the PRC ..... 116

## **Anniversary**

---

*V.V. Ishchenko, Yu.Z. Kantor*

The truth is known in dialogue. S.E. Novikov is 70 years old ..... 130



## Содержание

### Миграции и диаспоры

---

*К.Е. Мещеряков, В.Н. Канарова*

Влияние оттока русскоязычного населения из Казахстана в Россию на развитие российско-казахстанских межгосударственных отношений. Часть 2 ..... 10

### Россия и Средняя Азия

---

*С.Дж. Атадаев*

Нур-Берды-хан – правитель Ахала и Мерва. Часть 1 ..... 23

### Востоковедение в Российской империи

---

*М.Х. Закирова*

К вопросу об организации курсов восточных языков в Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения в начале XX в. .... 41

### Социально-экономические проблемы советской истории

---

*И.А. Мартинкевич*

Тенденции и перспективы социального обеспечения колхозного крестьянства Белорусской ССР в 1940–1980-е гг. .... 65

*В.В. Плоских, Е.В. Плоских*

Исторические аспекты формирования региональной экономики в условиях развития социализма в Киргизской ССР ..... 86

### Трансрегиональное сотрудничество ЕАЭС

---

*А.С. Братчик*

Торгово-экономическое сотрудничество ЕАЭС и Африки: текущее положение и перспективы ..... 97

### Внешняя политика и стратегическая культура

---

*Е.А. Романова*

Сущность понятия «стратегическая культура» и ее роль во внешнеполитическом курсе КНР ..... 116

### Юбилей

---

*В.В. Ищенко, Ю.Э. Кантор*

Истина познается в диалоге. С.Е. Новикову 70 лет ..... 130

# Миграции и диаспоры

УДК 325.1:327(470+574)

DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-10-22

## Влияние оттока русскоязычного населения из Казахстана в Россию на развитие российско-казахстанских межгосударственных отношений Часть 2

Константин Е. Мещеряков

*Санкт-Петербургский государственный университет  
Санкт-Петербург, Россия, k.mesheryakov@spbu.ru*

Виктория Н. Канарова

*Санкт-Петербургский государственный университет  
Санкт-Петербург, Россия, vika.kanarova@mail.ru*

*Аннотация.* В статье выдвигается гипотеза, согласно которой в течение трех десятилетий после распада СССР отток из Казахстана в Россию русскоязычного населения не оказывал существенного влияния на динамику развития российско-казахстанских межгосударственных отношений. Для проверки данной гипотезы проводится исследование, включающее четыре этапа. На первом этапе, на основании ежегодных данных российской официальной статистики, устанавливается минимальная численность соотечественников, переезжавших из Казахстана в Россию в 1991–2021 гг. Для систематизации соответствующих данных основные показатели миграционных движений между двумя государствами за различные годы сводятся в единый массив, представленный в табличной форме. На втором этапе, по итогам анализа соответствующих данных, разрабатывается периодизация миграционных движений между двумя государствами, *de facto* отражающая динамику оттока из Казахстана в Россию русскоязычного населения. На третьем этапе, в соответствии с представленной периодизацией, определяются основные достижения и проблемы, имевшие место в российско-казахстанских межгосударственных отношениях, благодаря чему устанавливается взаимосвязь между характером двустороннего сотрудничества и темпами оттока из Казахстана в Россию русскоязычных граждан. На четвертом этапе дается заключение о степени влияния оттока из Казахстана в Россию русскоязычного

---

© Мещеряков К.Е., Канарова В.Н., 2024

населения на динамику взаимодействия между двумя государствами. По итогам проведенного исследования делается вывод о том, что вышеозначенная гипотеза получила свое подтверждение.

*Ключевые слова:* Казахстан, казахизация, дерусификация, русскоязычное население, русская диаспора, российская миграция, российско-казахстанские отношения

*Для цитирования:* Мещеряков К.Е., Канарова В.Н. Влияние оттока русскоязычного населения из Казахстана в Россию на развитие российско-казахстанских межгосударственных отношений. Часть 2 // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 10–22. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-10-22

## Impact of the outflow of the Russian-speaking population from Kazakhstan to Russia on the development of Russian-Kazakh interstate relations Part 2

Konstantin E. Meshcheryakov

*Saint Petersburg State University  
Saint Petersburg, Russia, k.mesheryakov@spbu.ru*

Viktoria N. Kanarova

*Saint Petersburg State University  
Saint Petersburg, Russia, vika.kanarova@mail.ru*

*Abstract.* The article hypothesizes that the emigration of the Russian-speaking population from Kazakhstan to Russia in the period 1991–2021 had no significant impact on relations between Russia and Kazakhstan. To verify the above hypothesis, the authors conduct a four-stage study. In the first stage based on official statistics they establish the minimum number of ethnic Russians moving from Kazakhstan to Russia in 1991–2021. In order to systematize the relevant data, the main indicators of migration movements between the two states for different years are summarized in a single array presented in tabular form.

In the second stage, they analyze the relevant data and propose a periodization of migration movements between Russia and Kazakhstan, which de facto reflects the dynamics of the outflow of Russian-speaking citizens from Kazakhstan. In the third stage, in accordance with the above-mentioned periodization, they identify the main achievements and challenges in relations between Russia and Kazakhstan, which allows establishing a link between the nature of bilateral cooperation and the rate of emigration of ethnic Russians from Kazakhstan. Finally, in the fourth step, they draw a conclusion about the extent to which the emigration of the Russian-speaking population

from Kazakhstan has influenced relations between the two states. The results of the study showed that the proposed hypothesis was confirmed.

*Keywords:* Kazakhstan, Kazakhization, de-Russification, Russian-speaking population, Russian diaspora, Russian emigration, Russian-Kazakhstan relations

*For citation:* Meshcheryakov, K.E. and Kanarova, V.N. (2024), "Impact of the outflow of the Russian-speaking population from Kazakhstan to Russia on the development of Russian-Kazakh interstate relations. Part 2", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 10-22. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-10-22

### *Динамика российско-казахстанских межгосударственных отношений на фоне оттока русскоязычного населения из Казахстана в Россию*

Итак, сокращение русскоязычной диаспоры в Республике Казахстан происходило в три этапа, для каждого из которых можно выделить характерные особенности российско-казахстанских отношений.

В 1990-е гг. странами был заложен фундамент двустороннего сотрудничества. Стороны признали друг друга суверенными государствами и установили дипломатические отношения<sup>1</sup>. Казахстан получил от России гарантии сохранения своей территориальной целостности и нерушимости существующих границ<sup>2</sup>.

Практически сразу после распада СССР стороны встали на путь союзнического взаимодействия. В мае 1992 г. ими было заключено два рамочных соглашения, провозгласивших их военно-политическими союзниками (Договор о коллективной

---

<sup>1</sup> Протокол об обмене полномочными представительствами между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (22 октября 1992 г.) // Дипломатический вестник. 1992. № 21–22. С. 16.

<sup>2</sup> Преамбула Договора между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Казахской Советской Социалистической Республикой (21 ноября 1990 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22; Алма-Атинская декларация (21 декабря 1991 г.) // Дипломатический вестник. 1992. № 1. С. 7; Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 года в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной (21 декабря 1991 г.) // Там же. С. 6.

безопасности<sup>3</sup> и Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя государствами<sup>4</sup>). В июле 1998 г. президентом двух стран была принята уникальная по своему характеру Декларация между Россией и Казахстаном о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном на XXI столетие<sup>5</sup>. (Примечательно, что понятие «вечная дружба» не использовалось в отечественной дипломатической практике со времен существования Российской империи и его возрождение было призвано подчеркнуть особый характер двустороннего партнерства).

Помимо вышеозначенных рамочных соглашений, Россией и Казахстаном был подписан ряд договоров, заложивших основу их сотрудничества по конкретным направлениям межгосударственного взаимодействия: в области экономики<sup>6</sup> и энергетики<sup>7</sup>, в военной<sup>8</sup>, дипломатической<sup>9</sup>

---

<sup>3</sup> Договор о коллективной безопасности (15 мая 1992 г.) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 12. С. 6–8.

<sup>4</sup> Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (25 мая 1992 г.) // Дипломатический вестник. 1992. № 15–16. С. 36–43.

<sup>5</sup> Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о вечной дружбе и союзничестве, ориентированном в XXI столетие (6 июля 1998 г.) // Там же. 1998. № 8. С. 32–34.

<sup>6</sup> Договор о дальнейшем углублении экономического сотрудничества и интеграции Российской Федерации и Республики Казахстан (28 марта 1994 г.) // Там же. 1994. № 9–10. С. 49–51; Конвенция между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал (18 октября 1996 г.) // Бюллетень международных договоров. 1998. № 6. С. 34–50; Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об экономическом сотрудничестве на 1998–2007 гг. (12 октября 1998 г.) // Бюллетень международных договоров. 2002. № 7. С. 24–25.

<sup>7</sup> Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве и развитии топливно-энергетических комплексов (25 декабря 1993 г.) // Там же. 1994. № 9. С. 33–36.

<sup>8</sup> Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве (28 марта 1994 г.) // Там же. 1995. № 2. С. 37–43; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о военно-техническом сотрудничестве (28 марта 1994 г.) // Там же. № 1. С. 44–46.

<sup>9</sup> Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (28 марта 1994 г.) // Там же. 1997. № 12. С. 40–53.

и гуманитарной<sup>10</sup> сферах, по вопросам межрегионального сотрудничества<sup>11</sup>. В результате к концу 1990-х гг. двусторонние отношения обрели прочный правовой фундамент, ставший залогом их успешного развития в последующие десятилетия.

К числу несомненных достижений Москвы и Алма-Аты / Астаны в рассматриваемый период также следует отнести: урегулирование сторонами сложных вопросов, связанных с выходом их отношений на межгосударственный уровень (определение нового порядка эксплуатации Россией космодрома «Байконур»<sup>12</sup> и испытательных полигонов, расположенных на территории Казахстана<sup>13</sup>; осуществление процесса денуклеаризации Казахстана и принятие им безъядерного статуса; достижение сторонами принципиального согласия относительно правового статуса Каспийского моря<sup>14</sup>, раздел его северной

---

<sup>10</sup> Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области культуры, науки и образования (28 марта 1994 г.) // Там же. 1999. № 4. С. 44–49.

<sup>11</sup> Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве приграничных областей Российской Федерации и Республики Казахстан (26 января 1995 г.) // Информационная система «Юрист». URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc\\_id=1010563](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1010563) (дата обращения 23 марта 2024); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о приграничном сотрудничестве регионов Российской Федерации и Республики Казахстан на 1999–2007 гг. (24 сентября 1999 г.) // Бюллетень международных договоров. 2000. № 11. С. 35–40.

<sup>12</sup> Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур» (28 марта 1994 г.) // Там же. 2006. № 6. С. 9–12.

<sup>13</sup> Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об аренде испытательного полигона Сары-Шаган (18 октября 1996 г.) // Там же. 2003. № 9. С. 59–64; Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об аренде объектов и боевых полей 4 государственного центрального полигона Российской Федерации, расположенных на территории Республики Казахстан (18 октября 1996 г.) // Там же. С. 65–69; Договор между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан об аренде испытательного полигона Эмба (18 октября 1996 г.) // Там же. С. 70–74.

<sup>14</sup> Декларация между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве на Каспийском море (9 октября 2000 г.) // Дипломатический вестник. 2000. № 11. С. 50–51.

части на национальные сектора<sup>15</sup>; начало работ по делимитации российско-казахстанской государственной границы); успешную адаптацию сторон к новым международным условиям своего сосуществования (в частности проведение руководством Казахстана последовательной и сбалансированной внешней политики, в значительной степени учитывавшей национальные интересы России); активное участие сторон в интеграционных процессах на постсоветском пространстве (общеизвестно, что именно Н.А. Назарбаев пользовался репутацией «главного интегратора» постсоветских республик); отсутствие видимых перекосов в структуре российско-казахстанских отношений, соразмерное развитие всех направлений двустороннего взаимодействия (если в отношениях Москвы с большинством постсоветских государств главную роль играли политические и военные связи, а торгово-экономическое и гуманитарное сотрудничество не вызывало у сторон должного интереса, то в случае с Казахстаном внимание уделялось практически всем аспектам двустороннего партнерства).

Таким образом, несмотря на то что в 1990-е гг. Казахстан проводил неоднозначную национальную политику и занимал лидирующие позиции по масштабам оттока русскоязычного населения, его отношения с Россией оставались весьма стабильными и демонстрировали довольно высокие темпы роста.

В 2000-е гг. Москва и Астана взяли курс на последовательное углубление и расширение своего взаимодействия, а также его наполнение конкретным содержанием. Это не ставило перед ними задачу разработки новых рамочных соглашений, поэтому они в основном сосредоточились на совершенствовании имеющейся нормативной базы двустороннего сотрудничества. Общее количество заключенных ими договоренностей еще более увеличилось, однако практически все они имели технический характер и регулировали конкретные, довольно узкие вопросы.

На этом фоне Россия и Казахстан активизировали свой политический диалог (так, президенты В.В. Путин и Н.А. Назарбаев установили практику проведения регулярных консультаций в формате личных встреч и телефонных переговоров). Москва и Астана вышли на новый уровень интеграционного

---

<sup>15</sup> Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование (6 июля 1998 г.) // Бюллетень международных договоров. 2004. № 1. С. 68–71.

взаимодействия, выступив с инициативой формирования Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Следуя по пути укрепления взаимного доверия, стороны в кратчайшие сроки завершили работу по делимитации российско-казахстанской государственной границы<sup>16</sup> и договорились о продлении сроков российской аренды космического комплекса «Байконур»<sup>17</sup>.

В торгово-экономической сфере России и Казахстану удалось добиться более чем трехкратного увеличения двустороннего товарооборота (с 4,4 млрд долл. в 2000 г.<sup>18</sup> до 15,1 млрд долл. в 2010 г.<sup>19</sup>); наладить взаимовыгодное сотрудничество в нефтяной, газовой и атомной энергетике; реализовать ряд крупных совместных транспортных проектов.

Важным достижением сторон стало стремительное развитие их межрегионального сотрудничества. К началу 2007 г. регулярные контакты с казахстанскими партнерами поддерживали 76 российских регионов, а на долю межрегиональной торговли приходилось около 70% всего товарооборота между двумя государствами<sup>20</sup>. В 2003 г. был запущен механизм проведения ежегодных форумов приграничных регионов России и Казахстана, спустя 6 лет преобразованных в форумы межрегионального сотрудничества. До настоящего времени подобный формат не имеет аналогов как в российской внешнеполитической практике, так и в целом на постсоветском пространстве.

На международной арене Москва и Астана оказывали поддержку друг другу по таким принципиально важным вопро-

---

<sup>16</sup> Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о российско-казахстанской государственной границе (18 января 2005 г.) // Там же. 2006. № 5. С. 69–70.

<sup>17</sup> Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур» (9 января 2004 г.) // Там же. 2012. № 7. С. 98–100.

<sup>18</sup> Рассчитано по: Внешняя торговля Российской Федерации со странами СНГ // Российский статистический ежегодник. 2002: Стат. сб. М.: Госкомстат, 2002. С. 617.

<sup>19</sup> Рассчитано по: Внешняя торговля Российской Федерации со странами СНГ // Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. М.: Росстат, 2013. С. 622.

<sup>20</sup> Заявления для прессы по итогам переговоров с Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым // Президент России: Официальный сайт. 19 марта 2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24087> (дата обращения 23 марта 2024).



сам, как проведение Россией спецоперации по принуждению к миру руководства Грузии во время конфликта на Южном Кавказе в августе 2008 г. и избрание Республики Казахстан странной-председателем ОБСЕ на 2010 г.

Следовательно, несмотря на то что из Казахстана продолжался отток русскоязычного населения, его отношения с Россией сохраняли весьма позитивные тенденции и уверенно продвигались в заданном направлении. Безусловно, между двумя государствами периодически возникали определенные трения, но все они успешно преодолевались в рабочем порядке и в предельно сжатые сроки.

*В 2010-е – начале 2020-х гг.* российско-казахстанские отношения продолжили свое поступательное развитие.

Стороны по-прежнему уделяли внимание совершенствованию нормативной базы своего сотрудничества; в частности ими были внесены изменения в базовый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также заключено новое рамочное соглашение – Договор о добрососедстве и союзничестве в XXI веке<sup>21</sup>, подтвердивший наивысший, союзнический статус их отношений.

В указанный период двустороннее сотрудничество продолжило наполняться реальным содержанием.

Так, стороны сохранили высокие темпы взаимодействия в рамках ведущих интеграционных объединений, действовавших на постсоветском пространстве. В 2010 г., на платформе ЕврАзЭС, ими совместно с Белоруссией был образован Таможенный союз<sup>22</sup> – международная структура, проект которой возник еще в 1995 г.<sup>23</sup>, но впоследствии так и не был реализован на практике. В 2012 г. стороны сформировали Единое экономическое пространство ЕврАзЭС<sup>24</sup>, поднявшись на следующую ступень интеграции и дав старт проекту, остававшемуся на бу-

---

<sup>21</sup> Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о добрососедстве и союзничестве в XXI веке (11 ноября 2013 г.) // Бюллетень международных договоров. 2015. № 4. С. 45–52.

<sup>22</sup> *Панфилова В.* Таможенный союз стартовал вместе с Белоруссией // Независимая газета. 2010. 6 июля.

<sup>23</sup> Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь (6 января 1995 г.) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 10. С. 31–36; Соглашение о Таможенном союзе (20 января 1995 г.) // Там же. № 6. С. 11–12.

<sup>24</sup> Единое экономическое пространство ЕврАзЭС // Евразийское экономическое сообщество: Официальный сайт. URL: <https://www.evtazes.com/customunion/eerg> (дата обращения 23 марта 2024).

маге с 1999 г.<sup>25</sup> В 2014 г., по итогам продолжительных дискуссий России и Казахстану удалось согласовать формат создаваемого ими на месте ЕвразЭС интеграционного объединения нового типа – Евразийского экономического союза (ЕАЭС)<sup>26</sup>. Хотя в состав данной организации вошли не только Россия и Казахстан, но и другие государства (Белоруссия, Армения и Киргизия), авторство соответствующего проекта принадлежало Н.А. Назарбаеву [Назарбаев 1997] и В.В. Путину [Путин 2011], поэтому начало работы ЕАЭС в январе 2015 г., вне всякого сомнения, явилось результатом успешного развития российско-казахстанского сотрудничества.

Между тем в условиях наблюдаемого в течение всего указанного периода обострения международной напряженности отношения между Москвой и Астаной вступили в стадию повышенной турбулентности, масштабы которой не имели аналогов за всю историю их взаимодействия [Мещеряков 2023; Мещеряков 2024]. Но даже в подобной ситуации стороны не подвергли ревизии фундаментальные принципы своего сотрудничества – в частности необходимость оказания взаимной поддержки по вопросам, затрагивающим жизненные интересы государства-партнера. Вот почему в марте 2014 г. Казахстан один из немногих, поддержал решение жителей Крыма и Севастополя о воссоединении данных территорий с Российской Федерацией<sup>27</sup>; в 2015–2016 гг. внес весомый вклад в урегулирование политического конфликта, разгоревшегося между Россией и Турцией; в 2015–2017 гг. демонстрировал солидарность с позицией Москвы в ходе проведения ею активной фазы контртеррористической операции в Сирии, а затем выс-

---

<sup>25</sup> Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве (26 февраля 1999 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 12. С. 3–19.

<sup>26</sup> Договор о Евразийском экономическом союзе (29 мая 2014 г.) // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: [https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0013611/itia\\_05062014\\_doc.pdf](https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0013611/itia_05062014_doc.pdf) (дата обращения 23 марта 2024).

<sup>27</sup> Владимир Путин и Нурсултан Назарбаев отметили высокий уровень организации референдума в Крыму // Regnum. 17 марта 2014. URL: <https://regnum.ru/news/1778729> (дата обращения 23 марта 2024); МИД РК сделал заявление относительно референдума в Автономной Республике Крым // Kazakhstan Today. 18 марта 2014. URL: [https://www.kt.kz/rus/state/mid\\_rk\\_sdelal\\_zajavlenie\\_otnositeljno\\_referenduma\\_v\\_avtonomnoj\\_respublike\\_krim\\_1153586079.html](https://www.kt.kz/rus/state/mid_rk_sdelal_zajavlenie_otnositeljno_referenduma_v_avtonomnoj_respublike_krim_1153586079.html) (дата обращения 23 марта 2024).

тупил главным инициатором Астанинского мирного процесса<sup>28</sup>. В свою очередь, Россия выразила полное понимание позиции руководства Казахстана во время Жанаозенских событий 2011 г. и в контексте перехода президентских полномочий от Н.А. Назарбаева к К.-Ж.К. Токаеву в 2019 г.

На этом фоне Москва и Астана продолжили расширение своих экономических связей. Рассматриваемый период был отмечен значительным ростом двустороннего товарооборота (с 15,1 млрд долл. в 2010 г.<sup>29</sup> до 25,6 млрд долл. в 2021 г.<sup>30</sup>), в котором все большее место стали занимать несырьевые товары<sup>31</sup>. Россия и Казахстан занялись поиском инновационных направлений и форм сотрудничества, в частности выразив намерение развивать кооперацию в сфере высоких технологий (в области атомной энергетики<sup>32</sup>, освоения космоса<sup>33</sup>, фармацевтики<sup>34</sup>), а также в аграрном секторе<sup>35</sup>. Дальнейшее развитие получило взаимодействие деловых кругов двух стран, заключив-

---

<sup>28</sup> Астанинский процесс // Посольство Республики Казахстан в Российской Федерации: Официальный сайт. URL: [https://kazembassy.ru/rus/sotrudnichestvo/mnogostoronnee\\_sotrudnichestvo/astaninskii\\_process/](https://kazembassy.ru/rus/sotrudnichestvo/mnogostoronnee_sotrudnichestvo/astaninskii_process/) (дата обращения 23 марта 2024).

<sup>29</sup> Рассчитано по: Внешняя торговля Российской Федерации со странами СНГ // Российский статистический ежегодник. 2013. С. 622.

<sup>30</sup> Рассчитано по: Внешняя торговля Российской Федерации со странами СНГ // Российский статистический ежегодник. 2022. Стат. сб. М.: Росстат, 2022. С. 587.

<sup>31</sup> Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана // Президент России: Официальный сайт. 9 ноября 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59075> (дата обращения 23 марта 2024).

<sup>32</sup> Россия и Казахстан подписали меморандум о строительстве АЭС // Regnum. 29 мая 2014. URL: <https://regnum.ru/news/1808305> (дата обращения 23 марта 2024).

<sup>33</sup> Заявления для прессы по завершении российско-казахстанских переговоров // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 15 октября 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/50512> (дата обращения 23 марта 2024); Байтенов А. Казахстан заплатит 20 миллионов долларов за полет Аимбетова на МКС // Московский комсомолец – Казахстан. 2015. 27 июля.

<sup>34</sup> Посещение компании «Биокад» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 2016. 25 декабря. URL: [https://www.akorda.kz/ru/events/international\\_community/foreign\\_visits/poseshchenie-kompanii-biokad](https://www.akorda.kz/ru/events/international_community/foreign_visits/poseshchenie-kompanii-biokad) (дата обращения 23 марта 2024).

<sup>35</sup> XII Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 16 сентября 2015. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/43/events/50299> (дата обращения 23 марта 2024).

ших многочисленные контракты в отраслях машиностроения, черной и цветной металлургии, производства строительных материалов, химической, фармацевтической, пищевой и легкой промышленности<sup>36</sup>.

Первые за все годы развития двустороннего партнерства Россией и Казахстаном было принято решение уделять особое внимание гуманитарной составляющей межгосударственных отношений. Стороны интенсифицировали связи в областях науки, высшего образования, культуры, здравоохранения и туризма, обозначив последнее направление в качестве главного приоритета своего взаимодействия в культурно-гуманитарной сфере<sup>37</sup>.

Таким образом, вновь усилившийся отток русскоязычного населения из Казахстана в Россию не оказал негативного воздействия на динамику двусторонних отношений, которые продолжили уверенное движение вперед по всем направлениям межгосударственного сотрудничества. При этом высокая турбулентность, возникшая в двусторонних отношениях рассматриваемого периода, была обусловлена не спецификой миграционных движений между нашими странами, а международной политической и экономической конъюнктурой.

### *Заключение*

Результаты настоящего исследования продемонстрировали, что на протяжении трех десятилетий (1991–2021 гг.) отток из Казахстана в Россию русскоязычного населения не оказывал принципиального воздействия на динамику российско-казахстанского сотрудничества.

Так, в 1990-е гг. показатели нетто-миграции между Россией и Казахстаном фиксировались на максимально высоких отметках. Однако именно в этот период двусторонние отношения

---

<sup>36</sup> Российско-казахстанский бизнес-форум // Президент России: Официальный сайт. 4 октября 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53017> (дата обращения 23 марта 2024).

<sup>37</sup> Форум межрегионального сотрудничества России и Казахстана // Президент России: Официальный сайт. 9 ноября 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59075> (дата обращения 23 марта 2024); Россия и Казахстан подписали Меморандум о сотрудничестве в области туризма // Ассоциация по безопасности объектов туристской индустрии «Безопасность туризма». 9 ноября 2018. URL: [https://www.tourismsafety.ru/news\\_one\\_656.html](https://www.tourismsafety.ru/news_one_656.html) (дата обращения 23 марта 2024).

вышли на межгосударственный уровень, обрели прочный политико-правовой фундамент, демонстрировали наибольшие темпы развития. Сторонам удалось урегулировать доставшиеся им в наследство от советского прошлого сложные и принципиально важные проблемы и добиться в различных областях своего взаимодействия весьма впечатляющих результатов.

2000-е гг. были отмечены минимальными показателями оттока из Казахстана в Россию русскоязычного населения. На этом фоне отношения между нашими странами продолжили уверенное движение вперед. Они стали наполняться реальным содержанием, обогатились новыми направлениями и формами партнерства и обрели подлинно взаимовыгодный характер.

В 2010-е – начале 2020-х гг. отток из Казахстана в Россию русскоязычных граждан вновь несколько вырос, при этом отношения между Москвой и Астаной, даже вступив в фазу значительной турбулентности, сохранили довольно высокие темпы развития. Стороны по-прежнему делали акцент на последовательном расширении, углублении, интенсификации своего взаимодействия и нацеленности принимаемых ими решений на достижение конкретных результатов. Одновременно они приступили к поиску новых направлений и форм сотрудничества, взяв курс на постепенную модернизацию системы межгосударственного партнерства.

Следовательно, сотрудничество между Россией и Казахстаном имело тенденцию к постоянному росту вне зависимости от масштабов оттока русскоязычного населения. При этом его текущее состояние в большей степени определялось воздействием иных факторов (внутриполитической, экономической, международной конъюнктуры). Соответственно гипотеза, лежащая в основе данного исследования, получила свое подтверждение.

## *Литература*

---

Мещеряков 2023 – Мещеряков К.Е. Российско-казахстанские отношения в посткрымский период: фаза повышенной турбулентности // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2023. № 1. С. 28–56.

Мещеряков 2024 – Мещеряков К.Е. Российско-казахстанские отношения в посткрымский период: фаза стабилизации // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 1. С. 31–59.

- Назарбаев 1997 – *Назарбаев Н.А.* О формировании Евразийского Союза государств (проект документа) (Алматы, 3 июня 1994 г.) // Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. С. 38–50.
- Путин 2011 – *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 10–14.

## References

---

- Meshcheryakov, K.E. (2023), “Russia – Kazakhstan relationships in the Post-Crimea period. Stage of turbulence”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 1, pp. 28–56.
- Meshcheryakov, K.E. (2024), “Russia – Kazakhstan relations in the Post-Crimea period: stage of stabilization”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 1, pp. 31–59.
- Nazarbaev, N.A. (1997), “On the formation of the Eurasian Union of States (draft document) (Almaty, June 3, 1994)”, Nazarbaev, N.A. *Evraziiskii Soyuz: idei, praktika, perspektivy, 1994–1997* [Eurasian Union. Ideas, practice, prospects. 1994–1997], Fond sodeistviya razvitiyu sotsial'nykh i politicheskikh nauk, Moscow, Russia, pp. 38–50.
- Putin, V.V. (2011), “A new integration project for Eurasia – a future that is being born today”, *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, no. 10, pp. 10–14.

## Информация об авторах

*Константин Е. Мещеряков*, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 8; k.meshcheryakov@spbu.ru

*Виктория Н. Канарова*, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191124, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, подъезд 8; vika.kanarova@mail.ru

## Information about the authors

*Konstantin Y. Meshcheryakov*, Dr. of Sci. (History), associated professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; entr. 8, bld. 1/3, Smolny Street, Saint Petersburg, Russia, 191124; k.meshcheryakov@spbu.ru

*Victoria N. Kanarova*, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; entr. 8, bld. 1/3, Smolny Street., Saint Petersburg, Russia, 191124; vika.kanarova@mail.ru

## Нур-Берды-хан – правитель Ахала и Мерва Часть 1

Сердар Дж. Атдаев

*Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана  
Ашхабад, Туркменистан, serdar63atdayev@gmail.com*

*Аннотация.* Работа посвящена жизненному пути Нур-Берды-хана – одного из ключевых героев туркменской истории. Будучи главным ханом Ахала, он играл значимую роль и в жизни Мерва, где проживал на протяжении многих лет. В войнах с Ираном и Хивинским ханством Нур-Берды-хан проявил себя как выдающийся военачальник и руководитель, а столкновения с российской армией в ходе Первой Ахалтекинской экспедиции выявили в нем таланты стратега и дипломата. Понимая, что практикуемая туркменами тактика быстрых налетов и регулярных набегов не дает необходимого результата в отношениях с Российской империей, Нур-Берды-хан стал адептом наиболее продуктивной в данном случае дипломатической линии поведения как с представителями имперских властей, так и с соседними государствами. Фигура хана является предметом многочисленных рассказов и легенд, запечатлена в преданиях и художественных произведениях. Однако в научной литературе биография Нур-Берды-хана практически не освещается, за исключением нескольких небольших брошюр. Автором предпринята попытка восполнить данный пробел. Анализ многочисленных источников и обзор историографии XIX в. дал возможность реконструировать историческую обстановку в туркменском обществе во второй половине позапрошлого столетия и помочь лучше понять политическую ситуацию в Центрально-Азиатском регионе в целом.

*Ключевые слова:* Нур-Берды-хан, Ахал, Мерв, Ахалтекинская экспедиция, Российская империя, Гёк-депе, текинцы

*Для цитирования:* Атдаев С.Дж. Нур-Берды-хан – правитель Ахала и Мерва. Часть 1 // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 23–40. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-23-40

# Nur-Berdy Khan – ruler of Akhal and Merv

## Part 1

Serdar J. Atdayev

*Institute of History and Archeology, Academy of Sciences of Turkmenistan  
Ashgabat, Turkmenistan, serdar63atdayev@gmail.com*

*Abstract.* The work deals with the life path of Nur-Berdy Khan, one of the key heroes of Turkmen history. Being the chief khan of Akhal, he played a significant role in the life of Merv, where he lived for many years. In the wars with Iran and the Khanate of Khiva, Nur-Berdy Khan showed himself as an outstanding commander and leader, and the clashes with the Russian army during the First Akhal-Teke expedition revealed his talents as a strategist and diplomat. Realizing that the tactics of quick raids and regular raids practiced by the Turkmens did not give the necessary result in relations with the Russian Empire, Nur-Berdy Khan became an adept of the most productive in this case diplomatic line of conduct both with representatives of the imperial authorities and neighboring states. The figure of Khan is the subject of numerous stories and legends, depicted in traditions and works of fiction. However, the scientific literature practically does not cover the biography of Nur-Berdy Khan, except for several small brochures. The author made an attempt to fill the gap. The analysis of numerous sources and review of historiography of the 19<sup>th</sup> century made it possible to reconstruct the historical situation in the Turkmen society in the second half of the century before the last and helped to better understand the political situation in the Central Asian region as a whole.

*Keywords:* Nur-Berdy Khan, Akhal, Merv, Akhal-Teke expedition, Russian empire, Gyok-depe, Tekins

*For citation:* Atdayev, S.J. (2024), “Nur-Berdy Khan – ruler of Akhal and Merv. Part 1”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 23-40, DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-23-40

### *Введение*

Нур-Берды-хан (1826–1880) – одна из ярчайших героических фигур в истории туркменского народа. Однако в научной литературе его биография почти не освещается. Частичное отображение жизнь и деяния Нур-Берды-хана получили в работах М.Н. Тихомирова, Н.А. Халфина, Х.Г. Хидоятова [Тихомиров 1960; Халфин 1965; Хидоятов, 1969]. Кроме того, их описанию посвящен ряд публицистических работ. К примеру, Нур-Берды-хан наряду с другими историческими личностями



упоминается в небольшой брошюре, посвященной туркменским ханам и сердарам<sup>1</sup>. Таким образом, жизнь этой выдающейся личности не получила должного освещения в историографии, и цель данной статьи – исправить подобное положение дел. Сопоставляя имеющийся общедоступный материал, мы постарались объективно воссоздать сложную картину событий второй половины XIX в.

Ценные данные о Нур-Берды-хане нам дают комментарии известного российского ученого А.Н. Самойловича в работе «Книга рассказов о битвах текинцев», которую он переводил и над которой работал в течение нескольких лет<sup>2</sup>. Необходимую информацию можно почерпнуть исследуя работы генерала Н.И. Гродекова<sup>3</sup>, полковника Н.Н. Сполатбога<sup>4</sup>, офицеров М. Алиханова-Аварского<sup>5</sup> и А. Черняка<sup>6</sup>, писателя В.А. Туган-Мирза-Барановского<sup>7</sup> и др. Важные сведения содержит сборник архивных документов, связанных с присоединением Туркмении к России<sup>8</sup>. Определенный интерес представляет «История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина», повествующая о взаимоотношениях туркменских и казахских ханов<sup>9</sup>. Дополнительные материалы имеются в отчетах европейских чиновников и офицеров: Ч. Булджера, Э. Донована,

---

<sup>1</sup> Nurberdi han // Türkmen hanlary we serdarlary [Нур-Берды-хан // Туркменские ханы и сердары]. Ашгабат: Ýlymly, 2020. S. 106–120.

<sup>2</sup> *Абду-с-Саттар Казы*. Книга рассказов о битвах текинцев: Туркменская историческая поэма XIX века. СПб.: Императорская Академия наук, 1914. 82 с.

<sup>3</sup> *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Тип. В. Балашева, 1883–1884. Т. 1–4. 1296 с.

<sup>4</sup> *Покорение Ахал-Теке: (Из записок полковника Сполатбога)*. Тифлис: Б.и. 1884. 25 с.

<sup>5</sup> *Алиханов-Аварский М.* Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб.: Типография и хромолитография А. Траншеля. 1883. 108 с.; *Он же*. Закаспийские воспоминания: 1881–1885 // Вестник Европы. 1904. № 9. С. 73–125.

<sup>6</sup> *Черняк А.* Заметки об экспедиции генерала Скобелева в Ахал-Теке (из записок саперного офицера) // Военный сборник. 1889. Т. 190. С. 390–462.

<sup>7</sup> *Туган-Мирза-Барановский В.А.* Русские в Ахал-Теке: 1879 г. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1881. 177 с.

<sup>8</sup> *Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов)*. Ашхабад: Издательство Академии наук Туркменской ССР, 1960. 824 с.

<sup>9</sup> *Кенесарин А.* История Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина. М.: Пресс-Бук, 2017. 140 с.

Г. Лэнсдела, Ч. Марвина, Ч. Стюарта, Г. Мозера и Ч. Макгрегора<sup>10</sup>.

В своем исследовании мы применяем комплексный метод исследования, используя как традиционные исторические материалы, так и материалы устного народного творчества. Метод историко-сравнительного анализа помог нам реконструировать некоторые детали личной жизни Нур-Берды-хана и беспристрастно взглянуть на общественно-политическую ситуацию в регионе. Метод критического анализа исследуемых текстов и дальнейший синтез их сведений позволил выделить ту необходимую информацию, которая достоверно описывает образ нашего героя.

Полученная в ходе исследования информация помогает взглянуть на Нур-Берды-хана как на могущественного и влиятельного лидера, деятельность которого не ограничивалась лишь военными операциями, но включала дипломатические и хозяйственные мероприятия (под его руководством строились крепости, кяризный водовод из предгорных районов на равнину, ремонтировались старые заброшенные кяризы).

---

<sup>10</sup> England and Russia in Central Asia. London. By Demetrius Charles Boulger, member of the Royal Asiatic Society. Vol. I. London: W.H. Allen & Co., 13 Waterloo Place, 1879. 348 p.; Central Asian portraits. The celebrities of the khanates and the neighbouring states by Demetrius Charles Boulger. London: W.H. Allen & Co., 13 Waterloo Place. Publishers to the India office, 1880. 309 p.; The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879–80–81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the "Daily news". Vol. II. New York: G.P. Putnam's Sons, 1883. 500 p.; Russian Central Asia. Including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv by Henry Landsdell D.D., Vol. II. London: Published by Sampson Low, Marston, Searle, and Rivington, 1885. 732 p.; The Russians at Merv and Herat, and their power of invading India. By Charles Marvin. London: W.H. Allen & Co. 1883. 470 p.; The Country of the Tekke Turkomans, and the Tejend and Murghab Rivers. By Lieutenant-Colonel C.E. Stewart, 5th Punjab Infantry // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography, New Monthly Series. Sep. 1881. Vol. 3. № 9. P. 513–546; A travers l'Asie Centrale: la Steppe Kirghize, le Turkestan Russe, Boukhara, Khiva, le Pays des Turcomans et la Perse Impressions de Voyage par Henri Moser. Paris: E. Plon, Nourrit, 1885. 463 p.; Narrative of a journey through the province of Khorasan and on the N.W. Frontier of Afghanistan in 1875 by Colonel C.M. MacGregor, C.S.I., C.I.E. Bengal staff corps. In two volumes. Vol. II. London: W.H. Allen & CO, 1879. 267 p.

### *Ранние годы*

Годом рождения Нур-Берды-хана принято считать 1826 г. Однако существуют и другие версии. К примеру, Н.И. Гродеков указывает 1829 г.<sup>11</sup> А.Н. Самойлович, пишет, что дата 1829 г. является опечаткой, и годом рождения Нур-Берды-хана следует считать все же 1826 г.<sup>12</sup> Н.Н. Сполатбог также подчеркивает, что хан родился в год собаки (1826 г.) в местечке Мехин<sup>13</sup>. Племенная принадлежность Нур-Берды-хана такова: племя – Теке, племенное подразделение – Тогтамыш, колено – Векиль, род – Ак-векиль, ковум<sup>14</sup> – Гара-ёрме, ковумча<sup>15</sup> – Онбеги. Согласно родословной Нур-Берды-хана, его предки обладали ханскими титулами в семи поколениях<sup>16</sup>. Воспитателями Нур-Берды-хана считаются Гара-Оглан-хан и Дяли-Гилки.

С ранних лет он отличался исключительной храбростью, боевым напором и аналитическим складом ума. По данным Н.Н. Сполатбога, в молодые годы хан приобрел громкую славу благодаря своим набегам (*аламанам*) на персидские селения. Но на самом деле Нур-Берды-хан был участником ряда важных баталий, в которых он проявил свои полководческие способности. Например, в 1855 г. текинцы Ахала вместе с гара-ябскими туркменами оказали помощь соплеменникам из Серахса в их борьбе против хивинского правителя Мухаммет-Эмин-хана<sup>17</sup>. Потерпев поражение, хивинские ханы полностью прекратили свои походы на туркмен. Но самым блестящим делом Нур-Берды-хана стал разгром в 1858 г. Джафар-Кули-хана Боджнурдского.

Предыстория такова. В 1846 г. Джафар-Кули-хан принял участие в мятеже своего родственника – хорасанского феодала Салара. Однако бунт был подавлен персидскими властями, а Салар казнен. Джафар-Кули-хан бежал в Ахал, где скрывался три года. Затем персидский престол занял новый правитель – Наср Эд-дин шах, который простил Джафар-Кули-хана и вновь утвердил его в должности правителя Боджнурда. Что-

<sup>11</sup> Гродеков Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 67, 71.

<sup>12</sup> Абду-с-Саттар. Указ. соч. Л. 0117, 0119.

<sup>13</sup> Покорение Ахал-Теке... С. 13.

<sup>14</sup> Ковум – близкородственное объединение у туркмен.

<sup>15</sup> Ковумча – более мелкое близкородственное подразделение у туркмен.

<sup>16</sup> Абду-с-Саттар. Указ. соч. Л. 0117.

<sup>17</sup> Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 271.

бы поздравить новоиспеченного ильхани<sup>18</sup>, текинцы направили к нему 60 почетных граждан Ахала, но тот, коварно захватив посланников в плен, увез их в Боджнурд, а затем организовал поход на Арчман. В ответ на это текинцы вместе с гёкленами совершили ряд нападений на персидские провинции. Тогда Наср Эд-дин-шах приказывает завладеть туркменской крепостью Гарры-гала<sup>19</sup>.

Нур-Берды, будучи тогда в должности сердара, возглавил объединенные войска текинцев Ахала, гёкленов и ёмудов, а также мервского отряда под руководством Кюльтёка<sup>20</sup>. Относительно Кюльтёка никаких сведений нам получить не удалось<sup>21</sup>. Ясно только, что Кюльтёк – это не имя, а прозвище (*лак-кам*). В туркменском языке имеется термин *кюльтек*, который обозначал человека консервативных взглядов. Наряду с этим в тюркских и русском языках сохранились такие слова, как: *култыга* и *культя*, обозначающие калеку с остатком поврежденной руки или ноги<sup>22</sup>. Существует и вариант слова *культяный* – беспалый, безрукий, что можно считать производным от *кэлтэ* – отрезанный, укороченный<sup>23</sup>. Можно предположить, что Кюльтёк-бай имел физический дефект, врожденный или полученный в бою, что и отразилось в его прозвище.

Возвращаясь к описанию похода 1858 г. отметим, что он оказался удачным для туркмен. Именно за одержанную в нем победу Нур-Берды избрали ханом Ахала<sup>24</sup>. Процедура провозглашения прошла в Бюзмеине<sup>25</sup>.

В 1861 г. Мерв подвергся нападению персидских войск. Местный правитель Говшут-хан попросил помощи у жителей Ахала. Относительно солидарности жителей Ахала и Мерва генерал-майор Н.Г. Петрусевиич писал, что у туркменских вождей могут быть разногласия, но в моменты опасности они

---

<sup>18</sup> *Ильхани* – титул правителей северных провинций Ирана.

<sup>19</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 67–68.

<sup>20</sup> *Абду-с-Саттар.* Указ. соч. С. 25–27.

<sup>21</sup> А.Н. Самойлович, проведя расспросы среди местного населения, установил, что Кюльтёк-бай происходил из колена Багши. В источнике же этот персонаж обозначен как Культен. См.: *Абду-с-Саттар.* Указ. соч. Л. 0129.

<sup>22</sup> *Шипова Е.Н.* 2000 тюркских слов в русском языке. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 206.

<sup>23</sup> *Хусаинов Н.Н.* Словарь тюркских основ русского языка. Уфа: Полиграфдизайн, 2012. С. 236.

<sup>24</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 67.

<sup>25</sup> Покорение Ахал-Теке... С. 13.

«всегда будут на стороне своих, а не чужих»<sup>26</sup>. Вскоре весть о подходе к Мерву сил, направленных Нур-Берды-ханом, настолько испугала иранцев, что они тут же начали отступать<sup>27</sup>. Жители оазиса, «подкрепленные ахальцами», наголову разбили силы неприятеля<sup>28</sup>. О помощи Мерву со стороны Нур-Берды-хана сообщает и Г. Мозер<sup>29</sup>.

Были и другие столкновения, руководил которыми Нур-Берды-хан. Например, Н.Г. Петруевич сообщает о нападениях на дерегезские укрепления: Отанлы в 1866 г., Бятарат в 1867 г. и Саадат в 1868 г.<sup>30</sup> (Н.Н. Сполатбог приводит другие даты: 1868, 1869 и 1870 гг. соответственно<sup>31</sup>). По данным Н.И. Гродекова, в 1869 г. было уничтожено келатское укрепление Ходжамед<sup>32</sup>. Сполатбог, описывая это сражение, указывает на 1871 г. и упоминает участие военачальника Нур-Берды-хана Паша-сердара<sup>33</sup>. В 1872 г. Нур-Берды-хан направил Паша-сердара на захват курдского поста близ Келата, а затем и укрепления Нефта в Келате<sup>34</sup>. По Н.Н. Сполатбогу, стычки эти происходили в 1874 г. с участием 1000 всадников<sup>35</sup>. На 1874 г. как время нападения Паша-сердара на Келат указывает и Г. Мозер<sup>36</sup>. 1874 г. отмечен нападением на дерегезское селение Чапышлы, в котором участвовало до 1200 мервских всадников<sup>37</sup>. По данным Н.Н. Сполатбога, аламан этот состоялся в 1876 г., тогда тысяча всадников Паша-сердара, соединившись с мервцами, составили общее ополчение в 1200 конников под командованием Ходжа-Экке (Ходжа-Акга)<sup>38</sup>. Имя верного соратника Нур-Берды-хана Паша-сердара еще долго будет упоминаться в документах того времени.

<sup>26</sup> *Петруевич Н.Г.* Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии // Записки Кавказского отделения Императорского русского географического общества. Тифлис. 1880. Кн. 11. Вып. 1. С. 48.

<sup>27</sup> *Абду-с-Саттар.* Указ соч. Л. 0116.

<sup>28</sup> *Туган-Мирза-Барановский В.А.* Указ. соч. С. 68–69.

<sup>29</sup> *A travers l'Asie Centrale...* P. 319.

<sup>30</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 69.

<sup>31</sup> *Покорение Ахал-Теке...* С. 14.

<sup>32</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 69.

<sup>33</sup> *Покорение Ахал-Теке...* С. 14.

<sup>34</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 69.

<sup>35</sup> *Покорение Ахал-Теке...* С. 14.

<sup>36</sup> *A travers l'Asie Centrale...* P. 328.

<sup>37</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 69.

<sup>38</sup> *Покорение Ахал-Теке...* С. 14.

Однако не стоит думать, что Нур-Берды-хан занимался только набегами. Понимая, что бесконечные военные конфликты наносят ущерб туркменским землям, он пытался наладить мирное сосуществование с соседями и ради этой цели использовал различные средства, в том числе и брачную дипломатию. Характерна, например, история женитьбы губернатора персидского Кучана на родственнице Нур-Берды-хана. После смерти кучанского правителя женщина стала четвертой женой младшего брата усопшего – Амир-Хусейн-хана, больше известного как Шуджа-уд-Довле. Обладая поразительной силой характера, она стала доверенным лицом нового правителя<sup>39</sup> и во многом благодаря ее влиянию в регионе ненадолго воцарился мир.

Еще одним направлением деятельности Нур-Берды-хана стало обеспечение жителей родного селения водой, для чего была организована сеть *кяризов*<sup>40</sup>. Как указывает Я. Таиров, построенные кяризы стали собственностью всех участников их сооружения<sup>41</sup> (самому Нур-Берды-хану в Ахале принадлежало два кяриза<sup>42</sup>). Н.И. Гродеков отмечает, что хан восстановил за свой счет в селении Келете кяриз, который около «150 лет тому назад был засыпан», для чего нанял группу работников<sup>43</sup>. Расчистка старых кяризов в Келете была произведена в 1859 г.<sup>44</sup> Помимо этого, по материалам Мельницкого, из горного ущелья на равнину была проведена новая кяризная линия<sup>45</sup>.

Кяризы были настолько известны в регионе, что дали название ряду селений. К примеру, селение Кяриз обозначает-

---

<sup>39</sup> Central Asian portraits... P. 251–252.

<sup>40</sup> Кяриз – традиционная подземная гидротехническая система в предгорных районах, совмещающая водопровод и систему орошения.

<sup>41</sup> Таиров Я. Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области, собранные чиновником особых поручений при начальнике Закаспийской области Я. Таировым. СПб.: Типолит. И. Бораганского и К<sup>о</sup>, 1904. Ч. 1. С. 116.

<sup>42</sup> Гродеков Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 73.

<sup>43</sup> Там же. С. 70, 73.

<sup>44</sup> Покорение Ахал-Теке... С. 13, 19.

<sup>45</sup> Статистические данные о Закаспийской области (По сведениям, собранным г. шт. полковником Мельницким в мае 1886 года) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типография, в здании Главного штаба. 1888. Вып. 29. С. 116.

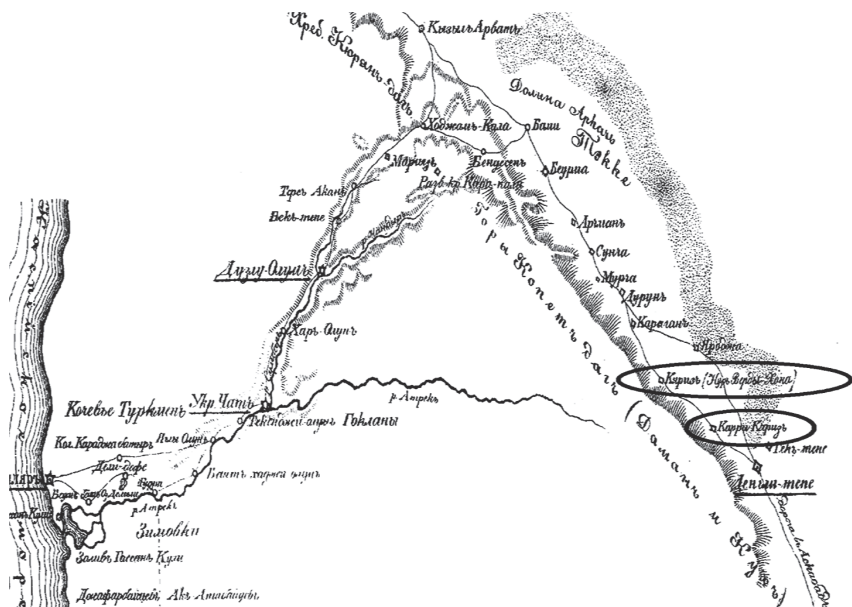


Рис. 1. Кязриз и Гарры-кязриз

ся в документах и на картах того времени следующими топонимами: Кязриз, Кязриз-Арват<sup>46</sup>, Нур-Берды-хан кязриз, Кязриз Нур-Берды-хана, Хан-кязриз, Кязризек. Село Келете часто отмечается как Гарры-кязриз.

### Семья и родственники

Отцом Нур-Берды-хана был влиятельный человек по имени Дёвлет-бай<sup>47</sup>. Иногда он фигурирует под именем Дёвлет-Мурад-бай<sup>48</sup>. Мать Нур-Берды-хана звали Чача-Гюль<sup>49</sup>.

Нур-Берды-хан имел трех жен: Рабы-Гёзель, Нар и Гюль-Джемал. Каких-либо сведений о Рабы-Гёзель и Нар, к сожалению, нет, а вот о Гюль-Джемал мы знаем больше. В частности, известно, что она происходила из знатной семьи текинского

<sup>46</sup> Арват – туркменский вариант арабского слова рабат (пригород).

<sup>47</sup> Гродеков Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 70.

<sup>48</sup> Абду-с-Саттар. Указ. соч. Л. 0117.

<sup>49</sup> Там же.



колена Бег и была дочерью Тёре-Соки<sup>50</sup>. К тому же ханша являлась дальней родственницей правителя Мерва Говшут-хана<sup>51</sup>, а первым ее мужем был герой Серахской битвы с хивинцами Анна-Овез (его подвиги воспел поэт Молланепес (1810 – 1875))<sup>52</sup>. В 1858 г. во время переселения текинцев Серахса в Мерв Нур-Берды-хан оказал мервцам весомую помощь и получил в благодарность не только большой надел воды и земли в оазисе, но и третью жену – овдовевшую Гюль-Джемал.

От первой жены хана Рабы-Гёзелъ был рожден Берды-Мурад-хан. От второй жены Нар родились два сына – Махтум-Кули-хан и Дёвлет-бег (Дёвлет-хан). Третья жена Нур-Берды-хана Гюль-Джемал подарила ему Юсуп-хана<sup>53</sup>.

Внуками Нур-Берды-хана были: от Махтум-Кули-хана – Ораз-Мухаммед-хан и Абду-Рахман-хан<sup>54</sup>; от Дёвлет-хана – Овез-Берды-хан, Мухаммед-Берды-хан и Берды-Мурад-хан; от Юсуп-хана – Гарры-хан и правнуки – Ша-Мурад-хан и Анна-Мухаммед-хан<sup>55</sup>.

Среди близких хана часто упоминается его брат Казы-хан, иногда именуемый Муга Казы-ханом<sup>56</sup>. Казы-хан имел двоих сыновей – Гельды-Мурад-хана и Овез-Мурад-хана, от последнего были внуки – Ата-Мурад, Абдулла-хан и Баба-хан<sup>57</sup>. Братьями Нур-Берды-хана считаются также Ораз-Мурад Гараджа-хан, о котором подробнее будет рассказано ниже, Гурбан-хан, который погиб в 1879 г. при осаде крепости Гёк-депе<sup>58</sup>, и Худай-Берды-хан, хотя в некоторых отчетах он фигурирует как дядя Нур-Берды-хана<sup>59</sup>.

<sup>50</sup> Güljermal han // *Türkmen hanlary we serdarlary* [Гюль-Джемал-хан // Туркменские ханы и сердары]. Aşgabat: Ylymly, 2020. S. 58.

<sup>51</sup> The Merv Oasis... P. 206.

<sup>52</sup> Молланепес (к 200-летию со дня рождения поэта). М.: Щербинская типография, 2010. С. 127.

<sup>53</sup> *Покорение Ахал-Теке... С. 14; Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 70; *Абду-с-Саттар*. Указ. соч. Л. 0118.

<sup>54</sup> По другим данным, был еще внук Мюррюк-хан и правнуки – Сухан-Гулы и Ата. См.: *Nurberdi han... S. 109.*

<sup>55</sup> *Абду-с-Саттар*. Указ. соч. Л. 0118.

<sup>56</sup> Семенов А.А. *Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881–1885 гг.)*. По архивным данным. Ташкент, 1909 (отд. отт. Из Туркестанских ведомостей, 1909. № 83–184). С. 101.

<sup>57</sup> *Абду-с-Саттар*. Указ. соч. Л. 0117–0118.

<sup>58</sup> *Туган-Мирза-Барановский В.А.* Указ. соч. С. 130.

<sup>59</sup> *Присоединение Туркмении... С. 187, 245.*



## Образование

Согласно народной версии, Нур-Берды-хан образование получил у местного священника, которого звали Нияз-Дурды-молла. По данным Н.И. Гродекова, советниками и исполнителями дипломатической переписки хана были Керим-Берды-ишан<sup>60</sup> и Курбан-Мурад-ишан<sup>61</sup>. Известно также, что дело-производство Нур-Берды-хана вели трое мусульманских судей – казы Ахала: Ак-молла находился при хане, а Молла-Овез-казы и Гул-Мурад-казы попеременно сопровождали его в поездках по Ахалу. После смерти Нур-Берды-хана Ак-молла написал в честь хана посмертный стих «мухаммас»<sup>62</sup>.

А.Н. Самойлович предполагал, что Нур-Берды-хан был неграмотен, но при этом он ссылался лишь на описание приема, во время которого письма посланцев зачитывались помощниками хана<sup>63</sup>. В действительности же Нур-Берды-хан владел грамотой и самолично подписывал свои указы. Можно вспомнить замечание генерала Ломакина, когда он требовал от караван-башей иметь при себе разрешительные письма, лично заверенные Нур-Берды-ханом<sup>64</sup>.

## Внешность, характер, авторитет

Нур-Берды-хан пользовался, по словам генерала Н.П. Ломакина, «громадным влиянием и почетом» среди туркмен практически всего региона<sup>65</sup>, а также за его пределами. Так, С.Э. Стюарт констатировал, что среди влиятельных людей племени Теке «еще ни одна семья не достигла такой власти, как семьи Говшут-хана и Нур-Берды-хана»<sup>66</sup>. Г. Лэнсделл отмечал, что «в некоторых из кланов одна семья оказывалась сильнее остальных. Таковыми были семьи Говшут-хана и Нур-Берды-хана»<sup>67</sup>. Начальник Амударьинского отдела полковник А.А. Гро-

---

<sup>60</sup> Керим-Берды-ишан погиб при обороне крепости Гёк-депе в ходе ночной вылазки 4 января 1881 г. [Атдаев 2024, с. 26].

<sup>61</sup> Гродеков Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 66–67.

<sup>62</sup> Абду-с-Саттар. Указ. соч. Л. 0119–0121.

<sup>63</sup> Там же. Л. 0119.

<sup>64</sup> Гродеков Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 122–123.

<sup>65</sup> Присоединение Туркмении... С. 187, 462.

<sup>66</sup> The Country of the Tekke... P. 542.

<sup>67</sup> Russian Central Asia... P. 480.

тенгельм отмечал, что Нур-Берды-хан был популярен и уважаем и среди мервских туркмен<sup>68</sup>, а Н.И. Гродеков и Н.Н. Сполатбог сообщали, что хан пользуется авторитетом в Хиве, Мерве и Персии<sup>69</sup>. Наконец, турецкий путешественник Мехмет Эмин Эфенди заверял Нур-Берды-хана, что османский султан чит главу текинцев и готов протянуть ему руку помощи [Türkmen, Sağlam 2019, p. 258].

В архивных документах мы находим и описание внешности Нур-Берды-хана. Согласно этим сведениям, он был высокого роста и очень силен. Лицо его, обрамленное большой черной бородой, современники считали красивым и внушающим уважение и доверие. Это впечатление усиливали характерные для сердара вежливость в обращении с окружающими и энергичность, которая не уменьшалась с годами и не приходила в противоречие с присущей Нур-Берды-хану осторожностью<sup>70</sup>.

### *Владения Нур-Берды-хана*

Подконтрольные Нур-Берды-хану территории были обширны. Источники сообщают нам, что ему подчинялись крепости Арчман, Бахарден, Дурун, Гарачин, Ак-депе, Кяриз и Мехин<sup>71</sup>. Крайним пунктом был Гяурс, где содержался постоянный караул – до 400 охранников<sup>72</sup>. Личные владения Нур-Берды-хана также были солидны. Ими, по информации А.Н. Куропаткина, в отсутствие Нур-Берды-хана временно распоряжался его старший сын Берды-Мурад-хан<sup>73</sup>. Особую важность имели селения Келете и Кяриз с укреплениями<sup>74</sup>. Согласно материа-

---

<sup>68</sup> Присоединение Туркмении... С. 462.

<sup>69</sup> Гродеков Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 70; Покорение Ахал-Теке... С. 13–14.

<sup>70</sup> Покорение Ахал-Теке... С. 14; Гродеков Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 70; Central Asian portraits... P. 236–237; В.П. Завоевание Ахал-Текинского оазиса // Завоевание Ахал-Текинского оазиса (Исторический очерк) // Исторический вестник. 1881. № 8. С. 822.

<sup>71</sup> Куропаткин А. Туркмения и туркмены. СПб.: Тип. В.А. Полетики, 1879. С. 45.

<sup>72</sup> Стебницкий И. Заметки о Туркмении. Тифлис: Тип. Меликова и Ко, 1871. С. 51.

<sup>73</sup> Куропаткин А. Указ. соч. С. 45.

<sup>74</sup> Туган-Мирза-Барановский В.А. Указ. соч. С. 140; Присоединение Туркмении... С. 295; Демуров Г.З. Бой с текинцами при Денгильтепе 28 августа 1879 года (Рассказ очевидца) // Исторический вестник. 1881. № 3. С. 621.



## Мерв

Особое место в жизни Нур-Берды-хана занимал Мерв. Как было сказано выше, в 1858 г. при переселении текинцев из Серахса в Мерв Нур-Берды-хан прибыл туда с 2000 всадников и оказал соплеменникам определенную помощь, за что получил надел воды и земли, а также руку Гюль-Джемал, будущей управительницы Мерва<sup>81</sup>.

Многочисленные документы того времени свидетельствуют: Нур-Берды-хан часто бывал в Мерве. По сведениям Н.Н. Сполатбога, он проживал здесь с 1858 по 1860 г., занимая «в племени Векиль... положение хана», а вернувшись в Ахал, был избран там руководителем<sup>82</sup>. Об этом же пишет и Н.И. Гродеков, по данным которого, Нур-Берды-хан, прожив в Мерве 2 года, в 1860 г. появился в Ахале. Вернулся в Мерв он, по сведениям Г. Лэнсделла, в 1868 г.<sup>83</sup>, а в 1871 г. лично посетил Хиву<sup>84</sup>. На то, что Нур-Берды-хан попеременно жил в Ахале и Мерве, указывает и Г. Мозер<sup>85</sup>. В те периоды, когда он отсутствовал в Ахале, главным ханом там становился его старший сын Берды-Мурад-хан<sup>86</sup>.

В 1873 г. Нур-Берды-хан вновь находился в Мерве, о чем свидетельствует один казахский источник<sup>87</sup>, сообщая любопытные подробности. В 1873 г. казахский султан Садык<sup>88</sup> воевал на стороне Хивы, но после захвата ханства вместе с семьей перебрался в окрестности Чарджоу<sup>89</sup>. Там он встретил мервского сердара Мухаммет-Нияза и, оставив семью в кочевье близ Чарджоу, вместе с туркменами отправился в Мерв. Здесь он был представлен Говшут-хану, который передал гостя на попечительство Гюль-Джемал-ханши<sup>90</sup>. Подобный приют в Мерве в разное время получали различные правители соседних государств.

<sup>81</sup> Покорение Ахал-Теке... С. 13.

<sup>82</sup> Там же. С. 13, 17.

<sup>83</sup> Russian Central Asia... P. 480.

<sup>84</sup> Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России: сборник архивных документов. Ашхабад: Туркменское гос. изд-во, 1946. С. 44.

<sup>85</sup> À travers l'Asie Centrale... P. 319.

<sup>86</sup> Гродеков Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 70; Присоединение Туркмении... С. 191.

<sup>87</sup> Кенесарин А. Указ. соч. С. 58–59.

<sup>88</sup> Садык, точнее Сыздык (1837–1910) – средний сын Кенесары Касымова (1802–1847), последнего хана всех трех казахских жузов.

<sup>89</sup> Современный город Туркменабад...

<sup>90</sup> В документе она указана как Гульджемал-аим. Аим, по-казахски, означает *гостюжа*.

К примеру, афганский эмир Абдуррахман-хан<sup>91</sup>, отправляясь в Ташкент, гостил у Гюль-Джемал-ханши месяц, а сын бухарского эмира Абдул-Малик-тюря<sup>92</sup>, во время своего бегства из Бухары в Афганистан, пробыл в гостевом доме ханши два месяца<sup>93</sup>. Вскоре Мерв прибыл супруг Гюль-Джемал-ханши Нур-Берды-хан. Говшут-хан и Нур-Берды-хан предложили султану Садыку в помощь 10 тыс. конных джигитов для организации набега на Чарджоу. Но султан отказался – он был намерен отправиться в Герат, куда и отбыл, получив 40 джигитов в качестве сопровождения. Всего султан Садык пробыл в Мерве 7 месяцев<sup>94</sup>.

В 1875 г. в Гёк-депе состоялся совет, на котором колено Утамыш продемонстрировало склонность к мирному решению вопроса с российской стороной. В ответ на это колено Утамыш обратилось за помощью в Мерв, и оттуда Говшут-ханом была прислана депутация, которая не только запретила устанавливать какие-либо связи с русской стороной, но и пригрозила наказанием в случае неповиновения. Как сообщает Н.И. Гродеков, следом из Мерва возвратился Нур-Берды-хан, был вновь избран ханом Ахала и взял на себя управление оазисом<sup>95</sup>. В рапорте начальника Закаспийского военного отдела от 22 июня 1875 г. говорится, что вместе с Нур-Берды-ханом из Мерва прибыл его брат Худай-Берды-хан, который был избран ханом в Бяш-гала<sup>96</sup>. В других документах Худай-Берды-хан указан как дядя Нур-Берды-хана<sup>97</sup> и даже брат Говшут-хана<sup>98</sup>.

Из письма генерала Н.П. Ломакина следует, что Нур-Берды-хан в 1875 г. вновь отправляется в Мерв, но в 1876 г. возвращается в Ахал, и здесь заново проходит обязательную процедуру переизбрания<sup>99</sup>. В следующем 1877 г. Нур-Берды-хан перебирается в Мерв, о чем свидетельствует его переписка с находящимся в Ахале сыном Берды-Мурад-ханом<sup>100</sup>.

<sup>91</sup> Абдуррахман-хан (1844–1901) – эмир Афганистана с 1880 г.

<sup>92</sup> Сеид Абдумалик-хан Катта-Тура (1848–1909).

<sup>93</sup> *Кенесарин А.* Указ. соч. С. 59–60.

<sup>94</sup> Там же. С. 60.

<sup>95</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 120; *Куропаткин А.* Указ. соч. С. 49. Есть и другие сведения. По данным Д. Булджера, Нур-Берды-хан, прибыв в Мерв в 1874 г., оставался там 3 года. См.: *Central Asian portraits...* P. 243.

<sup>96</sup> Присоединение Туркмении... С. 187.

<sup>97</sup> Там же. С. 245.

<sup>98</sup> *Куропаткин А.* Указ. соч. С. 46.

<sup>99</sup> Присоединение Туркмении... С. 211–212.

<sup>100</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 77.

О пребывании Нур-Берды-хана в Мерве нам сообщают также хивинские хроники. Так, в 1867 г. в Мерв был отправлен представитель Хивинского ханства Нияз-Мухаммед-юзбаши, который преподнес хану богатые дары: коня, 3 пистолета, красный халат-чекмен, пояс и нож с рукояткой из рога носорога. В тетради расходов за 1873 г. указано, что Нур-Берды-хану в Мерв был послан один халат-чапан и один суконный чекмен с поясом [Брегель 1961, с. 316, 323].

В 1872 г. хивинской канцелярией была выдана сумма на проживание (*конук*) 12 текинцам во главе с одним из сыновей Нур-Берды-хана. Сообщается, что в том же году в ханство прибыла другая текинская делегация из Мерва, в составе которой был брат Нур-Берды-хана [Брегель 1961, с. 321, 322]. В списке указан Ораз-Мурад-Гараджа-хан, а мы знаем, что он был братом Нур-Берды-хана<sup>101</sup>. Известно, что Ораз-Мурад принадлежал ковуму Гараджа в составе рода Гара-Векиль, а Нур-Берды-хан был из ковума Гара-ёрге рода Ак-Векиль. Следовательно, можно предположить, что они были не родными, а двоюродными братьями по матери. В хивинских хрониках говорится, что «Ораз-Мурад из рода Гараджа колена Векиль получил от хана звание инака» [Брегель 1961, с. 340]. В «Книге рассказов о битвах текинцев» Ораз-Мурад Гараджа назван «беком Векилей»<sup>102</sup>.

По сообщению капитана А. Быкова, в Мерве коленом Векиль управлял Нур-Берды-хан, во главе колена Сычмаз стоял Аман-Нияз-хан (из рода Гараахмет), у Багши это был Анна-Яр-хан и у колена Бег – Беркели-хан, сын Утак-бая. А. Быков отмечает, что Беркели-хан был весьма молодым, тогда как остальные три хана были людьми уже пожилого возраста<sup>103</sup>. Известно, что Беркели-хан погиб в 1880 г. во время боя 6–7 июля при столкновении с рекогносцировочным отрядом генерала М.Д. Скобелева близ крепости Еген-Батыр-гала. Тогда мертвцы отправили в Ахал на помощь своим соплеменникам передовой отряд в 800 текинских конников под предводительством Беркели-хана и 150 сарыкских всадников под начальством Леганк-сердара<sup>104</sup>.

<sup>101</sup> Присоединение Туркмении... С. 192.

<sup>102</sup> *Абду-с-Саттар*. Указ. соч. Л. 0107, 0108.

<sup>103</sup> *Теке-Мерва*. Расспросы капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона Быкова (Отдельный оттиск). Ташкент: Тип. Окр. штаба, 1879. С. 4.

<sup>104</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 145, 146.

В 1878 г., после смерти Говшут-хана, правителем Мерва был избран Нур-Берды-хан<sup>105</sup>. Правда, сначала какое-то время правил сын Говшут-хана Баба-хан (на это обстоятельство указывают Н.И. Гродеков и Д. Булджер<sup>106</sup>), но затем, в том же году, общий совет провозгласил ханом Мерва Нур-Берды-хана, который начал именоваться во многих документах того времени ханом мервским<sup>107</sup>.

Надо подчеркнуть, что Нур-Берды-хан был авторитарен, но при этом спокоен и терпелив. Он не обладал той железной волей, которая отличала его предшественника<sup>108</sup>, и был не столь энергичен<sup>109</sup>, но пользовался, как мы указывали выше, популярностью и уважением, которые заслужил в том числе своей хозяйственной деятельностью. И в Мерве Нур-Берды-хан осуществил ряд хозяйственных проектов, среди которых выделяется постройка плотины на Мургабе – Бенд Нур-Берды-хан<sup>110</sup>.

## Литература

- Атдаев 2024 – *Атдаев С.Дж.* Эпизоды краткого перемирия // Россия и мир в исторической ретроспективе: К 120-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля А.Н. Косыгина: Материалы XXX Международ. науч. конф. Санкт-Петербург. 11 апреля 2024 г.: В 3 т. Т. 1. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2024. С. 23–29.
- Брегель 1961 – *Брегель Ю.Э.* Хорезмские туркмены в XIX в. М.: Изд-во восточной лит., 1961. 442 с.
- Тихомиров 1960 – *Тихомиров М.Н.* Присоединение Мерва к России. М.: Изд-во восточной лит., 1960. 238 с.
- Халфин 1965 – *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 468 с.
- Хидоятов 1969 – *Хидоятов Х.Г.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-х гг.). Ташкент: ФАН, 1969. 359 с.
- Türkmen, Sağlam 2019 – *Türkmen F., Sağlam S.* Mehmet Emin Efendinin “İstanbul’dan Asyayı Vüstayı Seyahat” Adlı Kitabında Türkmenistan] // *Elginkan Vakfı 4. Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Kurultayı Bildirileri*. 24-25-26 Nisan. 2019 [Материалы 4-го Международного конгресса турецкого языка и литературы Фонда Элгинкан. 24–26 апреля 2019 г.]. Topkapı – Istanbul: Elginkan Vakfı, 2019. S. 243–259.

<sup>105</sup> Там же. Т. 1. С. 70.

<sup>106</sup> *Гродеков Н.И.* Указ. соч. Т. 4. С. 99; *Central Asian portraits...* P. 246.

<sup>107</sup> Присоединение Туркмении... С. 133, 450.

<sup>108</sup> *The Russians at Merv...* P. 183.

<sup>109</sup> *Алиханов-Аварский М.* Указ. соч. С. 15, 16.

<sup>110</sup> Там же. С. 725.

## References

---

- Atdaev, S.J. (2024), "Episodes of a brief truce", in *Rossiya i mir v istoricheskoi retrospektive. K 120-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya gosudarstvennogo deyatelya A.N. Kosygina: Materialy 30 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: V 3 t. Sankt-Peterburg, 11 aprelya 2024 g.* [Russia and the World in Historical Retrospect. Commemorating the 120<sup>th</sup> anniversary of the birth of the outstanding statesman A.N. Kosygin: Proceedings of the 30<sup>th</sup> International Scientific Conference, St. Petersburg, April 11, 2024, in 3 vols.], Sankt-Peterburgskii gos. un-t promyshlennykh tekhnologii i dizaina, Saint Petersburg, Russia, vol. 1, pp. 23–29.
- Bregel, Yu.E. (1961), *Khorezmskie turkmeny v XIX v.* [Khorezm Turkmens in the 19<sup>th</sup> century], Izdatel'stvo vostochnoi literatury, Moscow, Russia.
- Khalfin, N.A. (1965), *Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.)* [Annexation of Central Asia to Russia (60–90s of the 19<sup>th</sup> c.)], Nauka, Moscow, Russia.
- Khidoyatov, Kh.G. (1969), *Iz istorii anglo-russkikh otnoshenii v Srednei Azii v kontse XIX v. (60–70-kh gg.)* [From the History of Anglo-Russian Relations in Central Asia in the Late 19<sup>th</sup> Century (60–70s)], FAN, Tashkent, Uzbekistan.
- Tikhomirov, M.N. (1960), *Prisoedinenie Merva k Rossii* [Annexation of Merv to Russia], Izdatel'stvo vostochnoi literatury, Moscow, Russia.
- Türkmén, F. and Saglam, S.* (2019), "Turkmenistan in Mehmet Emin Efendi's book 'Journey from Istanbul to Asia'", *Elginkan Vakfı 4. Uluslararası Türk Dili ve Edebiyatı Kurultayı Bildirileri. 24–26 Nisan. 2019* [Proceedings of the 4<sup>th</sup> Elgincan Foundation International Congress of Turkish Language and Literature. April 24–26, 2019], Topkapi: Istanbul: Elginkan Vakfı, S. 243–259.

### Информация об авторе

Сердар Дж. Атадаев, кандидат исторических наук, Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан; 744000, Туркменистан, Ашхабад, Туркменбаши шайолы, д. 18; serdar63atdayev@gmail.com

### Information about the autor

Serdar J. Atdayev, Cand. of Sci. (History), Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan; bld. 18, Turkmenbashi Shayoly, Ashgabat, Turkmenistan, 744000; serdar63atdayev@gmail.com



## К вопросу об организации курсов восточных языков в Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения в начале XX в.

Маргарита Х. Закирова

*Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова  
Российской академии наук, Москва, Россия  
zakirova2023@outlook.com*

*Аннотация.* В статье рассматривается вопрос о создании и работе курсов восточных языков в рамках Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения в начале XX в. На основе архивных материалов, отложившихся в Российском государственном военно-историческом архиве и Российском государственном историческом архиве, автор подробно рассматривает учебно-образовательную политику Практической восточной академии, уделяя особое внимание проблеме организации при ней «военного отдела». Отдельно анализируется проект Положения Практической восточной академии, который рассматривался в правительственных и научных кругах в течение 1911–1916 гг. и с принятием которого Академия получила бы статус высшего учебного учреждения, а также дополнительные возможности по урегулированию внутренних административных и учебных вопросов. Рассмотрев данные сюжеты, автор приходит к выводу, что главной задачей Практической восточной академии было обучение офицеров и чиновников, планирующих службу на Востоке, в связи с чем Советом Общества востоковедения и был основан особый «военный отдел», занимающийся подготовкой военных специалистов со знанием восточных языков, географии и истории, что было необходимо для осуществления разведки. Кроме того, Академия готовила студентов высших учебных учреждений, желающих посвятить себя дипломатической и коммерческой службе на Востоке.

*Ключевые слова:* Российская империя, Практическая восточная академия, Императорское общество востоковедения, восточные языки, образование

*Для цитирования:* Закирова М.Х. К вопросу об организации курсов восточных языков в Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения в начале XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 41–64. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-41-64

© Закирова М.Х., 2024

## On the organization of Oriental Languages Courses in the Practical Oriental Academy at the Imperial Society of Oriental Studies at the beginning of the 20<sup>th</sup> century

Margarita Kh. Zakirova

*S.I.Vavilov Institute for the History of Science and Technology  
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia  
zakirova2023@outlook.com*

*Abstract.* The article deals with the creation and work of Oriental languages courses within the framework of the Practical Oriental Academy at the Imperial Society of Oriental Studies in the early 20th century. Based on archival materials deposited in the Russian State Military History Archive and the Russian State Historical Archive, the author considers in detail the educational policy of the Practical Oriental Academy, paying special attention to the issue of organizing a “military department” there. Separately, the author analyzes the draft Statute of the Practical Oriental Academy, which was considered in governmental and scientific circles in 1911–1916, and with the adoption of which the Academy would have received the status of a higher educational institution and additional opportunities to regulate internal administrative and educational issues. Having considered those subjects, the author comes to the conclusion that the main task of the Practical Oriental Academy was the training of officers and officials preparing for service in the East, in connection with which the Council of the Society of Oriental Studies founded a special “military department” engaged in the training of military specialists with knowledge of Oriental languages, geography and history, which was necessary for conducting the intelligence. In addition, the Academy trained students of higher educational institutions willing to devote themselves to diplomatic and commercial service in the East.

*Keywords:* Russian Empire, Practical Oriental Academy, Imperial Society of Oriental Studies, Oriental languages, education

*For citation:* Zakirova, M.Kh. (2024), “On the organization of Oriental Languages Courses in the Practical Oriental Academy at the Imperial Society of Oriental Studies at the beginning of the 20<sup>th</sup> century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 41-64. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-41-64

Практическая восточная академия при Обществе востоковедения<sup>1</sup> была основана в 1909 г. по инициативе Общества востоковедения и Министерства торговли и промышленности

---

<sup>1</sup> Общество востоковедения было основано в 1900 г. и состояло под покровительством великого князя Михаила Николаевича. С 1910 г. Общество востоковедения получило статут «императорского» и стало называться Императорским обществом востоковедения.

как специальное учебное заведение для подготовки военных и гражданских специалистов, свободно владеющих восточными языками, знающих географию и историю стран Востока. Академия много сделала для становления отечественного востоковедения как научной дисциплины и расширения круга лиц, сведущих в языках народов Востока. Однако до настоящего времени ее история не раскрыта.

Нынешняя политическая ситуация придает этому вопросу концептуальное значение и дополнительную актуальность. Ведь изучение работы Академии выявляет механизмы деятельности специальной языковой школы, занимавшейся подготовкой специалистов для дипломатической, коммерческой и военной службы на окраинах Российской империи. Актуальна данная тема и в контексте развития современной образовательной системы, точнее, создания слаженной системы преподавания восточных языков и разработки соответствующих практических методических пособий и учебников. Опыт Практической восточной академии сегодня может оказаться весьма полезным.

В данной работе на основе документов, отложившихся в Российском государственном военно-историческом архиве и Российском государственном историческом архиве, мы реконструируем особенности организации Практической восточной академии и оцениваем ее роль в развитии системы преподавания восточных языков в России в начале XX в. В своем исследовании мы опираемся на труды отечественных и зарубежных ученых, затрагивающих проблемы изучения восточных языков в Российской империи ([Басханов 2018; Дыбовский 2018а; Дыбовский 2018b; Полянская 2016; Тольц 2013; Иванов 1991; Куликова 1982] и др.).

Почти в самом начале своего существования Общество востоковедения обратило внимание на необходимость создания курсов восточных языков. Уже в январе 1901 г. в Санкт-Петербурге им были открыты курсы персидского, турецкого и японского языков, но они просуществовали только до 1903 г. Число слушателей оказалось небольшим. Так, в весеннем семестре 1901 г. было зачислено 13 чел., в 1901–1902 учебном году курсы посещало 12 слушателей, а в 1902–1903 учебном году – только два слушателя<sup>2</sup>. На 1904–1905 учебный год курсы были закрыты – первоначально из-за отсутствия набора, а затем и из-за

---

<sup>2</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 3694. Л. 97 об.

политических и военных событий в Российской империи. В 1906 г. их открыли вновь, при этом одним из основных языков стал японский. Также слушатели могли выбрать китайский, монгольский и персидский языки, к которым впоследствии добавился турецкий. Кроме того, на курсах изучали географию, новейшую историю и политическую организацию стран, соответствующих изучаемому языку, дипломатическое и консульское право на Востоке.

Число слушателей курсов значительно менялось. Например, если в весеннем семестре 1906 г. было зачислено 10 чел., то уже в 1906–1907 учебном году – 30 чел., через год, в 1907–1908, на курсы поступило только 15 чел., а в 1908–1909 уч. г. – уже 53 чел. Курсами интересовались главным образом студенты факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, а также чиновники и офицеры. Были в числе учащихся и женщины<sup>3</sup>.

Наибольшей популярностью пользовались курсы японского и китайского языков. Курсы при Обществе востоковедения существовали на государственные средства (5 тыс. руб. в год)<sup>4</sup>.

Вопрос об организации Практической восточной академии обсуждался в Совете Общества востоковедения с 1907 г. В 1908 г. был подготовлен доклад в Министерство торговли и промышленности о создании Академии на базе курсов востоковедения<sup>5</sup>. В докладе отмечалось, что

...в исполнении<sup>6</sup> воли его императорского высочества, Общество востоковедения прежде всего открыло у себя «курсы востоковедения» для практического изучения языков и стран Востока, а затем в дальнейшем, ознакомившись ближайшим образом с вопросом об изучении Востока и практическими требованиями современной государственной жизни наших окраин и сопредельных с ними стран Востока, пришло к заключению, что в настоящее время [1908 г.] созрела настоятельная потребность в преобразовании «курсов востоковедения» в «Практическую восточную академию»<sup>7</sup>.

По мнению Совета Общества востоковедения, Практическая восточная академия в своей основе должна была полностью отличаться от высших учебных учреждений:

---

<sup>3</sup> Там же. Л. 97 об., 98.

<sup>4</sup> Там же. Л. 13.

<sup>5</sup> Обзор деятельности Общества востоковедения за 1907–1908 г. СПб.: Типография «Россия», 1908. С. 7.

<sup>6</sup> Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источника.

<sup>7</sup> Обзор деятельности Общества востоковедения... С. 25.

Факультет Восточных языков при Санкт-Петербургском университете всегда имел и имеет главной своей целью учено-филологическое изучение Востока. Лазаревский институт Восточных языков в Москве, первоначально основанный со специальной целью образования кавказских инородцев, и Восточный институт во Владивостоке, державшийся прежде более практического направления, в настоящее время также переходит на научно-теоретическое изучение Востока. <...> Состоящее при Министерстве иностранных дел Учебное отделение восточных языков (арабский, турецкий и персидский) для приготовления драгоманов<sup>8</sup> наших посольств, миссий и консульств исключительно Ближнего Востока, равным образом является узко-лингвистической программой. Таким образом, вышепоименованные учебные заведения, хотя и поставляют себе задачей изучение восточных языков, но не соответствуют тем требованиям, которые предъявляются государством в отношении знакомства с современным Востоком. Практика отношений с Востоком указывает на потребность иметь лиц двух категорий: переводчиков, умеющих только читать, писать и говорить на восточных языках, и восточников, т. е. лиц, не только знающих практический язык, но сверх того, прошедших особый специальный курс для удовлетворения служебных потребностей заинтересованных ведомств<sup>9</sup>.

В то же время Совет отмечал, что Практическая восточная академия должна заняться подготовкой лиц, во-первых, для службы на окраинах Российской империи и, во-вторых, для научной и образовательной деятельности. В связи с этим планировалось учредить при ней два отделения: учебное с «военным отделом» для подготовки переводчиков и учебно-практическое на базе Общества востоковедения<sup>10</sup>. Предполагалось, что офицеры, окончившие Практическую восточную академию, получат преимущественное право на службу в войсках на окраинах Российской империи и командировки в восточные страны, а также право на получение прибавки (правда, каждые 3 года знание языка требовалось бы подтверждать, сдавая экзамен, чтобы сохранить право на денежное поощрение)<sup>11</sup>.

---

<sup>8</sup> Драгоман – официальная должность переводчика и посредника между ближневосточными и азиатскими державами и европейскими дипломатическими и торговыми представительствами.

<sup>9</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3694. Л. 41.

<sup>10</sup> Обзор деятельности... С. 25–26.

<sup>11</sup> Там же. С. 27.

В начале XX в. вопрос изучения восточных языков в Российской империи рассматривался на государственном уровне – в частности Главным управлением Генерального штаба и Военным министерством, перед которыми стояла задача подготовить военных переводчиков и разведчиков со знанием восточных языков<sup>12</sup>. Таким образом, предложение Совета Общества востоковедения оказалось очень актуальным.

В 1909 г. по предложению военного министра В.А. Сухомлинова проект Практической восточной академии был внесен в Военный совет и затем представлен в Совет министров. Отдельно вопрос об образовании Академии обсуждался в Министерстве торговли и промышленности, Министерстве иностранных дел и Министерстве народного просвещения. На заключительном этапе дискуссии проект рассмотрела Государственная дума, которая приняла положительное решение по вопросу открытия Практической восточной академии при Обществе востоковедения. Председатель Думы А.И. Гучков также утвердил закон «Об отпуске из государственного казначейства пособия Обществу востоковедения на содержание Практической восточной академии», согласно которому с 1910 по 1915 г. из Государственного казначейства Обществу востоковедения начислялось пособие на содержание Академии в размере 7500 руб. в год<sup>13</sup>.

Практическая восточная академия осуществляла свою деятельность на основе Устава, утвержденного 28 октября 1909 г. министром торговли и промышленности В.И. Тимирязевым<sup>14</sup>. В соответствии с Уставом директор Академии избирался Советом Общества востоковедения и утверждался министром торговли и промышленности. В Совет Практической восточной академии входили директор и преподаватели Академии.

---

<sup>12</sup> Более подробно вопрос изучения восточных языков офицерами рассматривает М.К. Басханов. Он отмечает, что военно-востоковедческая дискуссия в русской армии (1905–1914) велась во всех центрах русского военного востоковедения – в центральном (Санкт-Петербург), кавказском (Тифлис), туркестанском (Ташкент) и дальневосточном (Омск, Иркутск, Хабаровск, Владивосток и Харбин), как на официальном уровне, так и в армейской среде. Разработка реформы в центральных органах военного управления была сосредоточена в Главном управлении Генерального штаба [Басханов 2018].

<sup>13</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3824. Л. 28.

<sup>14</sup> Устав Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения. СПб.: Типография Т-ва п.ф. «Электро-Типография Н.Я. Стойковой», 1910. 11 с.

Обязанности ученого секретаря выполнял выборочно один из преподавателей<sup>15</sup>.

Совет Практической восточной академии собирался один раз в месяц для решения научных, учебных и иных организационных вопросов. В частности, Совет Академии рассматривал вопросы приема и отчисления слушателей с курсов Академии, выносил решения по утверждению учебных планов и программ преподавателей, регламентировал работу библиотеки и типографии, выносил решения по вопросу учебных командировок и рассматривал различные вопросы, связанные с научно-образовательной деятельностью Академии<sup>16</sup>. В целом научно-педагогическая, кадровая и административная деятельность Практической восточной академии должна была реализоваться по образцу Восточных академий в Австрии, Германии и Франции<sup>17</sup>.

В рамках Академии действовали следующие направления подготовки: 1) по изучению языков и стран Востока (китайское, японское, монгольское, среднеазиатское (тюркское наречие), персидское и балканское (Турция, Болгария и Сербия) отделения и 2) по специальным отделениям – коммерческому, окраинно-административному, консульскому и военному<sup>18</sup>. Обучение продолжалось 3 года, каждый учебный год делился на 2 семестра: весенний с 7 января по 7 мая и осенний с 15 сентября по 15 декабря. Так как занятия в Академии проходили в вечернюю смену, курсы также могли посещать студенты высших учебных учреждений. Обучение было платным, один семестр обучения по одному языку обходился слушателю в 20 руб., а если поступающий выбирал два языка, то 35 руб.<sup>19</sup>

Прием слушателей в Практическую восточную академию проходил один раз в год, в начале каждого учебного года. Подать заявление на поступление могли все желающие вне зависимости от пола. Обязательным требованием было наличие диплома о среднем или высшем образовании, вступительные экзамены при этом сдавать не требовалось. Желающий поступить на пер-

---

<sup>15</sup> Там же. С. 3. Первым директором Академии стал тайный советник, доктор монгольской словесности, профессор А.М. Позднеев, ученым секретарем и заместителем директора был избран магистр китайской словесности, приват-доцент Санкт-Петербургского университета А.И. Иванов.

<sup>16</sup> Там же. С. 4–5.

<sup>17</sup> Практическая восточная академия в России: Материалы к проекту. Проект. СПб.: Электро-Тип. Н.Я. Стойковой, 1909. С. 26–67.

<sup>18</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3824. Л. 1.

<sup>19</sup> Там же. Л. 1.

вый курс просто подавал заявление в Совет Общества востоковедения с обоснованием цели поступления в Практическую восточную академию. В нем указывались язык и для какой службы или деятельности на Востоке требуется его знание. Кроме того, абитуриент должен был иметь вид на жительство в Санкт-Петербурге, что составляло немалую проблему для офицеров, находившихся на службе на периферии Российской империи, ведь в данном случае требовались командировка или отпуск.

Обучение в Практической восточной академии состояло из подготовительного, практического и академического курсов. Подготовительный и практический курсы проходили в течение четырех семестров и включали изучение восточного языка, английского и французского языков, географии, этнографии и новейшей истории стран Востока. На академических курсах в течение двух семестров слушатели проходили предметы по узкой специальности, посещая коммерческое, окраинно-административное, консульское и военное отделения. Следовательно, поступающему в заявлении было нужно указать два пункта: 1) предпочитаемый восточный язык и 2) специальное отделение.

На «коммерческом отделении» основными предметами были: торговое право и экономика Востока, банковская, таможенная и торговая системы страны изучаемого языка.

На «окраинно-административном отделении» читали курсы по пограничному, иностранному (местному) и полицейскому праву, экономике, административному, торгово-промышленному и хозяйственному устройству окраин Российской империи.

В «консульском отделении» изучали международное право, историю отношений России со странами Востока, военное устройство страны изучаемого языка, правила консульской службы и французский язык.

С организацией в 1910 г. военного отдела в его программу были включены курсы по военному праву, военному устройству, военной географии, военной статистике, военной терминологии и составлению документов военного характера<sup>20</sup>.

Если слушатель удачно сдавал экзамены, на время каникул его могли командировать в страну изучаемого языка для языковой практики и знакомства с местной политической, экономической и культурной жизнью<sup>21</sup>.

С открытием при Практической восточной академии военного отдела среди офицеров российской армии стали появляться желающие получить командировку в Санкт-Петербург.

<sup>20</sup> Устав Практической восточной академии... С. 5–7.

<sup>21</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3694. Л. 53.



бург<sup>22</sup>. Следует отметить, что в начале XX в. военные, в частности офицеры Приамурского военного округа и Заамурского округа пограничной стражи, командировались в Восточный институт во Владивосток. Восточный институт, основанный в 1899 г., состоял в ведении Министерства народного просвещения и находился под контролем приамурского генерал-губернатора<sup>23</sup>. Обучение здесь длилось четыре года и, начиная со второго учебного года, велось на четырех отделениях: китайско-японском, китайско-корейском, китайско-монгольском и китайско-маньчжурском. В Восточный институт допускались ежегодно 20 офицеров, прослуживших в строю в офицерском звании не менее одного года. Ежегодно каждому офицеру, успешно сдавшему проходные экзамены (английский и немецкий языки), назначалось пособие в размере 980 руб.<sup>24</sup>

Однако к 1908–1909 гг. среди офицеров появились недовольные системой образования в Восточном институте. Причин тому было несколько, они изложены в докладной 1908 г. слушателя курсов капитана Главного управления Генерального штаба В.В. Кривенко временно управляющему Военным министерством А.А. Поливанову<sup>25</sup>. В.В. Кривенко отмечает, что Восточный институт обладает

---

<sup>22</sup> Там же. Л. 26.

<sup>23</sup> В начале XX в. преподавание восточных языков в военных училищах было введено с разрешения военного министра Российской империи. Так, в Иркутском военном и Оренбургском казачьем училищах преподавали китайский и японский языки, в Тифлисском – «азербайджанское наречие турецкого языка», в Николаевском кавалерийском – китайский язык и в Пажеском Его Императорского Величества корпусе – японский и китайский языки. Восточные языки можно было изучить в Санкт-Петербургском, Казанском, Юрьевском (бывшем Дерптском), Московском университетах и в Александровском университете в Гельсингфорсе. Существовали также специальные курсы, которые неформально относили к учебным заведениям высшего разряда: специальные классы Лазаревского института восточных языков в Москве, Восточный институт во Владивостоке, Учебное отделение при Первом департаменте Министерства иностранных дел, Казанская духовная академия, Офицерская школа восточных языков при Штабе Туркестанского военного округа в Ташкенте, Коммерческий институт Московского общества распространения коммерческих знаний в Москве и собственно Практическая восточная академия при Обществе востоковедения. См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3694. Л. 83 об., 84.

<sup>24</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3640. Л. 1.

<sup>25</sup> Обзор деятельности Общества востоковедения и Практической восточной академии за 1911–1912 гг. Санкт-Петербург: Электро-Тип. Стойковой Н.Я., 1913. С. 41.

...1/ страшной загроможденностью программы, благодаря чему частности поглощают главное. 2/ отсутствием профессорского состава как в отношении качества, так и количества. 3/ чрезмерной многочисленностью слушателей... 4/ абсолютным отсутствием руководящих идей как научных, так и государственных...<sup>26</sup>

По мнению В.В. Кривенко, «загромождение программы» было связано с тем, что в Восточном институте большая часть студентов готовилась к коммерческой и консульской деятельности, поэтому в программе преобладали дисциплины по политической экономии, международному, гражданскому и торговому праву, товароведению и бухгалтерии, а восточные языки оставались на заднем плане<sup>27</sup>.

Высоко оценивая занятия, проводимые профессорами В.Н. Кюнером<sup>28</sup>, П.П. Шмидтом<sup>29</sup> и А.В. Рудаковым<sup>30</sup>, В.В. Кривенко критиковал В.Н. Кюнера за то, что он, увлеченный тибетоведением, превратил свой курс по географии Востока в курс по истории Тибета<sup>31</sup> и отмечал в целом, что преподаватели используют разные методы, и это мешает усвоению программы<sup>32</sup>. На учебном процессе негативно сказывалось и совмещение многими сотрудниками преподавательской и административной деятельности, из-за чего у них не оставалось времени на полноценную работу со студентами, и нехватка педагогов-практиков, преподающих китайский, японский и английский языки. Не нравилась В.В. Кривенко и общая атмосфера в Восточном институте<sup>33</sup>.

Разумеется, мнение В.В. Кривенко не только субъективно, но и односторонне, поскольку он обращает внимание только на отрицательные стороны внутренней структуры и научно-образовательной работы Восточного института. Однако офицерам,

---

<sup>26</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3640. Л. 15–16.

<sup>27</sup> Там же. Л. 16 об.

<sup>28</sup> Николай Васильевич Кюнер (1877–1955) – востоковед, исследователь Тибета, Китая, Японии, Кореи, Маньчжурии, Синьцзяна, Монголии и Тувы.

<sup>29</sup> Петр Петрович Шмидт (латыш. Pēteris Šmits, 1869–1938) – исследователь Китая, автор научных теоретических и методических работ по изучению китайского языка.

<sup>30</sup> Аполлинарий Васильевич Рудаков (1871–1949) – исследователь Китая и Маньчжурии. В течение 11 лет (1906–1917) состоял в должности директора Восточного института.

<sup>31</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3640. Л. 17 об.

<sup>32</sup> Там же.

<sup>33</sup> Там же. Л. 20.

желающим приобрести навыки, необходимые для работы переводчика и(ли) разведчика, институт не совсем подходил.

С 19 мая 1909 г. по распоряжению Главного управления Генерального штаба прием офицеров на курс восточных языков, учрежденный при Министерстве иностранных дел на базе Восточного института во Владивостоке, был прекращен в связи с «выработкою Военным министерством нового порядка подготовки офицеров, знающих восточные языки» (поступившим в течение трех предшествующих лет слушателям было разрешено продолжить обучение)<sup>34</sup>. Это событие заставило военных обратить внимание на образованный при Практической восточной академии особый «военный отдел» в Санкт-Петербурге.

Со своей стороны, Совет Общества востоковедения направил в Азиатский отдел Главного управления Генерального штаба просьбу направить офицеров, желающих изучать восточные языки, в Академию на 1909–1910 учебный год<sup>35</sup>. Однако Военное министерство считало, что допустить к поступлению в Практическую восточную академию можно лишь офицеров Петербургского гарнизона, и то лишь при неременном условии выполнения ими своих прямых служебных обязанностей<sup>36</sup>.

Начальник Азиатского отдела Главного управления Генерального штаба полковник С.В. Цейль в обращении к генералу Главного управления Генерального штаба П.К. Кондзеровскому констатировал,

...что условия внутренней жизни Практической восточной академии не могут быть приравняемы к таковым высших учеб. заведений гражданского ведомства...

и в целом

...академия... по существу своему не может почитаться высшим учебным заведением, – это не более как практические курсы языков<sup>37</sup>.

При этом он отмечал, что

...в академии установлен особый военный отдел для офицеров, который Главный штаб имеет в виду воспользоваться в будущем для подготовки офицеров восточников, и наконец Министерство

<sup>34</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 190. Л. 91, 91 об.

<sup>35</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3824. Л. 19, 19 об.

<sup>36</sup> Там же. Л. 53, 53 об.

<sup>37</sup> Там же. Л. 45, 45 об.

юстиции признало также соответственным открыть в этой академии особый отдел для подготовки предназначаемых для службы на окраинах кандидатов на судебные должности<sup>38</sup>.

Со своей стороны, П.К. Кондзеровский не видел препятствий к обучению офицеров в Академии, но все упиралось в проблему получения ими разрешения на длительную командировку<sup>39</sup>.

В 1911 г. председатель Императорского общества востоковедения, вице-президент Практической восточной академии генерал-лейтенант Н.К. Шведов обратился к военному министру В.А. Сухомлинову с просьбой командировать офицеров в Санкт-Петербург. В своем обращении он отмечал, что

...ввиду начала занятий в Академии 19 сентября [1911 г.], поступают заявления от офицеров о желании их слушать курс в Академии и изучать практические восточные языки, но для этого они должны иметь разрешение начальства и возможность временно служить в Петербурге<sup>40</sup>.

Решить данную проблему можно было приняв соответствующий закон, но проект Главного управления Генерального штаба о новом порядке подготовки офицеров-переводчиков не был утвержден, и прикомандирование офицеров оказалось под запретом<sup>41</sup>.

---

<sup>38</sup> Там же.

<sup>39</sup> Там же. Л. 46.

<sup>40</sup> Там же. Л. 51, 51 об.

<sup>41</sup> Внесенный Военным министерством проект относительно нового порядка подготовки офицеров, знающих восточные языки, на рассмотрение Государственной Думы, был принят 13 мая 1911 г. и включал следующие положения: во-первых, офицеры, желающие заняться изучением восточных языков, должны были пройти предварительный восьмимесячный курс подготовительных школ, учреждаемых при Штабах Приамурского, Туркестанского и Кавказского военных округов. В школах этих предполагалось давать офицерам элементарную теоретическую подготовку по избранным для изучения языкам, а также ознакомить с географическими, статистическими и другими данными о стране, куда предполагалось командировать их по окончании обучения. Во-вторых, после завершения учебы офицеры должны были отправиться на 2 года в ту страну, язык которой они изучали, и затем сдать экзамен на знание языка. Если экзамен сдавался успешно, выпускник школы получал звание офицера-переводчика. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 190. Л. 100 об., 101.

В 1909–1910 учебном году в Практической восточной академии было образовано пять отделений по изучению языков: китайского, японского, персидского, монгольского и балканского. Всего были зачислены 44 слушателя, в том числе пять офицеров, семь чиновников, один штейгер (горный инженер), один штурман дальнего плавания, пять городских учительниц и 25 студентов высших учебных учреждений<sup>42</sup>.

Таблица 1

Численность слушателей Практической восточной академии за 1910–1911 учебный год<sup>43</sup>

№	Отделение	В весенний семестр 1910 г., чел.	За 1910–1911 уч. г., чел.
1	Китайское	5	15
2	Японское	18	40
3	Монгольское	2	3
4	Персидское	10	12
5	Балканское	9	32

Из таблицы видно, что большее количество желающих поступало на отделения японского и балканского языков, что было связано, очевидно, с прошедшей Русско-японской войной и политическими событиями на окраинах Российской империи: правительству требовались специалисты со знанием японского языка<sup>44</sup>.

<sup>42</sup> Обзор деятельности Общества востоковедения и Практической восточной академии за 1909–1910 гг. СПб.: Типография А. Снесарева, 1910. С. 49–50.

<sup>43</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 238. Л. 47.

<sup>44</sup> В 1908 г. по инициативе министра финансов В.Н. Коковцова была открыта особая комиссия по вопросу изучения японского языка в Российской империи. В обращении к военному министру А.Ф. Редигеру он писал:

При том положении, которое заняла ныне на Дальнем Востоке Япония, для нас, как непосредственных ее соседей, приобретает крайне серьезное значение возможно широкое распространение знания японского языка среди местного русского населения. Лишь этим путем можно рассчитывать на обеспечение надлежащей осведомленности, представляющей столь большую важность как в политическом, так и экономическом отношениях. В то же время знание языка

В Практической восточной академии монголоведение и монгольский язык вел А.М. Позднеев, китаеведение и китайский язык читал А.И. Иванов, персидский язык преподавали К.И. Карташевский и Л.Ф. Богданов, теорию и практику японского языка читал господин Шинво Иноуэ, теорию и практику турецкого языка вел господин К.Г. Вамваки и дипломатическое и консульское право на Востоке читал служащий Министерства иностранных дел, магистр Санкт-Петербургского университета А.М. Горовцев. В начале 1910 г. Обществом востоковедения также были приглашены преподаватели по арабскому языку – господин П.В. Антаки, болгарскому языку – магистр А.П. Градевский, сербскому языку – доктор философии И.С. Шайкович<sup>45</sup>.

Императорским Обществом востоковедения также были утверждены пособия и учебники для слушателей Практической восточной академии. Так, по китайскому языку использовались работы А.И. Иванова, в частности китайская хрестоматия и руководство по изучению китайской скорописи. По японскому языку были приняты работы Д.М. Позднеева, среди которых японский письмовник, газетная хрестоматия, японско-русский словарь, учебник по чтению и практическим упражнениям по японскому языку Токухонь, японские диалоги, грамматика разговорного языка, общий очерк Японии и японская историческая хрестоматия. Преподаватели персидского отделения использовали работы Л.Ф. Богданова. Кроме того, на базе Академии создавались труды по истории государственного строя Китая, был написан курс по политической истории Японии, появились сборники официальных текстов по персидскому языку<sup>46</sup>.

В Практической восточной академии было принято за правило комплектование небольших групп. Каждый день про-

---

значительно облегчит взаимное понимание между обоими народами и установление непосредственных коммерческих сношений, что является лучшим залогом взаимных дружеских отношений... необходимо, по моему мнению, действовать по определенной общей определенной системе установив преподавание японского языка в некоторых наших учебных заведениях, низших и средних, командировки в Японию лиц, изучающих этот язык, для усовершенствования, однообразные меры поощрения самостоятельно научившихся говорить по-японски и т. д. См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3694. Л. 1, 1 об.

<sup>45</sup> Обзор деятельности Общества востоковедения за 1907–1908 г. ... С. 45–46, 49–50.

<sup>46</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3824. Л. 48.

дились теоретические (2 часа) и практические (1 час) занятия по выбранному языку; 2 часа в неделю было отведено занятиям по каллиграфии<sup>47</sup>. Непосредственная разговорная практика и погружение в жизнь страны изучаемого языка реализовывались во время каникул. Например, в 1910 г. Советом Академии на этот период были командированы: в Китай – 4 слушателя, в Японию – 5, в Турцию – 2, в Персию – 6 и в Сербию – 9.

В январе 1911 г. при Академии были открыты курсы кавказских туземных языков для кандидатов на судебные должности. Курсы проходили в течение двух семестров по 4 месяца каждый. На изучение армянского языка поступило 5 чел., грузинского – 3 чел. и татарского – 7 чел.<sup>48</sup>

В 1909 г. при Ташкентском отделении Общества востоковедения также были открыты вечерние бесплатные курсы сартского и таджикского языков, причем на первый из этих курсов записалось 100 чел., а на второй – 22 чел. Также по желанию слушателей были организованы лекции по «мусульманству». Слушателей курса по сартскому языку разделили на четыре группы, в которые вошли служащие торгово-промышленных заведений и нижние чины Ташкентского гарнизона. Последним были положены только практические занятия, в остальных группах велись занятия как практические, так и теоретические. Поскольку слушателей было много, пришлось ввести плату за обучение. При трех уроках в неделю курсы обходились в 1 руб. 50 коп. в месяц<sup>49</sup>.

В 1911 г. Совет Императорского общества востоковедения поднял вопрос о преобразовании Практической восточной академии в высшее учебное учреждение для подготовки сотрудников ведомственных учреждений и военных, служащих на окраинах Российской империи<sup>50</sup>. Разработанный Императорским обществом востоковедения и утвержденный председателем и вице-президентом Практической восточной академии генерал-лейтенантом Н.К. Шведовым проект «Положения о Практической восточной академии» включал широкий круг вопросов от учебно-образовательных, административных и хозяйственных до утверждения учебного плана и штата сотрудников<sup>51</sup>.

<sup>47</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 190. Л. 19.

<sup>48</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3694. Л. 99, 99 об., 100.

<sup>49</sup> Там же. Л. 100.

<sup>50</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 190. Л. 13.

<sup>51</sup> С 1911 по 1915 г. Положение Практической восточной академии подверглось несколько редакциям, в него вносились частные правки и дополнения.

Например, Совет Академии в предлагаемом проекте ставил перед собой задачу разработать такие учебные программы по изучению восточных языков, которые бы позволили за 4 года обучения освоить восточный язык в объеме, необходимом для государственной и военной службы. Авторы проекта считали, что на первом году обучения слушателям необходимо отточить навык чтения, для чего можно использовать народные сказки, повести, рассказы, изобилующие простыми фразами и оборотами разговорной речи. На втором году обучения слушателям предлагалось перейти к чтению оригинальных исторических текстов и газет. На третьем году вводился курс по политической организации страны изучаемого языка, а также слушателей обучали составлять государственные документы (указы, циркуляры, объявления и т. п.) с использованием соответствующей терминологии. Кроме того, на всех трех курсах слушатели изучали новейшую историю, этнографию, религию, географию, государственное устройство и законодательство, торговые и промышленные отношения стран Востока<sup>52</sup>. На четвертом курсе вводилось изучение специальных дисциплин по следующим направлениям или отделам: консульскому, военному, окраинно-административному и коммерческому. Примечательно, что отделы эти были созданы для слушателей, ранее прошедших специальную подготовку при высших учебных учреждениях. Четвертый курс являлся, в сущности, вспомогательным и предназначался для подготовки к определенному виду деятельности и в конкретном регионе<sup>53</sup>.

Также в проекте оговаривалось, что подготовка в Академии позволяет выпускникам «приступить к исполнению письменных работ на государственной службе в восточных окраинах, равно как и к выполнению... таких деловых поручений, которые требуют устных переговоров с местным населением»<sup>54</sup>. Указывалось и то, что выпускники Академии получают звание «восточника» с правом носить нагрудный знак Практической восточной академии (утвержден в 1914 г.)<sup>55</sup>.

---

<sup>52</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 190. Л. 19 об., 20, 21 об.

<sup>53</sup> Там же. Л. 22.

<sup>54</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 190. Л. 21 об.

<sup>55</sup> Знак Практической восточной академии представлял собой серебряный овальный веночек, украшенный лавровой и дубовой ветвями, серебряной императорской короной и перевязанный внизу серебряной лентой. Внутри венка размещалось золотое изображение восходящего солнца с расходящимися от него лучами, на которых был расположен серебряный вензель покровительницы Императорского общества востоковедения императрицы Александры Федоровны в форме переплетенных букв «А» и «Ф».



Забегаая вперед, следует отметить, что в 1916 г. специальная комиссия востоковедов<sup>56</sup>, собранная для утверждения проекта Положения Практической восточной академии, нашла в нем несколько серьезных недостатков. В частности, членам комиссии не понравилось, что

...преподавание языков «строится на научной основе», но не преследует «научных целей»; поэтому из программ преподавания исключается «чтение отрывков из философских и поэтических творений восточных авторов», понимание которых, помимо своей трудности, является мало полезным с практической точки зрения. Авторам проекта, очевидно, неизвестно, что у некоторых восточных народов, напр., у персов, «поэтические творения восточных авторов» сделались достоянием всего народа или, по крайней мере, всего образованного сословия, так что знание литературного языка без изучения поэзии совершенно недостижимо<sup>57</sup>.

Также члены комиссии сочли нецелесообразным подбор предметов:

...И здесь мы видим ту же мертвую схематичность... Не принимается в расчет, что древняя и средняя история Греции не может быть приравлена к древней и средней истории Румынии или Азербайджана; что для русского изучать религию Тибета не так легко, как религию и Сербии, Болгарии, Румынии и Греции; что изучающему религию Персии нет надобности отдельно изучать религию Азербайджана, каковой не существует, что при изложении географии, этнографии, быта и религии нельзя считать с временными политическими границами и отделять армянские провинции Персии от армянских провинций Турции<sup>58</sup>.

В заключение члены комиссии предположили, что

...лица, уже обладающие дипломом высшей школы и предполагающие посвятить себя практической деятельности, которая для них открылась благодаря этому диплому, только в крайне редких случаях пожелают посвятить все свое время на прохождение четырехлетнего курса Академии<sup>59</sup>.

---

<sup>56</sup> В состав комиссии вошли академики В.В. Бартольд, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, профессора Н.И. Веселовский, Ф.И. Щербатский и А.И. Иванов, приват-доценты И.Ю. Крачковский, В.Л. Котвич, А.Д. Руднев.

<sup>57</sup> О проекте «Практической восточной академии» (Выписка группы русских востоковедов). Петроград: Тип. Киришбаума, 1916. С. 5.

<sup>58</sup> Там же. С. 6–7.

<sup>59</sup> Там же. С. 7–8.

Критика была во многом справедлива. Но комиссия упустила из виду, что главной задачей Академии было изучение восточного языка, а не отдельной специальности. Академия давала, по сути, лингвистическое образование со знанием *основ* истории, географии и делопроизводства соответствующей страны.

Одновременно с разработкой проекта Положения Практической восточной академии Совет Императорского общества востоковедения внес предложения по нескольким пунктам. Во-первых, испрашивалось право на приобретение Академией за границей книг и рукописей без рассмотрения Комитетом иностранной цензуры, а также моделей для музея<sup>60</sup> и костюмов<sup>61</sup> без внесения специальной пошлины. Во-вторых, Академия хотела бы получить право на присуждение ученого звания «восточника» и «адъюнкта», которые соответствовали ученым степеням кандидата и магистра. В-третьих, чтобы привлечь в ряды слушателей офицеров и чиновников, Академия просила освободить учащихся от воинской повинности и учебных сборов во время прохождения курса. В-четвертых, Советом Императорского общества востоковедения был поставлен вопрос о предоставлении лицам со званием «восточника» права на чин X класса<sup>62</sup> при поступлении на государственную службу и учреждении для них специальных должностей в правительственных центральных и окраинных учреждениях<sup>63</sup>. В-пятых, Практическая восточная академия считала необходимым увеличить государственную субсидию: в 1911 г. на 24 364 руб., а с 1 января 1912 г.<sup>64</sup> – на 99 900 руб. ежегодно<sup>65</sup>.

По мнению члена Ученого комитета Министерства народного просвещения, историка, профессора Санкт-Петербур-

---

<sup>60</sup> По инициативе Императорского общества востоковедения при Практической восточной академии были образованы библиотека, музей товароведения и этнографический кабинет.

<sup>61</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 238. Л. 45.

<sup>62</sup> Согласно Табелю о рангах, чин X класса соответствовал коллежскому секретарю (гражданский), капитану-поручику, штаб-капитану, штаб-ротмистру (военный) и младшему лейтенанту, лейтенанту (морской).

<sup>63</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 238. Л. 44.

<sup>64</sup> В 1912 г. Практической восточной академии Министерством торговли и промышленности был выдан кредит в размере 21 208 руб. и в 1914 г. – 28 340 руб. на развитие учебного дела. См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 190. Л. 13 об.

<sup>65</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 238. Л. 55.

ского университета Б.А. Тураева, Министерство не могло удовлетворить данные просьбы. Б.А. Тураев отмечал, что

...право возводить в ученые степени не представлено даже некоторым специальным правительственным высшим учебным учреждениям, каковы Историко-филологические институты, Лазаревский институт восточных языков... нам представляется изложенное ходатайство Императорского общества не подлежащим удовлетворению... чин X-го класса едва ли может быть предоставлен окончившим курс Практической восточной академии – он предоставляется лицам, окончившим четырехгодичный курс высшего учебного заведения. В Лазаревском институте восточных языков на чин X-го класса дает право лишь свидетельство об отличном окончании курса и представленного и одобренного Советом сочинения... «восточники», согласно «Положению», не обязаны представлять сочинение<sup>66</sup>.

Таким образом, запрос Императорского общества востоковедения одобрен не был<sup>67</sup>.

Очередной этап обсуждения проекта Положения и штата Практической восточной академии пришелся на ноябрь 1913 г. 15 ноября на заседании межведомственного совещания, на котором присутствовали представители ряда министерств (военного, финансов, иностранных дел, юстиции и народного просвещения), Государственной Думы и высших учебных учреждений, были рассмотрены учебный план и профессорско-преподавательский состав Академии. Особое внимание участников совещания привлекла проблема утверждения учебной программы, в структуре которой выделялись два основных блока – для младших и для старших курсов.

Слушатели младших курсов должны были изучать восточный язык (по выбору), английский, французский и немецкий (по желанию), географию, этнографию, быт, религию, государственное устройство, законоведение, торговые и промышленные условия и новейшую историю восточной страны, язык которой изучался<sup>68</sup>. На старших курсах предметы распределялись по отделам – консульскому, военному, окраинно-административному и коммерческому.

---

<sup>66</sup> Там же. Л. 8 об.

<sup>67</sup> Там же. Л. 9.

<sup>68</sup> Там же. Л. 59.

На консульском отделении предлагалось изучение экономической географии стран Востока, организации военных сил стран Востока и сопредельных с Россией европейских держав в их восточных владениях, военной географии и статистики, организации консульской службы на Востоке и иностранного (местного) права восточных государств. Слушателям военного отдела предлагалось изучать следующие предметы: организация военных сил стран Востока и сопредельных с Россией европейских держав в их восточных владениях, военная география и статистика, иностранное (местное) право и экономическая география. На окраинно-административном отделении предлагали изучение административного устройства окраин, областного (местного) права и организации государств Востока. На коммерческом отделении преподавались экономическая география, товароведение Востока, банки и денежное обращение, бухгалтерия, торговые контакты с восточными странами, торговое и морское право, экономика Востока<sup>69</sup>.

Для реализации учебного плана Практическая восточная академия планировала открыть 10 кафедр: шесть кафедр восточных языков, одну кафедру экономической географии, одну кафедру международного права, одну кафедру местного права и одну кафедру по товароведению. Соответственно Академии полагалось шесть профессоров по языковым кафедрам, а также 15 адъюнкт-профессоров и восемь преподавателей по преподаванию восточных языков, общих и специальных предметов по отделам (в том числе три преподавателя по английскому, французскому и немецкому языкам и три практика по восточным языкам)<sup>70</sup>. Отметим здесь, что в 1916 г. вышеупомянутая комиссия, критикуя проект Положения Практической восточной академии, отмечала, что

...проектом установлено 10 профессорских кафедр, из них только 6 кафедр восточных языков, тогда как языков, которые должны преподаваться в Академии, доходит до 14...<sup>71</sup>

Несмотря на обсуждение, проект Положения Практической восточной академии так и не был утвержден. Немалую роль в данном случае сыграло сопротивление Министерства иностранных дел и лично министра иностранных дел С.Д. Са-

---

<sup>69</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 238. Л. 59.

<sup>70</sup> Там же. Л. 134.

<sup>71</sup> О проекте «Практической восточной академии»... С. 10.

зонова, который указывал «на недостаточно долгий опыт нынешней Академии, на отсутствие надлежащего преподавательского персонала и на малое число окончивших курс Академии»<sup>72</sup>. Скептически были настроены и военные. Например, начальник Азиатской части Главного управления Генерального штаба генерал-лейтенант М.М. Манакин в отношении преобразования Практической восточной академии и, в частности, постановки вопроса о возможности обучения офицеров в Академии подчеркивал, что

...до 1911 года существовали для офицеров: 1/ курсы восточных языков при учебном отделении Министерства иностранных дел для офицеров, изучающих языки Ближнего Востока и 2/ прием офицеров в Восточный институт во Владивостоке / для языков Дальнего Востока / для прохождения курса совместно со студентами. Как показал опыт, установления эти давали слишком одностороннюю теоретическую подготовку, и офицеры по окончании курса не находили применения к своим специальным знаниям и, кроме того, избегали службы на окраинах. Это обстоятельство побудило военное ведомство в корне изменить подготовку для армии офицеров, знающих восточные языки, и перейти к изучению языков практическим путем, закрыв офицерский корпус при Министерстве иностранных дел и прекратив допуск офицеров в Восточный институт. При штабах Приамурского, Туркестанского и Кавказского военных округов были учреждены подготовительные школы, где офицеры проходят краткий теоретический курс /1 год/, а затем получали продолжительную /2 года/ командировку в ту страну, язык которой изучается. Хотя новая система не имеет еще достаточно долгого опыта, но по тем данным, какие имеются в настоящее время, можно предполагать, что вновь введенный порядок вполне отвечает целям военного ведомства: офицеры вполне усваивают практический язык, знают военную терминологию и по окончании изучения остаются на службе на окраинах. Отказаться теперь от этой системы и вновь обратиться к теоретическим изучением, прикомандировав офицеров в Практическую академию, едва ли есть основания. Может быть, Практической восточной академией возможно будет пользоваться в будущем для дальнейшего теоретического усовершенствования офицеров, уже изучивших восточные языки, но в настоящее время [1915 г.] учреждение это едва ли будет нужно для офицеров<sup>73</sup>.

<sup>72</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3824. Л. 111 об.

<sup>73</sup> Там же. Л. 148, 148 об.

Наконец, военный министр А.А. Поливанов отмечал, что

...новый порядок изучения восточных языков практически в той среде, где говорят только на этих языках, будет более отвечать требованиям военного ведомства, чем существовавшая ранее система изучения живых восточных языков в стенах заведений. Ввиду этого, едва ли было бы для военного ведомства целесообразно переносить изучение офицерами восточных языков с окраин в Петроград, тем более что пока трудно предвидеть, насколько удачна будет постановка дела в Восточной академии<sup>74</sup>.

В 1916 г. Совет министров принял решение внести проект Положения Практической восточной академии на рассмотрение в Государственную Думу, но при условии, что он будет доработан в учебно-методических и административных аспектах. Однако в 1917 г. из-за политических и военных событий в стране число слушателей Академии сократилось, а в 1918 г., когда прекратило существование Императорское общество востоковедения, были закрыты и академические курсы.

Какие же выводы позволяет сделать история Академии?

Во-первых, в создании Практической восточной академии на базе Общества востоковедения было заинтересовано прежде всего Министерство торговли и промышленности. Неслучайно министры торговли и промышленности В.И. Тимирязев, С.И. Тимашев и В.Н. Шаховской принимали активное участие в преобразовании Академии в высшее учебное учреждение и не единожды выделяли кредиты на развитие в ней учебного дела.

Во-вторых, в рамках начавшейся в 1905 г. дискуссии об изучении офицерами российской армии восточных языков при Практической восточной академии был образован «военный отдел», который должен был стать центром подготовки специалистов для дипломатической и военной службы на периферии Российской империи. Успешная работа отдела позволила бы Академии заручиться поддержкой Главного управления Генерального штаба и Военного министерства. Однако если начальник Азиатской части Главного управления Генерального штаба полковник С.В. Цейль поддерживал инициативу обучения офицеров в Практической восточной академии, то сменивший его в 1915 г. генерал-лейтенант М.М. Манакин решил отказать от командирования офицеров для учебы в Академии. Этот отказ был поддержан военным министром А.А. Поливановом.

---

<sup>74</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3824. Л. 153.

новым, который, однако, не исключал, что в будущем, если возникнет необходимость, курсы Академии могут пригодиться.

В-третьих, хотя Практическая восточная академия была образована при Обществе востоковедения, многие востоковеды критиковали и предлагаемые ею методики обучения, и планы ее реорганизации, что помешало утверждению проекта Положения Академии. Мы полагаем, что негативное отношение к Академии чиновников, военных и ученых было во многом оправданным, хотя они все же недооценивали ее учебный потенциал. Сложно сказать, смогла бы Практическая восточная академия конкурировать с высшими учебными учреждениями, если бы она получила аналогичный статус. Тем не менее нельзя не признать, что на базе Академии разрабатывались учебные пособия, программы и курсы, которые успешно выполняли свою задачу по формированию у учащихся практических навыков владения восточными языками на уровне, необходимом для дипломатической, коммерческой и военной службы на окраинах империи.

Остается открытым вопрос о влиянии на работу Практической восточной академии личных взаимоотношений представителей Совета Императорского общества востоковедения, министерств, Главного управления Генерального штаба и ученых. Таким образом, изучение истории Академии и ее роли в российском образовании должно быть продолжено.

### *Литература*

---

- Басханов 2018 – *Басханов М.К.* История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб.: Нестор-История, 2018. 632 с.
- Дыбовский 2018a – *Дыбовский А.С.* Японоведение в Практической восточной академии при Императорском обществе востоковедения (1910–1917) // Osaka University Knowledge Archive. 2018. № 44. С. 243–261.
- Дыбовский 2018b – *Дыбовский А.С.* Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) и практическое востоковедение России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 4–2. С. 83–105.
- Иванов 1991 – *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Ин-т истории России РАН, 1991. 392 с.
- Куликова 1982 – *Куликова А.М.* Становление университетского востоковедения в Петербурге. М.: Наука, 1982. 207 с.
- Полянская 2016 – *Полянская О.Н.* Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А.М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 11. № 6. С. 143–148.
- Тольц 2013 – *Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднейимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.

## References

---

- Baskhanov, M.K. (2018), *Istoriya izucheniya vostochnykh yazykov v russkoi imperatorskoi armii* [The History of the Study of Oriental Languages in the Russian Imperial Army], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.
- Dybovsky, A.S. (2018a), “Japanese studies in the Practical Oriental Academy at the Imperial Society of Oriental Studies (1910–1917)”, *Osaka University Knowledge Archive*, no. 44, pp. 243–261.
- Dybovsky, A.S. (2018b), “Alexei Matveyevich Pozdneev (1851–1920) and Russian practical oriental studies”, *Historical and Social-Educational Idea*, vol. 10, no. 4–2, pp. 83–105.
- Ivanov, A.E. (1991), *Vyssshaya shkola Rossii v kontse 19 – nachale 20 veka* [Higher School of Russia in the late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century], Institut istorii Rossii RAN, Moscow, Russia.
- Kulikova, A.M. (1982), *Stanovlenie universitetskogo vostokovedeniya v Peterburge* [Formation of University Oriental Studies in St. Petersburg], Nauka, Moscow, Russia.
- Polyanskaya, O.N. (2016), “Educational Program of Oriental Studies in Russia at the Beginning of the 20<sup>th</sup> century: the A.M. Pozdneev’s Activity in the Field of Preparation of Mongolian Studies Scholars at the Practical Direction”, *Scholarly Notes of Transbaikalian State University*, vol. 11, no. 6, pp. 143–148, (Series Vocational Education, Theory and Methods of Teaching).
- Tolz, V. (2013), “*Sobstvennyi Vostok Rossii*”: *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* [“Russia’s Own East”: Identity Politics and Orientalism in the Late Imperial and Early Soviet Period], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.

### Информация об авторе

Маргарита Х. Закирова, кандидат исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Москва, Россия; 125315, Россия, Москва, ул. Балтийская, д. 14; zakirova2023@outlook.com

### Information about the author

Margarita Kh. Zakirova, Cand. of Sci. (History), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 14, Baltiyskaya Street, Moscow, Russia, 125315; zakirova2023@outlook.com



# Социально-экономические проблемы советской истории

УДК 364.6:323.325(476)

DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-65-85

## Тенденции и перспективы социального обеспечения колхозного крестьянства Белорусской ССР в 1940–1980-е гг.

Иван А. Мартинкевич

*Витебский государственный ордена Дружбы народов  
медицинский университет*

*Витебск, Республика Беларусь, janka.m@mail.ru*

*Аннотация.* В статье предпринимается критическое рассмотрение социально-экономических мер по обеспечению колхозного крестьянства Белорусской ССР с начала 1940-х по конец 1980-х гг. Автор отмечает, что вопросам социального обеспечения тружеников села уделялось внимание уже в первые годы советской власти. В период коллективизации основная нагрузка в данной области легла на колхозы, которые создавали фонды для оказания помощи нетрудоспособным нуждающимся работникам. В дальнейшем была сформирована система касс общественной взаимопомощи колхозников. Однако с началом Великой Отечественной войны работа в этом направлении прервалась и возобновилась только с освобождением белорусских земель. Восстановление касс шло сложно, организовать их в каждом хозяйстве за короткий срок было невозможно, и этот процесс растянулся вплоть до начала 1950-х гг. Принятие в 1956 г. Закона о государственных пенсиях впервые после окончания Великой Отечественной войны внесло существенные изменения в социальное обеспечение колхозников. Следующим шагом в поддержке колхозного крестьянства стало образование в 1964 г. Централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников и введение в действие с 1 января 1965 г. Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов. За годы IX пятилетки (1971–1975 гг.) были повышены минимальные размеры пенсий членам колхозов по старости, пенсии по инвалидности и в случае потери кормильца. В 1974 г. был создан Республиканский совет социального обеспечения колхозников. К 1976 г. по формам организации социального обеспечения выделяли две группы работников сельского хозяйства: первая – работники совхозов, а также специалисты и механизаторы колхозов и члены их семей, вторая – члены колхозов и их семьи. К этому времени сохранялась тенденция к повышению пенсионных

выплат колхозникам. Вместе с тем шло увеличение количества нуждающихся в государственной социальной поддержке. Отличительной чертой второй половины 1980-х гг. стал поиск новых форм работы и приоритетных направлений социального обеспечения колхозного крестьянства, что нашло отражение в постановлении Совета Министров БССР «О программе социального развития», большая часть положений которого носила прогрессивный характер, но так и не была реализована в силу последующих исторических событий.

*Ключевые слова:* Белоруссия, социальное обеспечение, колхозное крестьянство, деревня, пенсии, пособия, выплаты, льготы

*Для цитирования:* Мартинкевич И.А. Тенденции и перспективы социального обеспечения колхозного крестьянства Белорусской ССР в 1940–1980-е гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 4. С. 65–85. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-65-85

## Trends and prospects for social security of the collective farm peasantry of the Belorussian SSR in the 1940s–1980s

Ivan A. Martinkevich

*Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University  
Vitebsk, Republic of Belarus, janka.m@mail.ru*

*Abstract.* The article undertakes a critical consideration of measures for the socio-economic support of the collective farm peasantry of the Belarussian SSR from the early 1940s to the late 1980s. The author notes that the issues of social security of rural workers were paid attention to already in the early years of Soviet power. In the period of collectivization, the main burden of their provision fell on collective farms, which created funds to help incapacitated workers in need. Later on, a system of collective farmers' mutual aid funds was formed. However, with the beginning of the Great Patriotic War the work in that direction was interrupted and resumed with the liberation of the Belarussian lands. It was difficult to re-establish those funds, it was impossible to organize them in each farm in a short period of time, and the process lasted until the early 1950s. The adoption of the Law on State Pensions in 1956 made significant changes in the social security of collective farmers for the first time after the end of the Great Patriotic War. The next step in supporting the collective farm peasantry was the establishment in 1964 of the Centralized Union Fund for Social Security of Collective Farmers and the enactment on January 1, 1965 of the Law on Pensions and Allowances to Members of Collective Farms. During the years of the Ninth Five-Year Plan (1971–1975), the minimum amounts of old-age pensions, disability pensions, and survivors' pensions were raised. In 1974, the Republican Council for Social Security of Collective Farmers was established. By 1976, two groups of agricultural workers

were distinguished by the forms of social security organization: the first group of state farm workers, as well as specialists and mechanics of collective farms and their families, and the second group of collective farm members and their families. By that time, the tendency to increase pension payments to collective farmers continued. At the same time, the number of those in need of state social support was increasing. A distinctive feature of the second half of the 1980s was the search for new forms of work and priority directions in social security of the collective farm peasantry, which was reflected in the Resolution of the Council of Ministers of the BSSR “On the Program of Social Development”, most of the provisions of which were progressive in nature, but were never implemented due to subsequent historical events.

*Keywords:* Belorussia, social security, collective farm peasantry, village, pensions, allowances, payments, benefits

*For citation:* Martinkevich, I.A (2024), “Trends and prospects for social security of the collective farm peasantry of the Belorussian SSR in the 1940s–1980s”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 65-85, DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-65-85

Проблема социального обеспечения крестьянства нашла свое отражение уже в первых законах советской власти: в ряде декретов предусматривалось социальное страхование за счет государства по старости, на случай болезни, увечья не только рабочих и служащих, но и сельской бедноты. После проведения коллективизации обеспечение престарелых и нетрудоспособных колхозников стало осуществляться за счет колхозов, каждый из которых должен был создать фонд для оказания помощи нетрудоспособным нуждающимся работникам. Доходы коллективных хозяйств значительно различались, что сказывалось на нормах обеспечения пособиями сельских тружеников. По сути, они напрямую зависели от уровня благосостояния того или иного колхоза [Волков 1970, с. 1].

Постепенно эти фонды образовали систему касс общественной взаимопомощи колхозников (КОВК). В 1930-е – начале 1940-х гг. шел процесс их оформления в институт внутриколхозной социальной защиты. Официально кассы являлись добровольными самостоятельными общественными организациями колхозников и колхозниц для помощи нетрудоспособным членам артели, сиротам и нуждающимся детям колхозников, управлялись общим собранием и правлением сельскохозяйственной артели, контролировались сельсоветом и райсобесом. Зарегистрировав в райисполкоме свой устав, они приобретали права юридического лица (с печатью, счетом

в банке, членскими книжками участников, где отмечались уплата взносов, получение пособия или ссуды, погашение задолженности, общественная работа в кассе и т. д.). В процессе становления система КОВК пережила существенную трансформацию, часть ее функций (курирование школ и медпунктов) перешла к колхозам.

Работа касс (пособия и ссуды в денежной или натуральной форме, трудоустройство инвалидов, помощь им в повышении квалификации, организация «трудовой помощи» и социального обслуживания престарелых) во многом способствовала и усилению трудовой дисциплины, а также организационно-хозяйственному укреплению колхозов как новой производственной структуры. Материально-финансовые фонды касс формировались из нескольких источников. Сельсоветы передавали кассам бесхозное и выморочное имущество. Для выплаты государственных пособий и пенсий колхозникам, имевшим на то право, на счета касс райсобесы перечисляли ассигнования из местных бюджетов. Колхозы имели право ежегодных дотаций кассам в объеме не более 2% своих денежных и натуральных фондов и (для денежных отчислений) не более общей суммы поступивших членских взносов, которые вместе со вступительными взносами служили основным источником для КОВК. Размеры взносов устанавливались общими собраниями кассы, однако желательные суммы диктовались Наркомсобесом РСФСР [Палецких и др. 2023]. Дальнейшее развитие системы социального обеспечения колхозников было прервано Великой Отечественной войной.

Тяжелое положение белорусской деревни в послевоенный период обусловило необходимость принятия оперативных мер по восстановлению касс общественной взаимопомощи. Работа в этом направлении была начата сразу после освобождения первых территорий Беларуси от оккупации. От того, как быстро возобновят свою работу кассы, во многом зависело качество жизни, а порой и просто выживание крестьян. Особенно насущным этот вопрос оставался для малообеспеченных категорий населения, в том числе для инвалидов. В пояснительной записке Витебского областного отдела социального обеспечения от 15 августа 1944 г. райсобесам указывалось, что инвалиды-колхозники должны содержаться за счет касс взаимопомощи при колхозах, поэтому возобновить деятельность касс необходимо как можно быстрее<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 1970. Оп. 2. Д. 2. Л. 25.

Несмотря на все усилия по восстановлению касс взаимопомощи в сельской местности, работа в этом направлении шла непросто. Через несколько лет после освобождения территории БССР проблема не утратила актуальности. Так, на республиканском совещании руководящих работников социального обеспечения БССР, посвященном итогам работы органов социального обеспечения за 1946 г. и планированию задач на 1947 г., отмечалось, что необходимо усилить работу по их организации, руководству и укреплению материальной базы. К началу распределения урожая 1947 г., планировалось в каждом колхозе организовать кассу общественной взаимопомощи колхозников. Такая задача ставилась для того, чтобы они стали не просто массовыми организациями, а смогли бы оказывать действенную помощь своим членам, в первую очередь – семьям погибших воинов, инвалидам Великой Отечественной войны, семьям военнослужащих, детям-сиротам и престарелым. Предпринятые меры позволили значительно увеличить количество колхозных касс, однако организовать их в каждом хозяйстве за короткий срок так и не удалось. Этот процесс затянулся на годы, но планомерная работа в этом направлении продолжалась, и к 1956 г. в БССР уже насчитывалось 4178 колхозных касс<sup>2</sup>.

После издания Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» основной формой обеспечения членов колхозов стали отчисления из общественных фондов потребления колхозов. За их счет колхозникам выплачивались пенсии, пособия по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, содержались дома для инвалидов, престарелых и т. д. [Бартош 1971, с. 6].

Принятие Закона о государственных пенсиях 1956 г. впервые после окончания Великой Отечественной войны внесло существенные изменения в социальное обеспечение колхозников. Размеры фондов, образуемых в каждом хозяйстве, больше не ограничивались 2% валовых доходов хозяйств. Это позволило эффективнее применять подобную форму организации помощи крестьянству [Зайцев, Рашиков 1972, с. 34]. Кроме того, по мере укрепления экономики колхозов, расходы на социальное обеспечение колхозников также возрастали. Если

---

<sup>2</sup> ГАВО. Ф. 1738. Оп. 2. Д. 40. Л. 21.

в 1958 г. в БССР на пенсионное обеспечение колхозников было израсходовано всего лишь 0,8 млн руб., то в 1964 г. – 3,4 млн руб. [Бартош 1971, с. 7].

Следующим шагом стало образование в 1964 г. Централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников, куда отчислялись определенные доли доходов колхозов (2,5% суммы валового дохода 1964 г. и 4% за 1965 г.) и производились ежегодные ассигнования из Государственного бюджета СССР. Это позволило значительно улучшить организацию работы по выплате пенсий и пособий. В дальнейшем роль фонда в финансировании и материальном обеспечении колхозников будет только возрастать.

Введенный в действие с 1 января 1965 г. Закон о пенсиях и пособиях членам колхозов стал одним из резонансных и широко обсуждался в сельхозартелях. В правлениях многих колхозов вывешивались списки колхозников, имевших право на пенсию, проходило их обсуждение на собраниях, списки утверждались правлениями колхозов<sup>3</sup>.

На февральском Пленуме ЦК КПСС были утверждены меры по улучшению социального обеспечения престарелых и нетрудоспособных колхозников и введению гарантированной системы социального обеспечения членов колхозов. Это позволило устранить резкое несоответствие в нормах и условиях социального обеспечения. Впервые колхозники получили право на пенсию, а женщины-колхозницы – на пособия по беременности и родам. Только в 1965 г. в республике численность колхозников, получающих пенсии, по сравнению с 1964 г. увеличилась более чем в 10 раз, а расходы на выплату пенсий – почти в 23 раза.

Вместе с тем к этому времени проявились и недостатки в социальном обеспечении колхозников, такие как ограниченный характер оказываемой помощи, разночтения в решении социальных вопросов в разных хозяйствах, отсутствие регулярности в выплате пенсий и пособий, нарушение принципа распределения по труду при их назначении. Так, в справке о рассмотрении

---

<sup>3</sup> О порядке и размерах отчислений от доходов колхозов в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников и об организационных мероприятиях, связанных с осуществлением закона о пенсиях и пособиях членам колхозов: постановление Совета министров СССР, 3 сентября 1964 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет: В 5 т. Т. 5. 1962–1965 гг. М.: Политиздат, 1968. С. 497–500.

писем, жалоб и заявлений, поступивших в Министерство социального обеспечения БССР в 1965 г., из 13 955 жалоб о государственных пенсиях и пособиях 8330 поступили по пенсиям и пособиям членам колхозов. И без того непростая ситуация осложнялась тем, что некоторые работники министерства не всегда внимательно относились к рассмотрению жалоб и заявлений, проявляли волокиту и формализм. К примеру, гражданке Юзефе Симонович 1880 г. рождения из Лидского района была назначена пенсия как члену колхоза по старости 26 марта 1965 г. с выплатой от 12 февраля 1965 г., но райсобес не выплачивал ей пенсии до декабря 1965 г. Причиной стало то, что Симонович предоставила собесу справку сельсовета о возрасте, а не свидетельство о рождении. Гражданка Касперская Ольга Николаевна 1902 г. рождения из Борисовского района обратилась в правление колхоза им. Суворова с просьбой представить ее к назначению пенсии, поскольку она достигла пенсионного возраста и проработала в колхозе более 20 лет. Однако правление и колхозный совет в своем представлении к назначению пенсии исключили из ее стажа работы 5 лет по той причине, что Касперская в эти годы не выработывала необходимое количество трудодней. С апреля 1965 г. по январь 1966 г. женщина написала большое количество жалоб, но только после вмешательства Министерства социального обеспечения ей была назначена пенсия с первичного обращения, то есть с 22 апреля 1965 г.

Отдельные областные, городские и районные собесы плохо разъясняли пенсионное законодательство, а их работники мало выступали с посвященными вопросам социального обеспечения беседами и докладами, рассчитанными на сельскую аудиторию. В результате граждане с этими проблемами вынуждены были обращаться в министерство. Только за 1965 г. по отделу пенсионирования членов колхозов было дано 1284 разъяснений и консультаций колхозникам по вопросам начисления им выплат<sup>4</sup>.

В процессе пенсионирования колхозников проявлялись и другие трудности организационного плана. Например, 16 июня 1967 г. на Республиканском совете социального обеспечения отмечалось, что министерством, облисполкомами и колхозами была проделана большая работа по определению контингента тружеников села, претендующих на назначение пенсии, разъяснению закона населению, инструктированию и изучению

<sup>4</sup> ГАВО. Ф. 1970. Оп. 3. Д. 107. Л. 2–7.

с работниками органов социального обеспечения и колхозных советов пенсионного законодательства. В связи с тем что в 70% колхозов документы о труде и зарплате колхозников не сохранились, приходилось устанавливать стаж работы по свидетельским показаниям, для чего было опрошено более миллиона свидетелей. Проводилась большая работа по обеспечению отделов социального обеспечения, колхозных и районных советов всей необходимой для пенсионирования колхозников документацией (бланки протоколов, пенсионные дела, пенсионные книжки, лицевые счета и т. д.). Было истребовано от органов ЗАГС и архивных учреждений более 200 тыс. справок о возрасте, стаже работы и зарплате колхозников. За короткий срок Врачебно-трудовой экспертной комиссией (ВТЭК) было освидетельствовано более 100 тыс. колхозников.

За два с половиной года было назначено 527 тыс. пенсий колхозникам по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца, 71 тыс. колхозниц выплачено пособие по беременности и родам, 5% от числа обратившихся в пенсии было отказано. За это время выплачено 156,6 млн руб. из средств централизованного союзного фонда. Это стало серьезной мерой, принятой для улучшения материального положения колхозников.

Вместе с тем по итогам сплошной проверки правильности назначения и отказов в назначении пенсии, проведенной Министерством социального обеспечения и Министерством финансов БССР, было установлено, что многие колхозы неправильно определяли стаж по свидетельским показаниям при наличии в колхозе документов о труде. Фиксировались случаи неверного определения среднего заработка колхозников для исчисления пенсии. Часто его выводили по средней оценке трудодня по годовым отчетам вместе с дополнительной оплатой труда. Были выявлены отдельные случаи злоупотреблений, длительное время колхозники не представлялись к назначению пенсий без всяких на то оснований, а жалобы не рассматривались по 2–3 месяца. При проверке пенсионных дел было установлено около 3 тыс. случаев незаконного назначения пенсий, а 3280 решений об отказе в их назначении из 19 555 оказались необоснованными. Перечисленные ошибки и недостатки, допущенные при назначении пенсий, в ходе проведенной проверки были в значительной мере устранены. Вместе с тем по-прежнему нарушались сроки представления колхозников на пенсию, назначения им пенсий, сроки выплаты уже назначенных пенсий. В отдельных колхозах плохо велось делопро-



изводство. При подготовке документов на рассмотрение комиссии работники многих отделов социального обеспечения вследствие слабого знания законодательства нередко допускали ошибки. Многие районные советы социального обеспечения колхозников не проводили работу по руководству колхозными советами, не уделяли должного внимания работе по перерасчету пенсий колхозникам, которые после назначения пенсии проработали 2 года<sup>5</sup>.

Несмотря на недостатки в организации пенсионного обеспечения колхозного крестьянства, работа в этом направлении продолжалась. Постепенно централизованный союзный фонд обеспечения колхозников стал основным источником их социальной поддержки. Примерно 60% денежных средств централизованного фонда составляли государственные ассигнования и только 40% – колхозные средства. В БССР удельный вес отчислений колхозов в фонд был ниже, чем в целом по СССР (см. табл. 1).

Таблица 1

Доля колхозов и государства в образовании фонда социального обеспечения колхозников Белорусской ССР

Год	Эквивалент (руб., %)	Средства фонда социального обеспечения (всего)		
		Колхозы	Государство	Итого
1965 г.	млн руб.	56,5	19,6	36,9
	% к итогу	100	34,7	65,3
1966 г.	млн руб.	79,8	30,9	48,9
	% к итогу	100	38,7	61,3
1967 г.	млн руб.	83,8	34,3	49,5
	% к итогу	100	40,9	59,1
1968 г.	млн руб.	114,2	36,6	77,6
	% к итогу	100	32	68
1969 г.	млн руб.	118,4	38,1	80,3
	% к итогу	100	32	68
1970 г.	млн руб.	124	39,1	84,9
	% к итогу	100	31,5	68,5

<sup>5</sup> Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 102. Оп. 3. Д. 397а. Л. 21–23.

Так, за 1965–1970 гг. централизованный фонд вырос почти на 120%. Денежные средства колхозов, отчисленные в фонд, составляли лишь часть фонда, хотя и возросли за этот период вдвое. В 1970 г. удельный вес колхозных средств в централизованном фонде по сравнению с 1965 г. уменьшился на 3,2%, соответственно на 3,2% возросли ассигнования из госбюджета.

К примеру, в 1969 г. в Слуцком районе Минской области, где было произведено 1082 руб. валового дохода на одного среднегодового работника, было отчислено в централизованный фонд 44 руб. 52 коп. В Свислочском районе Гродненской области было произведено валового дохода 722 руб. и отчислено 29 руб. 21 коп., что оказалось на 34,4% меньше, чем в колхозах Слуцкого района [Бартош 1971, с. 7–8].

Основную часть расходов фонда в течение 1965–1970 гг. составили выплаты пенсий колхозникам. В БССР они превышали 90% всех средств централизованного фонда. Только за 6 лет действия закона о пенсиях и пособиях (1965–1970 гг.) в БССР колхозникам было выплачено пенсий на сумму более 540 млн руб. Рост ассигнований был вызван увеличением контингента колхозников-пенсионеров и ростом средних размеров пенсий.

Выплатами и льготами по государственному социальному страхованию к этому времени в БССР пользовалось более 120 тыс. колхозников, а расходы на соцстрахование колхозных специалистов, не учитывая расходы на пенсионное обеспечение, в республике в 1970 г. составили свыше 3 млн руб. Особенно выросли суммы выплат пособий по временной нетрудоспособности. Их размер для этой категории лиц возрос с 1 руб. 30 коп. в 1965 г. до 3 руб. 11 коп. в 1968 г., или более чем в 2,6 раза. Рост размеров пособий по временной нетрудоспособности был обусловлен увеличением колхозного производства и оплаты труда колхозников, а в отдельных колхозах и увеличением срока временной нетрудоспособности [Бартош 1971, с. 11].

В 1968 г. возраст для назначения пенсий по старости членам колхозов был снижен на 5 лет – до 60 лет мужчинам и 55 лет женщинам, то есть стал таким же, как для рабочих и служащих. В этом же году были увеличены минимальные размеры пенсий по инвалидности и установлено пенсионное обеспечение инвалидам III группы, частично утратившим трудоспособность вследствие трудового увечья либо профессионального заболевания. В 1970 г. для членов колхозов было введено социальное страхование. В результате колхозники приобрели право на пособие по временной нетрудоспособности, на рождение ребенка, на погребение. Условия получения пособий, а также их раз-

меры максимально приблизились к выплатам и пособиям для рабочих и служащих [Зайцев, Рашиков 1972, с. 58].

По мере роста доходов коллективных хозяйств возрастали и ассигнования на соцстрахование колхозников. К примеру, валовый доход колхозов в Свислочском районе Гродненской области за период с 1965 по 1969 г. возрос на 45,6%, в Слуцком районе Минской области – на 21,7%. Одновременно увеличились расходы на выплату пособий по временной нетрудоспособности колхозникам, соответственно в 15 и 2,3 раза. Несмотря на то что в практике социального страхования колхозников был ряд существенных недостатков (неравномерность и нерегулярность в обеспечении пособиями), к этому времени обеспечение колхозников пособиями стало стабильным. Значительно улучшилось качество их санаторно-курортного лечения. Более эффективно осуществлялось планирование расходов на социальные нужды, создавались предпосылки для дальнейшей охраны труда колхозников [Бартош 1971, с. 13].

Однако следует отметить, что к концу 1960-х гг. общественные фонды потребления в колхозах, в том числе и фонд социального обеспечения и материальной помощи, находились в стадии становления, уровень их развития был еще недостаточен. Так, в 1969 г. удельный вес общественных фондов потребления в валовом доходе колхозов БССР составил 6%, в том числе фонда соцобеспечения – 4,5%. Фонды социального обеспечения и материальной помощи создавались за счет отчислений как денежных, так и натуральных доходов колхозов. Подавляющая часть фонда социального обеспечения и материальной помощи (свыше 90%) расходовалась в денежной форме [Бартош 1971, с. 16].

К 1970 г. пенсии колхозникам и пособия по беременности и родам колхозницам назначались за счет централизованного союзного фонда социального обеспечения колхозников, который образовывался из отчислений от сумм валовых доходов колхозников и ежегодных ассигнований из государственного бюджета СССР. Все колхозы производили отчисления в централизованный союзный фонд социального обеспечения от своих валовых доходов в размерах, ежегодно устанавливаемых Советом министров СССР.

Согласно закону о пенсиях и пособиях членам колхозов, была введена устойчивая система социального обеспечения в колхозах путем установления пенсий по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца и пособий для женщин – членов колхозов по беременности и родам. Параллельно шла даль-

нейшая доработка и дальнейшее совершенствование системы социального обеспечения колхозников. На XXIV съезде КПСС были приняты решения, согласно которым предполагалось введение денежных пособий на детей, в семьях которых доход на каждого члена семьи не превышал 50 руб. Увеличилось число оплачиваемых дней по уходу за больным ребенком, и была установлена 100%-ная оплата отпуска по беременности и родам всем работающим женщинам, независимо от трудового стажа. Повышался минимальный размер пенсий колхозникам, также на них распространялся порядок исчислений пенсий, установленных для рабочих и служащих [Бартош 1971, с. 59].

Важным достижением в области социального обеспечения колхозного крестьянства стало то, что за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.) были повышены минимальные размеры пенсий членам колхозов по старости, пенсии по инвалидности и в случае потери кормильца. С 1 июля 1971 г. на членов колхозов был распространен порядок исчисления пенсий, установленный для рабочих и служащих: колхозники, рабочие и служащие при одинаковом заработке стали получать равные пенсии (разница сохранялась лишь в ее минимальных размерах) [Бартош 1971, с. 7].

За 1972 г. расходы на все виды внутриколхозного обеспечения хозяйств БССР за счет их средств составили 1 млн 145 тыс. руб., в том числе в Брестской области – 177 тыс. руб., Витебской – 97, Гомельской – 106, Гродненской – 295, Минской – 379, Могилевской – 91 тыс. руб. Колхозникам республики были назначены 86 083 новые пенсии.

В 1974 г. в БССР был создан Республиканский совет социального обеспечения колхозников, а также 6 областных, 117 районных и 2094 колхозных советов, в которых работало 14 658 чел. Министерством и его местными органами было организовано социальное обеспечение престарелых одиноких колхозников, инвалидов Великой Отечественной войны и семей военнослужащих и партизан. Из средств колхозов им назначались персональные пенсии, надбавки к ним, предоставлялись различного рода льготы (бесплатное обеспечение топливом, обработка приусадебных участков, бесплатная выдача путевок на санаторно-курортное лечение и т. д.). Так, только по Минской области в 1973 г. более тысячи колхозников стали получателями персональных пенсий и доплат к ним из средств колхозов. Свыше 3 тыс. колхозников-пенсионеров были награждены почетными званиями «Заслуженный колхозник», «Почетный колхозник». Для них устанавливались льготы и

различные преимущества. В Гродненской области в 1973 г. 130 членам колхозов из колхозных фондов были назначены персональные пенсии, 714 тружеников села получали доплаты к пенсиям и 605 – по старости. На эти цели колхозы Гродненской области израсходовали 246,2 тыс. руб., Гомельской – 220, Витебской – 94,4 тыс. руб.

В 1975 г. в колхозе Гродненской области 169 колхозникам были установлены персональные пенсии; в 238 колхозах – 1577 доплат к пенсиям; 786 членам колхозов, не получающим пенсии от органов социального обеспечения, также были назначены пенсии из средств колхозов. Расходы по этим статьям составили 42 тыс. руб. – на 20% выше, чем в 1974 г. В Брестской области в 138 колхозах 614 ветеранам общественного производства были назначены доплаты и колхозные персональные пенсии по линии внутриколхозного пенсионирования на 40 тыс. 220 руб. В Витебской области 151 колхоз установил доплату к пенсиям 420 колхозникам на общую сумму 9732 руб. в месяц [Люцко 1982, с. 55–57].

В десятой пятилетке предусматривалось осуществление новых социальных мероприятий, среди которых – повышение минимальных пенсий по старости для рабочих и служащих, а также для колхозников, которые имели смешанный стаж работы, надбавки к пенсиям инвалидам первой группы из числа колхозников<sup>6</sup>. Эти меры были важны в силу того, что население республики в целом становилось старше. К примеру, в 1939 г. на 1 тыс. жителей республики приходилось 76 чел. старше 60 лет, в 1959 г. – 107, в 1970 г. – 131<sup>7</sup>, в 1974 г. – 145 чел.<sup>8</sup> При столь значительном увеличении численности старших возрастных групп в структуре населения введение всеобщего пенсионного обеспечения, повышение минимальных размеров пенсий имело исключительно важное значение для роста благосостояния и значительно повышало роль общественных фондов потребления в формировании жизненного уровня трудящихся.

С развитием общественного производства колхозов все больше возрастала роль децентрализованных общественных фондов потребления в социальном обеспечении колхозников.

<sup>6</sup> Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат. С. 121.

<sup>7</sup> Народное хозяйство Белорусской ССР в 1971 г.: Статист. сб. Минск: Беларусь, 1972. 224 с.

<sup>8</sup> Народное хозяйство Белорусской ССР: Статист. сб. ЦСУ при Совете министров БССР. Минск: Беларусь, 1974. С. 23.

Через оказание разовой помощи, доплаты к пенсиям, персональные пенсии они выполняли ряд важных функций: обеспечивали поддержание достигнутого жизненного уровня, облегчали заботы по воспитанию детей и уходу за ними. Вместе с тем возможности внутриколхозного социального обеспечения, в силу сложившихся к середине 1970-х гг. различий экономического уровня колхозов во всех хозяйствах, были неоднородными. Поэтому создание равных экономических условий хозяйствования в процессе дальнейшего развития специализации и концентрации производства на базе межхозяйственной кооперации и промышленной интеграции должно было обеспечить выравнивание возможностей внутриколхозного социального обеспечения [Исакова 1977, с. 11–12].

Поскольку социальное обеспечение и страхование колхозников осуществлялось как за счет средств колхозов, так и государственного бюджета, то постепенно происходило слияние средств с общенародными общественными фондами потребления. Это способствовало преодолению различий между городом и деревней в сфере удовлетворения социально-культурных потребностей. Необходимость дальнейшего сближения условий жизни и быта тружеников города и деревни обусловили потребность создания централизованного фонда социального обеспечения колхозников и установления единого порядка назначения им пенсионных выплат. Это в известной степени позволяло сглаживать различия в уровне обеспечения колхозников различных хозяйств, обусловленные не только хозяйственной деятельностью, но и природно-климатическими условиями. Средства, направляемые в централизованный союзный фонд социального обеспечения колхозников, способствовали выравниванию уровня жизни колхозного крестьянства, оказанию помощи экономически слабым колхозам в содержании пенсионеров. Это подтверждалось ростом отчислений из государственного бюджета в централизованный фонд. Если в 1965 г. в него было перечислено 0,4 млрд руб., в 1970 г. – 1,4 млрд руб., то в 1974 г. уже 2,4 млрд руб. [Исакова 1977, с. 13–14].

Одним из приоритетных направлений совершенствования системы социального обеспечения колхозников в середине 1970-х гг. было повышение минимального уровня их пенсионного обеспечения, важной мерой на пути ее реализации стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1973 г. «О дальнейшем повышении размеров пенсий инвалидам и семьям, потерявшим кормильца», введенный в два этапа:

с 1 декабря 1973 г. – в отношении семей военнослужащих, потерявших кормильца, а с 15 декабря 1974 г. – в отношении других категорий пенсионеров. В БССР изменения коснулись 262 тыс. чел., для чего потребовалось 36 млн руб. в расчете на год [Козлович 1990, с. 15]. Среди прочего были внесены и изменения в Положение о порядке назначения и выплаты пенсий членам колхозов. Пенсии сельским труженикам теперь, как и рабочим и служащим по инвалидности I и II группы и по случаю потери кормильца на 2 и 3 членов семьи, стали назначаться в процентах к пенсии по старости. К примеру, члену колхоза К. выплачивалась пенсия по II группе инвалидности вследствие общего заболевания из среднемесячного заработка в 126 руб. 75 коп., а с 15 декабря 1974 г. стали выплачивать 90% пенсии по старости, то есть 48 руб. 20 коп.

Семье гражданки Л., потерявшей кормильца вследствие трудового увечья и состоящей из трех нетрудоспособных членов семьи, из среднемесячного заработка работавшего в сельском хозяйстве кормильца – 174 руб. выплачивалась пенсия в размере 54 руб. 04 коп., а с 15 декабря 1974 г. стали выплачивать 110% пенсии по старости, то есть 81 руб. 35 коп. в месяц [Караджамирлинская 1975, с. 15–17].

К 1976 г. по формам организации социального обеспечения выделяли две группы работников сельского хозяйства. Первая – работники совхозов, а также специалисты и механизаторы колхозов и членов их семей. На них распространялись государственное социальное страхование, которым пользовались работники промышленности, и действие Закона о государственных пенсиях. Вторую группу составляли члены колхозов и их семьи, для которых была предусмотрена своя система социального страхования, а пенсионное обеспечение и предоставление пособий по беременности и родам осуществлялись по нормам Закона о пенсиях и пособиях членам колхозов<sup>9</sup>. В целом можно сказать, что в 1970-е гг. «колхозное» пенсионное законодательство постепенно эволюционировало, сближаясь с пенсионной системой, установленной для рабочих и служащих.

С 1 ноября 1981 г. для женщин-колхозниц был введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года в размере 50 руб. в месяц, а с 1 декабря 1981 г. при рождении первого ребенка государственное единовременное пособие составило 50 руб., при рождении второго и третьего ребенка – 100 руб. [Димони 2002, с. 45–46].

<sup>9</sup> О порядке и размерах отчислений от доходов колхозов... С. 59.



Сохранялась тенденция к повышению пенсионных выплат колхозникам. Вместе с тем все более ощутимым становилось увеличение количества нуждающихся в государственной социальной поддержке. 11 ноября 1986 г. на заседании планово-бюджетной комиссии Верховного Совета БССР отмечалось, что за годы XI пятилетки численность пенсионеров возросла на 228 300 чел., или на 12%, а расходы на пенсионное обеспечение увеличились более чем на 434 млн руб. (то есть на 40,2%) и составили в 1985 г. 1 млн 512 тыс. руб. Значительную долю из них составляли пенсионеры-колхозники. В первом полугодии 1986 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 мая 1986 г. «О размерах пенсий пенсионерам, постоянно проживающим в сельской местности и связанным с сельским хозяйством» был проведен перерасчет ранее назначенных пенсий 14 490 пенсионерам из числа рабочих, служащих и колхозников, а пенсии были увеличены на 15%<sup>10</sup>.

Отличительной чертой второй половины 1980-х гг. стал поиск новых форм работы и приоритетных направлений социального обеспечения колхозного крестьянства. 15 сентября 1989 г. было принято Постановление Совета Министров БССР «О программе социального развития». В нем отмечалось, что основные усилия следует сосредоточить на улучшении условий жизни и труда сельского жителя, реализации принципа социальной справедливости, преодолении существенных различий между городом и деревней.

Программа предусматривала качественные изменения уровня жизни сельских тружеников: ускорение темпов роста и благосостояния; создание эффективного экономического механизма повышения трудовой активности людей, занятых в сельском хозяйстве; рациональное использование сельского трудового потенциала, обеспечение полной занятости населения, проведение эффективной демографической политики. Особое внимание уделялось преодолению региональных диспропорций в обеспечении сельского населения социокультурными благами, устранению различий в условиях труда и быта жителей деревни и города<sup>11</sup>.

Были выработаны меры по укреплению материально-технической базы социокультурной сферы села. Планировалось обеспечить постоянное наращивание жилищного строительства, с тем чтобы к 1995 г. каждой сельской семье предоставить

---

<sup>10</sup> НАРБ. Ф. 102. Оп. 3. Д. 802. Л. 166–168.

<sup>11</sup> НАРБ. Ф. 7. Оп. 10. Д. 1538. Л. 64.



возможность иметь отдельную квартиру или индивидуальный дом. Согласно программе, к 2000 г. планировалось довести обеспеченность жильем в сельской местности в расчете на одного жителя в среднем по республике до 25,7 м<sup>2</sup> общей площади, а также повысить комфортность жилищного фонда.

Областным и районным исполкомам поручалось:

- принимать возможные меры по созданию условий для существенного расширения строительства индивидуальных и кооперативных жилых домов на селе;
- вести работу по комплексному благоустройству сел и деревень, их газификации, водоснабжению, отоплению, обеспечению надежной транспортной связью.

Им рекомендовалось также:

- осуществлять застройку сельских населенных пунктов преимущественно благоустроенными усадебными домиками с надворными постройками;
- внедрять в сельском строительстве новые экономические принципы, регулирующие строительство жилых домов с измененной планировкой и современным техническим оснащением;
- развивать индивидуальное сельское строительство;
- расширять применение комплектов домов и деталей из древесины;
- улучшить снабжение в сельской местности топливом.

Чтобы решить последнюю задачу, в 1989 г. планировалось разработать мероприятия, направленные на обеспечение увеличения отпуска сетевого газа на одного жителя к 1995 г. в 2,5 раза, а также осуществить повсеместный переход в 1990–1991 гг. на безлимитную продажу угля сельскому населению<sup>12</sup>.

Важная роль отводилась улучшению инфраструктуры села. Планировалось практиковать создание в малых сельских населенных пунктах начальных школ, детских садов, предполагалось повысить их эстетический уровень и оснастить техническими средствами, а также укрепить материальную базу клубов, библиотек, создать культурно-спортивные комитеты, видеосалоны и т. д. Согласно программе, к концу 1995 г. планировалось обеспечить полный охват сельского населения многоканальным телевидением и радиовещанием, а к завершению XIII пятилетки установить квартирный телефон в каждой четвертой, а к 2000 г. в каждой второй семье в сельской местности, увеличить в 1995 г. объемы услуг связи в два раза<sup>13</sup>.

<sup>12</sup> Там же. Л. 46.

<sup>13</sup> Там же.

Прибывшим в колхозы и совхозы на постоянное место жительства для работы на сельскохозяйственном производстве рекомендовалось предоставлять льготы по переселению, в частности льготы по выдаче денежного пособия, налогообложению, обеспечению жильем, топливом, строительными материалами, коммунальными и другими услугами, установленными решениями правительства СССР и БССР, с возмещением расходов, связанных с их предоставлением, за счет средств хозяйства и местных бюджетов.

Особую поддержку предписывалось оказывать семьям с детьми, особенно молодым, малообеспеченным и многодетным. С согласия общих собраний членов колхоза, советов трудовых коллективов рекомендовалось направлять часть собственных средств на оказание всесторонней помощи таким семьям, более полное удовлетворение их нужд и интересов. Особенно приветствовались выплаты:

- пособий к началу учебного года для приобретения школьной и спортивной формы, школьно-письменных принадлежностей;
- пособий многодетным и малообеспеченным семьям, имеющим детей, не посещающих детские дошкольные учреждения;
- доплаты к государственным пособиям на детей одиноким матерям, многодетным и малообеспеченным семьям, имеющим детей<sup>14</sup>;
- выделение строительных материалов, предоставление транспортных услуг, топлива многодетным и малообеспеченным семьям на льготных условиях;
- полное или частичное погашение стоимости ремонта домов, частичное погашение ссуд, выданных молодым, многодетным и малообеспеченным семьям с детьми, а также предоставление льгот по уплате процентных начислений за пользование этой ссудой.

Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совмина от 11 февраля 1988 г., предписывалось безвозмездно на основе заключенных договоров передавать в личную собственность своим работникам, сельской интеллигенции жилые дома с надворными постройками, находящиеся на балансе хозяйств, производить за счет средств хозрасчетного дохода оплату материалов, приобретаемых работниками этих предприятий и организаций для строительства индивидуальных жилых домов собствен-

---

<sup>14</sup> Там же. Л. 53.

ными силами, а также выдавать этим работникам пособия на хозяйственное обустройство в размере до 2 тыс. руб. при условии, что застройщик обязуется отработать в данном хозяйстве не менее 10 лет<sup>15</sup>.

Таким образом, формирование и развитие системы социального обеспечения колхозного крестьянства проходило в условиях постепенного перехода от гарантируемого государством социального обеспечения рабочих и служащих к социальному обеспечению всех трудящихся независимо от того, заняты они были в промышленности или кооперативно-колхозном секторе производства, что фактически означало формирование качественно новой системы социального обеспечения. К середине 1970-х гг. «колхозное» пенсионное законодательство постепенно приблизилось по уровню выплат к пенсионной системе, установленной для рабочих и служащих. Для первой половины 1980-х гг. была характерна тенденция увеличения пенсионных выплат труженикам села, однако на этом фоне начали проявляться и кризисные факторы, в частности увеличение количества пенсионеров и связанный с этим рост расходов. Тем не менее вторая половина 1980-х гг. стала временем поиска новых эффективных форм социальной поддержки колхозного крестьянства. Следует отметить, что планы по предоставлению им социальной помощи действительно выглядели если не всеобъемлюще, то очень масштабно. Однако, к сожалению, большей части из них так и не суждено будет реализоваться в полном объеме, поскольку оставалось совсем немного времени до распада СССР, в процессе которого большинство социальных проектов были свернуты, несмотря на свою проработанность и перспективность. Наступил новый период, определяющими факторами стали экономическая возможность и целесообразность, а не социальная необходимость.

## *Литература*

---

- Бартош 1971 – *Бартош Ч.К.* Социальное обеспечение колхозников в системе социальных распределительных отношений: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Минск: Белорусский гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1971. 21 с.
- Волков 1970 – *Волков А.Я.* О единой системе социального обеспечения колхозников. Минск: б/и, 1970. 16 с.

---

<sup>15</sup> Там же. Л. 54.

- Димони 2002 – *Димони Т.М.* Эволюция поземельных отношений в России второй половины XX века // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории. Вологодский государственный педагогический университет. Вып. 3. Вологда: Легия, 2002. С. 44–52.
- Зайцев, Рашиков 1972 – *Зайцев Л.И., Рашиков И.Д.* Социальное обеспечение колхозников. М.: Колос, 1972. 148 с.
- Исакова 1977 – *Исакова Г.С.* Социальное обеспечение колхозного крестьянства как одна из форм социалистических распределительных отношений: Автореф. ... дисс. канд. экон. наук. Минск: Белорусский гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1977 г. 21 с.
- Караджамирлинская 1975 – *Караджамирлинская Г.С.* Социальное обеспечение граждан в СССР. Минск: Правление общества «Знание» БССР, 1975. 22 с.
- Козлович 1990 – *Козлович А.В.* Социальное обеспечение семьи в СССР. Проблемы и решения. Минск: Правление общества «Знание» БССР, 1990. 27 с.
- Люцко 1982 – *Люцко А.В.* Политика КПСС в сфере социального обеспечения. Минск: Высшая школа, 1982. 135 с.
- Палецких и др. 2023 – *Палецких Н.П., Мирошниченко М.И., Журавлева В.А.* Кассы общественной взаимопомощи как институт социальной защиты колхозников накануне и в годы Великой Отечественной войны (на материалах уральских архивов) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2023. Т. 23. № 3. С. 6–15.

## References

---

- Bartosh, Ch.K. (1971), *Social security of collective farmers in the system of social distributive relations*, Abstract of PhD Thesis, Belarusian State University named after V.I. Lenin, Minsk, Belorussia.
- Dimoni, T.M. (2002), “The evolution of land relations in Russia in the second half of the 20th century”, in *Severnaya derevnya v XX veke: aktual'nye problemy istorii* [Northern village in the 20th century. Current issues of history], iss. 3, Legia, Vologda, Russia, pp. 44–52.
- Isakova, G.S. (1977), *Social security of the collective farm peasantry as a form of socialist distributive relations*, Abstract of PhD Thesis, Belorusskii gosudarstvennyi universitet im. V.I. Lenina, Minsk, Belorussia.
- Karadzhamirlinskaya, G.S. (1975), *Sotsial'noe obespechenie grazhdan v SSSR* [Social security of citizens in the USSR], Pravlenie obshchestva “Znanie” BSSR, Minsk, Belorussia.
- Kozlovich, A.V. (1990), *Sotsial'noe obespechenie sem'i v SSSR. Problemy i resheniya* [Social security of the family in the USSR. Issues and solutions], Pravlenie obshchestva “Znanie” BSSR, Minsk, Belorussia.
- Lyutsko, A.V. (1982), *Politika KPSS v sfere sotsial'nogo obespecheniya. Minsk: Vysshaya shkola* [The policy of the CPSU in the sphere of social welfare], Vysshaya shkola, Minsk, Belorussia.

- Paletskikh, N.P., Miroshnichenko, M.I. and Zhuravleva, V.A. (2023), "Public Mutual Aid Funds as an institution of social protection of collective farmers on the eve and during the Great Patriotic War (on the materials of the Ural archives)", *Bulletin of the South Ural State University, "Social and Humanitarian Sciences" Series*, vol. 23, no. 3, pp. 6–15.
- Volkov, A.Ya. (1970), *O edinoi sisteme sotsial'nogo obespecheniya kolkhoznikov* [On the unified system of social security of collective farmers], Minsk, Belorussia.
- Zaitsev, L.I. and Rashchikov, I.D. (1972), *Sotsial'noe obespechenie kolkhoznikov* [Social security of collective farmers], Kolos, Moscow, Russia.

### *Информация об авторе*

*Иван А. Мартинкевич*, кандидат исторических наук, доцент, Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет, Витебск, Республика Беларусь; 210009, Республика Беларусь, Витебск, проспект Фрунзе, д. 27; janka.m@mail.ru

### *Information about the author*

*Ivan A. Martinkevich*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University, Vitebsk, Republic of Belarus; bld. 27, Frunze Avenue, Vitebsk, Republic of Belarus, 210009; janka.m@mail.ru

## Исторические аспекты формирования региональной экономики в условиях развития социализма в Киргизской ССР

Виктория В. Плоских

*Кыргызско-российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина  
Бишкек, Кыргызская Республика, viktoriaploskih@gmail.com*

Елена В. Плоских

*Кыргызско-российский славянский университет им. Б.Н. Ельцина  
Бишкек, Кыргызская Республика, elena\_ploskih@mail.ru*

*Аннотация.* В данной работе делается попытка рассмотреть проблемы экономического роста Киргизской ССР с точки зрения модернизации национальной экономики, а также с позиций своеобразия места и роли региональной (киргизской) экономики в единой общесоюзной системе социалистического народного хозяйства Советской страны. Авторы статьи затрагивают исходные методологические вопросы, касающиеся особенностей развития региональной экономики в условиях социализма, определения и измерения уровня экономического развития союзной республики. Поскольку более всего и теснее всего, по мнению авторов, проблемы национальной экономики были связаны с трудовыми ресурсами, использованием интенсивных и экстенсивных факторов роста и повышением уровня жизни народа, в работе уделяется значительное место именно этим сюжетам. Приводится характеристика особенностей экономического развития Киргизии в имперский период, анализируется его влияние на процессы советской хозяйственной и социальной модернизации. Анализируется соотношение региональной и союзной составляющих в единой экономической системе единого Советского государства. В заключение делается вывод о том, что основная проблема экономического роста Киргизской ССР сводилась к необходимости повышения уровня экономического развития республики, указываются пути решения этой задачи.

*Ключевые слова:* народное хозяйство, экономический рост, уровень жизни, экономические ресурсы, население, региональная экономика

*Для цитирования:* Плоских В.В., Плоских Е.В. Исторические аспекты формирования региональной экономики в условиях развития социализма в Киргизской ССР // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 86–96. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-86-96

---

© Плоских В.В., Плоских Е.В., 2024

## Historical aspects of the formation of a regional economy in the conditions of the development of socialism in the Kirghiz SSR

Viktoriya V. Ploskikh

*Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin  
Bishkek, Kyrgyz Republic, viktoriaploskih@gmail.com*

Elena V. Ploskikh

*Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin  
Bishkek, Kyrgyz Republic, elena\_ploskih@mail.ru*

*Abstract.* The paper attempts to consider the issues of economic growth of the Kyrgyz SSR from the point of view of modernization of the national economy, as well as from the perspective of the individuality of the place and role of the regional (Kyrgyz) economy in the unified all-union system of the socialist national economy of the Soviet country. The authors of the article touch upon the initial methodological issues concerning the specifics in the development of the regional economy under socialism, the definition and measurement of the level of economic development of the union republic. Since most of all and most closely, according to the authors, the issues of the national economy were related to labor resources, the use of intensive and extensive growth factors and the improvement of the living standards of the people, the paper gives considerable space to those subjects. The article characterizes features of the Kyrgyzstan economic development in the imperial period, and analyzes its influence on the processes of Soviet economic and social modernization is analyzed. The correlation of regional and union components in the unified economic system of the unified Soviet state. The conclusion is made that the main issue of economic growth of the Kyrgyz SSR was reduced to the need to increase the level of economic development of the republic, the ways of solving that issue are indicated.

*Keywords:* national economy, economic growth, standard of living, economic resources, population, regional economy

*For citation:* Ploskikh, V.V. and Ploskikh, E.V. (2024), "Historical aspects of the formation of a regional economy in the conditions of the development of socialism in the Kirghiz SSR". *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 86-96, DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-86-96

В.И. Ленин в свое время отмечал, что

...на необъятных пространствах нашей страны могли бы уместиться десятки громадных культурных государств. На этих пространствах ныне размещаются наши союзные и автономные республики, края, области и другие крупные административно-территориаль-

ные единицы. Причем это не просто территории, а районы со своеобразными природными, историческими, национальными, хозяйственными и культурными особенностями. И это своеобразие условий, которым отличаются районы страны, является предметом особого внимания Коммунистической партии и Советского правительства, теории и практики социалистического и коммунистического строительства в нашей стране<sup>1</sup>.

С первых же шагов строительства социалистической экономики было ясно, что хозяйственная политика не может быть абсолютно одинаковой на всей громадной территории страны, в различных ее районах и местностях. На севере и на юге, в европейской и азиатской частях, в центре и на окраинах – везде налицо было громадное разнообразие природных и климатических условий, исторически сложившихся национальных и местных особенностей, различная степень хозяйственного освоения территории, разная обеспеченность минерально-сырьевыми, энергетическими, земельными, водными и людскими ресурсами и т. д.

С этим нельзя было не считаться при проведении общесоюзной хозяйственной политики.

Уже в знаменитом перспективном плане ГОЭЛРО, составленном в 1920 г., программа работ по электрификации и развитию народного хозяйства была определена не только в целом по стране, но и по отдельным районам (Северному, Центрально-Промышленному, Южному, Приволжскому, Уральскому, Кавказскому, Западной Сибири и Туркестану). В каждом районе учитывалась существовавшая в то время производственная база, принимались в расчет возможности использования имевшихся топливно-энергетических ресурсов, запасов черных и цветных металлов, строительных материалов, наличие подготовленных кадров – и на этой основе по каждому району было намечено строительство электростанций, шахт, заводов и фабрик, были установлены размеры посевных площадей, объемы выпуска продукции [Кумсков 2013, с. 100–101].

Вопрос об общем хозяйственном плане страны, о принципах его разработки обсуждался на XII съезде РКП(б). В резолюции съезда по этому поводу было указано:

---

<sup>1</sup> *Ленин В.И.* О продовольственном налоге. (Значение новой политики и ее условия) // Ленин В.И. Полное собр. соч.: В 55 т. 5-е изд. Т. 43. Март–июнь 1921. М.: Политиздат, 1969. С. 228.



Выработка общехозяйственного плана, особенно в условиях экономической и культурной отсталости СССР, может идти успешно лишь постольку, поскольку отдельным хозяйственным областям предоставляется необходимая самостоятельность в разрешении хозяйственных задач, вытекающая из их естественных и производственных условий. Общесоюзная плановая работа должна состоять, прежде всего, в правильном учете и направлении работы отдельных отраслей и в органическом объединении областных планов и хозяйственных задач общесоюзного порядка в единый план СССР<sup>2</sup>.

Естественным и производственным условиям хозяйственной области, или природным и хозяйственным особенностям, составляющим специфику экономического района, в резолюции придается настолько большое значение, что они рассматриваются как основание для предоставления определенной самостоятельности хозяйственным областям (экономическим районам) в решении своих особых экономических задач в рамках единого общехозяйственного плана страны.

На всем историческом пути развития советской социалистической экономики, в ходе осуществления всех пятилеток проводилась общая хозяйственная линия с учетом специфических условий и особенностей, присущих тому или иному району страны. Общие цели экономического развития страны достигались благодаря тому, что в каждой национальной республике и каждом экономическом районе эти цели преломлялись через призму конкретных практических задач подъема производительных сил, освоения земельных площадей, месторождений угля, нефти, газа, руд черных и цветных металлов, запасов гидроэнергии, использования благоприятных природных условий для выращивания ценных сельскохозяйственных культур и пород скота и т. д. Так, еще в 1920-е гг. в Средней Азии широко развернулись мероприятия по мелиорации, по освоению неиспользуемых и пустынных земель, по расширению площадей для возделывания хлопка, в котором молодая Советская страна очень нуждалась.

В отношении национальных республик, бывших ранее окраинами царской России (республики Средней Азии и Закавказья, Казахстан), местная специфика учитывалась в обязательном порядке. Здесь нужно было ликвидировать истори-

---

<sup>2</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов (1898–1986): В 16 т. 9-е изд. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 416–417.

чески сложившуюся экономическую и культурную отсталость, поднять производительные силы в условиях крайне низкого уровня развития промышленности, почти поголовной неграмотности населения и отсутствия у него промышленно-индустриальных навыков. Развитие промышленной индустрии реализовывалось здесь не только с целью освоения природных богатств, но и как средство преобразования хозяйственного строя, всего уклада жизни и культурного облика местного населения. Для этого в порядке перераспределения общесоюзных средств выделялись необходимые капиталовложения, строились промышленные предприятия, привлекались кадры квалифицированных рабочих и специалистов из более развитых республик и экономических районов страны, в ускоренном темпе проводилась подготовка местных кадров [Кумсков 2013].

Теоретически уже давно региональный аспект социалистической экономики мыслился как относительно самостоятельное звено в общесоюзной хозяйственной системе, то есть именно как региональная экономика. Известно, что работа по экономическому районированию страны развернулась еще при жизни В.И. Ленина и под его руководством. И уже в тезисах комиссии ВЦИК по вопросу об экономическом районировании России 1922 г. экономический район определялся как

...своеобразная, по возможности экономически законченная территория страны, которая, благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности, представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства<sup>3</sup>.

Но практически долгое время эта экономическая законченность относилась главным образом к народному хозяйству всей страны, в котором на первом плане находились производственно-хозяйственные единицы – предприятия и отрасли, а не территориально-хозяйственные подразделения, нерегиональные хозяйственные комплексы. В реальности на первых этапах развития всей общесоюзной экономики не было еще особой необходимости выделять региональные хозяйственные комплексы, ставить их в особое, самостоятельное положение, поскольку территориально во многих экономических рай-

---

<sup>3</sup> Вопросы экономического районирования: Сб. материалов и статей (1917–1929 гг.). М.: Госполитиздат, 1957. С. 415–416.

онах такие комплексы только складывались. Развитие многих видов промышленного производства даже в целом по стране приходилось начинать с нуля, не говоря уже об отдельных районах. И если в каком-либо районе начиналось строительство промышленного предприятия на базе имеющихся естественных ресурсов и с учетом других благоприятных факторов, то, разумеется, меньше всего нужно было думать об интересах комплексного развития хозяйства данного района. Важнее всего было скорее получить продукцию этого предприятия и включить ее в общесоюзный экономический оборот. Иными словами, из-за бедности, неразвитости материально-производственной базы, малочисленности и маломощности производственно-хозяйственных единиц на местах приходилось объединять и взаимоувязывать производственно-хозяйственную деятельность предприятий и отраслей на самом высшем общесоюзном уровне, минуя чаще всего уровень того или иного экономического района страны [Кумсков 1977].

К 1970-м гг. положение значительно изменилось. В каждой союзной республике и в каждом экономическом районе страны за годы социалистического строительства возникла широкая сеть предприятий и организаций различных отраслей хозяйства. В союзных республиках, например, имелись сотни и тысячи промышленных предприятий. Так, до революции на территории нынешней Киргизской ССР было несколько угольных копей, ряд небольших хлопкоочистительных заводов, имелись также мельницы, крупорушки, маслобойни и другие полукустарные промышленные заведения; при социализме же в республике насчитывалось около 400 крупных промышленных предприятий. К этому надо добавить десятки и сотни предприятий строительства, транспорта, связи, сельского хозяйства, торговли, общественного питания, заготовок, снабжения и других отраслей производства, широко разросшаяся сеть предприятий, учреждений и организаций непромышленной сферы [Кумсков 2013].

Единство общесоюзной экономики стало основой национального хозяйственного развития. Социалистическая общественная собственность на средства производства крепкими узами связала хозяйства республик и районов страны. Однако эти хозяйства не становились совершенно одинаковыми, не изменяли своего лица, своих особых интересов и направленности в развитии. Наряду с главными и решающими экономическими интересами общесоюзного характера должны были учитываться и интересы регионального экономического развития.

Региональная экономика по своему смыслу предполагала некоторое обособление хозяйства экономического района, выделение его из общей массы хозяйственных отношений страны как относительно самостоятельного звена, как органического целого, имеющего свою собственную логику и специфику развития. Это обуславливалось, прежде всего, развитием производительных сил, концентрацией и специализацией производства, комбинацией различных предприятий и отраслей хозяйства в рамках определенной ограниченной территории.

Территория района в этом случае являлась базисом для образования региональной экономики. Наличие естественных ресурсов, благоприятных природно-климатических условий, накопленного производственного опыта, рабочей силы определяло, как правило, не только создание и развитие производства на данной территории, но и его основную специализацию. В Киргизской ССР, например, широкой основой экономического развития издавна служило сельское хозяйство, которое в силу определенных природно-климатических условий и наличия земельных, водных и других ресурсов специализировалось главным образом на овцеводстве и производстве технических культур. На базе сельского хозяйства получила развитие многочисленная и разветвленная сеть предприятий и отраслей промышленности, занятых обслуживанием агросектора и переработкой производимой им продукции [Кумсков 2013]. Были построены заводы по производству машин, механизующих заготовку кормов, предприятия комбикормовой и микробиологической промышленности, мясомолочные комбинаты, кожевенные заводы, предприятия текстильной, шерстяной, трикотажной, обувной и швейной промышленности, сахарные, консервные заводы и др. Тесная взаимосвязь между сельскохозяйственными и промышленными предприятиями определяла лицо сложившегося в республике агропромышленного комплекса.

Помимо этого, в народно-хозяйственном комплексе Киргизии выделялись электроэнергетика, машиностроение и цветная металлургия. Для развития электроэнергетики благоприятной основой служили богатейшие запасы гидроэнергетических ресурсов. Машиностроение опиралось на наличие трудовых ресурсов, причем большое развитие получили прогрессивные отрасли машиностроения, являющиеся малометалло- и трудоемкими (электро- и радиотехническая промышленность, приборостроение, электроника и др.). Цветная металлургия развивалась на базе имеющихся месторождений

цветных металлов (сурьмы, ртути, олова, вольфрама, редкоземельных элементов и др.).

Специализация на определенных видах производства и отраслях хозяйства формировала специфику региона. Но это еще не все. Специализация – это стержень, который «обрастает» густой сетью развивающихся, дополняющих и обслуживающих предприятий и отраслей хозяйства, тесно связанных с основной хозяйственной специализацией района. Поэтому экономическую законченность району придаст сформировавшийся в тот период народно-хозяйственный комплекс, выросший на базе концентрации, специализации и кооперирования производства.

Такой комплекс – это определенное внутреннее единство производственно-технических, экономических и социальных связей, своего рода организм, который жил своей собственной жизнью, в какой-то мере отличающейся от жизни народно-хозяйственного целого страны. Это и есть то обособление, в результате которого региональная экономика становилась относительно самостоятельным звеном во всей общехозяйственной системе социалистического общества.

Выделение региональной экономики в составе всего народного хозяйства страны зависело, однако, не только от развития производительных сил, но и от социалистических производственных отношений.

Когда Октябрьская социалистическая революция отменила частную собственность на средства производства и заменила ее общественной социалистической собственностью, последняя предстала перед всеми как общее достояние, как воплощение общности, равенства и единства людей, как антипод частнособственнической раздробленности и антагонизма. Это восприятие глубоко проникло в сознание людей и очень долго не только теоретически, но и практически общественное экономическое единство в нашем обществе связывалось в основном только с экономической общностью трудящихся всей страны, всех ее областей, краев, союзных и автономных республик, экономических районов.

Общая собственность, общее хозяйство – отсюда вроде бы само собой вытекает обеспечение только общих интересов и целей экономического развития, только централизованное государственное управление народным хозяйством страны, только общесоюзный, общегосударственный подход к решению всех хозяйственных вопросов, в том числе даже мелких, даже местного значения. На практике, конечно, до такой абсолютной крайности дело не доходило.

Понимание социалистической собственности только как экономической общности трудящихся во всех частях и звеньях совокупного общественного хозяйства во всех районах и местностях обширной территории страны длительное время сохранялось и поддерживалось недостаточной развитостью материально-производственной базы социализма. Экономическая отсталость страны объективно и настоятельно требовала объединения всех производственных сил и ресурсов, централизованного их использования в интересах обеспечения жизненно важных интересов и целей развития нашего социалистического общества.

Но социалистическая собственность – это, как указывал К. Маркс в «Капитале», не только общественная собственность, но и индивидуальная<sup>4</sup>. Это значит, что она служит как всему обществу в целом, так и каждому члену данного общества. Это значит также, что она воплощает в себе как экономическую общность, так и экономические различия в отношениях людей на производстве.

К. Маркс и В.И. Ленин в своих работах давно выяснили вопрос о том, в чем же заключается общность и различие между людьми в их экономических отношениях при социализме.

Так, например, в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс указывали, что коммунизм ни у кого не отнимает возможности личного присвоения определенной доли продукта общественного труда. Коммунизм уничтожает только свойственный капитализму жалкий характер такого присвоения, когда рабочий живет лишь для того, чтобы увеличивать капитал, и живет лишь постольку, поскольку этого требуют интересы господствующего класса<sup>5</sup>.

Характеризуя основы будущего социалистического общества, Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что здесь «общественная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная собственность на остальные продукты, т. е. на предметы потребления»<sup>6</sup>.

Основой региональной экономики при социализме служит, таким образом, сама общественная социалистическая собственность, заключающая в себе не только общность, но и различие,

---

<sup>4</sup> Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 39 т. Т. 20. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1960. Т. 23. М., 1960. С. 773.

<sup>5</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1948. С. 21.

<sup>6</sup> Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: В 39 т. Т. 20. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1961. С. 133–135.

особенность экономических интересов трудящихся в развитии хозяйства на территории каждой отдельной области, края, национальной республики и экономического района.

И наконец, еще одним основанием региональной экономики в СССР являлась национальная государственность союзных и автономных республик.

Рассматривая региональную экономику как определившееся, новое на тот период направление в советской экономической науке, академик Н.Н. Некрасов считал, что основной задачей являлась «постановка и разработка новых теоретических проблем, необходимых для практического решения современных задач планирования и территориальной организации хозяйства страны» [Некрасов 1975, с. 14].

В Советском Союзе все нации и народности в период социализма жили и развивались в одной общественно-политической и экономической системе. Всех их связывала воедино общность интересов и целей развития на основе единой социалистической собственности, единой государственной советской власти рабочих и крестьян, единой марксистско-ленинской идеологии, единой по сути социалистической культуры, единого направляющего руководства Коммунистической партии. Поэтому общесоюзный, общегосударственный принцип всегда являлся главным и основополагающим, всегда стоял на первом плане при решении вопросов политического, хозяйственного и культурного развития общества.

## Литература

---

- Кумсков 1977 – *Кумсков В.И.* Проблемы экономического роста Киргизской ССР. Фрунзе: Кыргызстан, 1977. 96 с.
- Кумсков 2013 – *Кумсков В.И.* Региональная экономика в условиях развития социализма // *Кумсков В.И.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский ун-т, 2013. С. 100–114.
- Некрасов 1975 – *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика. М.: Экономика, 1975. 344 с.

## References

---

- Kumskov, V.I. (1977), *Problemy ekonomicheskogo rosta Kirgizskoi SSR* [Issues of Economic Growth of the Kyrgyz SSR], “Kyrgyzstan”, Frunze, Kyrgyzstan.
- Kumskov, V.I. (2013), “Regional economy in the conditions of socialism development”, in Kumskov, V.I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 3 vols, vol. 1, Kyrgyzsko-Rossiiskii Slavyanskii un-t, Bishkek, Kyrgyzstan, pp. 100–114.
- Nekrasov, N.N. (1975), *Regional'naya ekonomika* [Regional Economics], “Ekonomika”, Moscow, Russia.

*Информация об авторах*

*Виктория В. Плоских*, кандидат исторических наук, доцент, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика; 720000, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, д. 44; viktoriaploskih@gmail.com

*Елена В. Плоских*, доктор экономических наук, доцент, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика; 720000, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, д. 44; elena\_ploskih@mail.ru

*Information about the author*

*Viktoriya V. Ploskikh*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic; bld. 44, Kievskaya str., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720000; viktoriaploskih@gmail.com

*Elena V. Ploskikh*, Dr. of Sci (Economics), associate professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic; bld. 44, Kievskaya str., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720000; elena\_ploskih@mail.ru



## Торгово-экономическое сотрудничество ЕАЭС и Африки: текущее положение и перспективы

Алина С. Братчик

*Московский государственный институт международных  
отношений (университет) Министерства иностранных дел  
Российской Федерации, Москва, Россия  
bratchik.alya@bk.ru*

*Аннотация.* Статья посвящена истории торгово-экономических отношений Евразийского экономического союза со странами Африканского союза. ЕАЭС развивает сотрудничество с Африкой в рамках «Стратегии развития интеграции до 2025 г.». Африканские государства, обладающие богатыми природными и человеческими ресурсами, находятся в поисках новых партнеров в Евразии, с помощью которых они могли бы снизить зависимость местных рынков от европейских стран. Активизация взаимодействия началась после подписания «Меморандума о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Комиссией Африканского союза» в рамках первого саммита «Россия – Африка» в 2019 г. Однако до настоящего времени остается недостаточно проработанной нормативно-правовая база евразийско-африканского сотрудничества. Действующие меморандумы функционируют только с Общим рынком Восточной и Южной Африки (КОМЕСА) и Марокко. Контактным Евразийской экономической комиссии с интеграционными объединениями Африки препятствуют торговые ограничения. С 2017 по 2023 г. торговый оборот между ЕАЭС и Африкой вырос и составил 137,8 млрд долл. Но это по-прежнему невысокий показатель. Доля Африки в общем торговом обороте Евразийского экономического союза составляет всего 3%, большая доля экспортно-импортной продукции приходится на Россию. Автор полагает, что для выхода из сложившейся ситуации необходимо проработать торговые соглашения и предусмотренные в их рамках «планы действий» со странами и интеграционными объединениями Африки, увеличить количество совместных выездных встреч, расширить ассортимент поставляемой продукции, развивать инвестиционные потоки и стимулировать заинтересованность в сотрудничестве с Африкой всех стран ЕАЭС. Данные меры позволят упростить доступ производимой в госу-

дарствах ЕАЭС продукции на африканские рынки, устранить тарифные и нетарифные барьеры, увеличить торговый оборот между двумя континентами, создать новые рабочие места и реализовать инфраструктурные проекты в Африке.

*Ключевые слова:* Евразийский экономический союз, Африка, экономические отношения, торговля, экспорт, импорт, интеграция, партнер, меморандум

*Для цитирования:* Братчик А.С. Торгово-экономическое сотрудничество ЕАЭС и Африки: текущее положение и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 97–115. 10.28995/2686-7648-2024-4-97-115

## Trade and economic cooperation between the EAEU and Africa. Current situation and prospects

Alina S. Bratchik

*Moscow State Institute of International Relations (University)  
at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation  
Moscow, Russia, bratchik.alya@bk.ru*

*Abstract.* The article deals with the history of trade and economic relations of the Eurasian Economic Union with the countries of the African Union. The EAEU is developing cooperation with Africa within the framework of the “Strategy for the Development of Integration until 2025”. African states with rich natural and human resources are in search of new partners in Eurasia, with the help of which they could reduce the dependence of local markets on European countries. Interaction has intensified since the signing of the “Memorandum of Understanding between the Eurasian Economic Commission and the African Union Commission” during the first Russia-Africa summit in 2019. However, to date, the legal and regulatory framework for Eurasian-African cooperation remains underdeveloped. The existing memorandums function only with the Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA) and Morocco. The Eurasian Economic Commission’s contacts with African integration associations are hampered by trade restrictions. From 2017 to 2023, trade turnover between the EAEU and Africa grew to \$137.8 billion. But it is still a low figure. Africa’s share in the total trade turnover of the Eurasian Economic Union is only 3%, with Russia accounting for a large share of exports and imports. The author believes that in order to overcome the current situation, it is necessary to work out trade agreements and provided within their framework “action plans” with African countries and integration associations, increase the number of joint field meetings, expand the range of products supplied, develop investment flows and stimulate interest in cooperation with Africa among all EAEU countries. Such measures will simplify the access of products manufactured

in the EAEU countries to African markets, eliminate tariff and non-tariff barriers, increase trade turnover between the two continents, create new jobs and implement infrastructure projects in Africa.

*Keywords:* Eurasian Economic Union, Africa, economic relations, trade, export, import, integration, partner, memorandum

*For citation:* Bratchik, A.S. (2024), "Trade and economic cooperation between the EAEU and Africa. Current situation and prospects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 97-115, DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-97-115

Региональная интеграция становится все более значимой в контексте современных экономических и политических процессов. Сотрудничество между международными организациями играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития и повышении конкурентоспособности стран-участниц.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который входят пять государств – Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Россия – с момента образования в 2015 г. стал ведущим международным интеграционным экономическим объединением на постсоветском пространстве. Союз был создан с целью укрепления экономических связей, сотрудничества между странами-участницами и обеспечения устойчивого роста и развития экономики в регионе. В рамках «Стратегии развития интеграции до 2025 г.» ЕАЭС должен расширить сотрудничество с третьими странами [Данилова 2021]. Большой интерес с точки зрения подобной интеграции представляют страны Африки.

Ранее отношения с африканскими государствами являлись важной частью внешнеполитической деятельности СССР. Во второй половине XX в. советские власти активно поддерживали освобождение от колониальной зависимости африканских народов и их самоопределение, обретшим суверенитет государствам Африки предоставлялась политическая, экономическая, инфраструктурная, кадровая, военная и образовательная помощь. На основе межправительственных соглашений об экономическом и техническом сотрудничестве с 37 странами Африки советские специалисты принимали участие в создании около 600 предприятий и объектов на континенте<sup>1</sup>. Благодаря

---

<sup>1</sup> История отношений СССР и России со странами Африки // ТАСС. 2023. 23 января. URL: <https://tass.ru/info/16859209> (дата обращения 29 марта 2024).

этой помощи Советский Союз приобрел бесспорный авторитет в глазах африканского населения.

В 1990-е гг. Российская Федерация стала правопреемницей сотрудничества СССР с Африкой, но другим постсоветским странам пришлось начинать выстраивание связей с установления дипломатических отношений, поэтому их сотрудничество по-прежнему остается на невысоком уровне. При поддержке России страны бывшего Советского Союза могут найти новых партнеров и новые рынки сбыта на африканском континенте. В свою очередь российской стороной, в условиях значительного сокращения возможностей на западном направлении, Африка рассматривается как потенциальный вектор расширения международного взаимодействия.

Африканская континентальная зона свободной торговли (АКЗСТ, англ. AfCFTA) представляет собой перспективный, молодой и растущий рынок [Asche 2021, p. 96]. Амбициозная инициатива экономической интеграции является уникальной возможностью как для Африки, так и для ЕАЭС углубить торговлю, стимулировать инвестиции и инклюзивную экономическую интеграцию.

Сегодня африканские государства находятся в поисках новых партнеров, с помощью которых они могли бы снизить зависимость местных рынков от европейских стран. В свою очередь, Запад глубоко заинтересован в Африке, так как благодаря богатствам континента может компенсировать недостаток собственных природных и человеческих ресурсов.

Африка является одним из ключевых источников мирового прироста трудовых ресурсов, потребительского спроса и природных возможностей для экономического развития. Численность африканского населения на конец 2023 г. составляет около 1,5 млрд чел.<sup>2</sup> Однако демографический рост не обеспечен базовыми ресурсами и рабочими местами. Из-за невозможности удовлетворить потребности растущего населения за счет внутреннего производства Африка значительно зависит от импорта.

Континент обладает огромными запасами полезных ископаемых, занимая первое место по запасам алмазов, бокситов, ванадия, золота, кобальта, марганца, платины, фосфоритов, хромитов; второе – по залежам асбеста, бериллия, графита.

---

<sup>2</sup> Численность населения Африки 2023 // Population. Pyramid. URL: <https://www.populationpyramid.net/ru/%D0%B0%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BA%D0%B0/2023/> (дата обращения 3 апреля 2024).

та, меди, сурьмы, урана; третье – по нефти, газу, ртути, железу. Кроме того, здесь находятся богатые запасы драгоценных камней, лития, никеля, олова, титана и др.<sup>3</sup> На континент приходится 17% лесов мира. При этом значительная часть природных ресурсов Африки эксплуатируется без должного планирования и надзора местных властей. Существует инфраструктурный дефицит, который сдерживает развитие внутренних рынков и провоцирует вывоз полезных ископаемых из Африки. Большая часть добываемого сырья экспортируется в виде концентрата и отправляется на переработку за рубеж [Kia, Enyindah 2023]. Контроль над основными активами реализуют западные компании, которые пока удерживают свои позиции благодаря долгосрочным инструментам, включая права собственности.

Согласно данным МВФ за 2023 г., ВВП 54 стран Африканского союза в совокупности составлял 2,86 трлн долл., а ВВП лишь пяти стран – участниц ЕАЭС – 2,23 трлн долл. США<sup>4</sup>. Низкий уровень ВВП африканского региона во многом связан с вышеперечисленными проблемами. Однако это не означает, что экономическое взаимодействие с ним невыгодно. Наоборот, развитый слабо потенциал континента позволяет найти перспективные и выгодные для обеих сторон направления сотрудничества.

Для Африки партнерство с другими регионами и их частным сектором имеет весомое значение. Большой потребительский рынок может усилить африканский частный сектор, увеличить количество рабочих мест и решить многие проблемы, включая дефицит инфраструктуры и зависимость от европейских государств [Дробот 2022, с. 85]. Таким образом, африканские страны заинтересованы в расширении и активизации экономических отношений со странами ЕАЭС.

Нормативное правовое сотрудничество ЕАЭС и Африканского союза (АС) началось с первого саммита «Россия – Африка». В рамках встречи 24 октября 2019 г. был подписан на трехлетний срок «Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Комиссией Африкан-

---

<sup>3</sup> Mapping Africa's natural resources // ALJazeera. 2022. February 15. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/2/20/mapping-africas-natural-resources> (дата обращения 17 марта 2024).

<sup>4</sup> GDP Ranked by Country // World population review. URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/by-gdp> (дата обращения 28 марта 2024).

ского союза»<sup>5</sup>. В качестве приоритета в нем было обозначено взаимодействие в сфере инфраструктуры и сельского хозяйства, торговли, инвестиций и развития предпринимательства, региональной экономической интеграции и др. [Константинова 2019, с. 23]. В соответствии с меморандумом был разработан совместный план сотрудничества (с акцентом на мероприятия для деловых кругов ЕАЭС и Африки) и интеграционного взаимодействия между Комиссией Африканского союза и Евразийской экономической комиссией. Однако дорожную карту на 2020–2022 гг. подписали не все стороны, и она так и не была введена в работу.

В ходе второго саммита «Россия – Африка» в Санкт-Петербурге в июле 2023 г. президент Российской Федерации В.В. Путин провел рабочий завтрак «ЕАЭС – Африка: горизонты сотрудничества», в котором принимали участие председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) М.В. Мясникович, представители АС, Восточно-Африканского сообщества (ВАС), Союза Арабского Магриба (САМ), Общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Межправительственной организации по развитию (ИГАД), Экономического сообщества государств Центральной Африки (ЭСГЦА), Экономического сообщества западноафриканских стран (ЭКОВАС)<sup>6</sup>. В ходе завтрака стороны обсудили вопросы расширения взаимного сотрудничества, увеличения объемов торговли, устранения торговых барьеров, налаживания интеграционного диалога между региональными объединениями и определения точек потенциального делового партнерства<sup>7</sup>. Кроме того, были представлены предложения о продлении меморандума. Однако впоследствии пролонгация не состоялась, поэтому сотруд-

---

<sup>5</sup> Eurasian Economic Commission and African Union Commission sign Memorandum of Understanding // Eurasian Economic Commission Website. 2019. October 24. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/24-10-2019-5.aspx> (дата обращения 19 марта 2024).

<sup>6</sup> Рабочий завтрак с руководителями региональных организаций Африки // Второй саммит Россия – Африка. 27 июля 2023. URL: <https://summitafrica.ru/news/rabochij-zavtrak-s-rukovoditeljami-regionalnyh-organizatsij-afriki/> (дата обращения 18 марта 2024).

<sup>7</sup> ЕАЭС и Африка намерены развивать сотрудничество в вопросах продовольственной безопасности // Евразийская экономическая комиссия. 2023. 28 июля. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-afrika-namereny-razvivat-sotrudnichestvo-v-voprosakh-prodovolstvennoy-bezopasnosti/> (дата обращения 27 апреля 2024).

ничество в нормативной правовой сфере по-прежнему остается недостаточно проработанным.

После двусторонних встреч в рамках второго саммита «Россия – Африка» 5 декабря 2023 г. делегация ЕЭК во главе с министром по интеграции и макроэкономике Комиссии С.Ю. Глазьевым совершила выездное мероприятие в штаб-квартиру Афрэксимбанка в Каире<sup>8</sup>. В ходе встречи обсуждались реализация и финансирование кооперационных проектов двух сторон, трансферт технологий, оптимизация логистических цепочек, сопряжение платежных систем и расчетов в национальных валютах. К сожалению, проведение подобных мероприятий с африканской стороной остается недостаточным. За последние годы было проведено ограниченное количество совместных встреч ЕЭК с интеграционными объединениями Африки, что, в свою очередь, сдерживает развитие торгово-экономических отношений.

В настоящее время Евразийский экономический союз располагает двумя меморандумами с африканской стороной. В июле 2022 г. на полях 19-й сессии экспертов Межправительственной группы по законодательству и политике в области конкуренции Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), ЕЭК и КОМЕСА подписали «Меморандум о взаимопонимании в области конкурентной политики и правоприменения»<sup>9</sup>. В сентябре 2017 г. в Рабате был также подписан «Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Правительством Королевства Марокко»<sup>10</sup>. Меморандумы не являются международным договором, не создают прав и обязательств, регулируемых международным правом, и не налагают на стороны финансовых обязательств. Однако они дают толчок к дальнейшему сотрудничеству и способствуют снятию торговых ограничений.

---

<sup>8</sup> ЕЭК и Афрэксимбанк намерены развивать торгово-экономическое сотрудничество // Евразийская экономическая комиссия. 2023. 7 декабря. URL: <https://eec.eaunion.org/news/eek-i-afreksimbank-name-reny-razvivat-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo/> (дата обращения 22 марта 2024).

<sup>9</sup> ЕЭК и КОМЕСА подписали «Меморандум о взаимопонимании в области конкурентной политики и правоприменения» // Евразийская экономическая комиссия. 2022. 22 июля. URL: <https://eec.eaunion.org/news/eek-i-komesa-podpisali-memorandum-o-vzaimoponimanii-v-oblasti-konkurentnoy-politiki-i-pravoprimereneni/> (дата обращения 14 марта 2024).

<sup>10</sup> Меморандум между ЕЭК и Марокко – новый уровень экономического сотрудничества // Евразийская экономическая комиссия. 2017. 2 октября. URL: <https://eec.eaunion.org/news/2-10-2017/> (дата обращения 15 марта 2024).

С 2016 г. прорабатывается соглашение о свободной торговле (ССТ) между ЕАЭС и Египтом. В 2019 г. был запущен переговорный процесс, и с тех пор прошло шесть раундов переговоров<sup>11</sup>. Египет является своего рода «воротами» в Африку, поэтому для ЕАЭС установление зоны свободной торговли с этой страной имеет ключевое значение. Достижение соответствующего соглашения приведет к развитию торговых отношений между странами Союза и остальными государствами континента, а в конечном итоге к выходу ЕАЭС на весь африканский рынок.

Ограниченное количество меморандумов и соглашений о зоне свободной торговли сдерживает дальнейшее расширение экономического взаимодействия между Евразийским экономическим союзом и странами Африки. Преодоление сдерживающих факторов возможно при помощи дальнейшего развития правовой базы, то есть подписания меморандумов с африканскими странами и интеграционными экономическими организациями, а также пролонгации меморандума о взаимопонимании с Комиссией Африканского союза и конкретизации его содержания.

Рассмотрим торговый оборот Евразийского экономического союза со странами Африканского союза с 2017 по 2023 г. (рис. 1). Как показывает рис. 1, изначальные показатели (18,5 млрд долл.) выросли более чем в 7 раз. И хотя на торговле ЕАЭС со

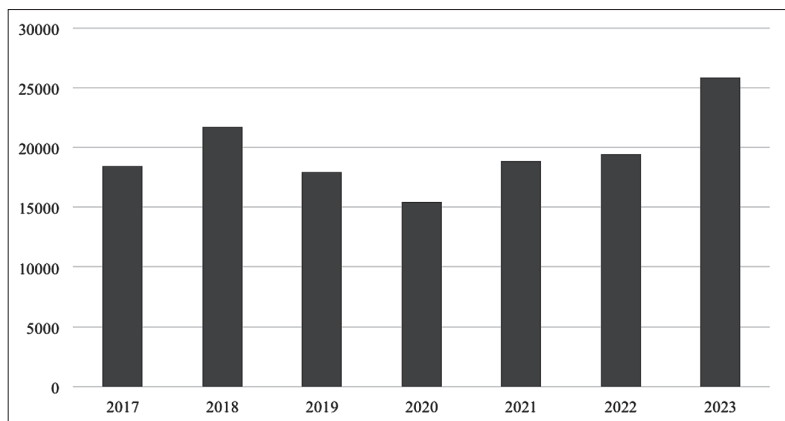


Рис. 1. Динамика торгового оборота стран ЕАЭС и Африки (млн долл.)

<sup>11</sup> ЕАЭС и Египет провели шестой раунд переговоров по соглашению о свободной торговле // Евразийская экономическая комиссия. 2023. 17 августа. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-egipet-provelishestoy-ruund-peregovorov-po-soglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle/> (дата обращения 14 марта 2024).



странами Африки негативно сказались сбои международных поставок во время COVID-19 и конфликта на Украине, с 2021 г. происходило постепенное увеличение торгового оборота.

Обратим внимание: наибольшая доля как в экспорте, так и в импорте приходится на Россию, торговый оборот которой за 7 лет составил 129 млрд долл. За ней идут Казахстан (4 млрд долл.) и Беларусь (3,9 млрд долл.) (табл. 1). Наименьшие же показатели торгового оборота демонстрируют Армения (420 млн долл.) и Киргизия (211 млн долл.). Отметим при этом, что импорт из Африки (403 млн долл.) у данных стран значительно превышает экспорт на этот континент (194 млн долл.). Самые скромные показатели демонстрируют Армения (импорт больше экспорта в 25 раз) и Киргизия (в 11 раз).

Причиной заметного дисбаланса экспортно-импортных операций ЕАЭС с Африкой, помимо значительной конкурентности местных, западных и азиатских рынков, являются нетарифные барьеры и высокие пошлины для товаров евразийского происхождения.

Таблица 1

Торговля между странами ЕАЭС и Африки за 2017–2023 гг. (млн долл.)

Период	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Россия <sup>12</sup>								
Экспорт	14 814	17 482	13 935	11 878	14 702	14 801	21 156	108 768
Импорт	2644	2934	2868	2582	3028	3042	3535	17 765
Торговый оборот	17 458	20 422	16 802	14 460	17 729	17 843	24 509	129 223
Казахстан <sup>13</sup>								
Экспорт	168,6	379,1	257,4	163	315,1	693,7	313,8	2291
Импорт	185	204	234,5	253,7	224,3	313,2	366,8	1782
Торговый оборот	353,6	583,1	491,8	416,8	540	1007	681	4072

<sup>12</sup> Итоги внешней торговли со всеми странами // Федеральная таможенная служба России. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения 23 марта 2024).

<sup>13</sup> Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам // Бюро национальной статистики Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/spreadsheets/?year=2021&name=19182&period=&type=> (дата обращения 23 марта 2024).

Окончание табл. 1

Период	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Всего
Беларусь <sup>14</sup>								
Экспорт	349,9	379,7	393,1	376,6	387,2	331,7	388,5	2607
Импорт	222,5	217,2	164,1	159,6	162,9	160,3	172,4	1259
Торговый оборот	572,4	596,9	557,2	536,2	550,1	492	560,9	3855
Армения <sup>15</sup>								
Экспорт	1,4	8,1	1,2	0,4	1	2,2	1,7	16
Импорт	43,3	63,2	53,3	31,1	52,3	68,9	91,1	403
Торговый оборот	44,7	71,3	54,5	31,5	53,4	71	92,8	420
Киргизия <sup>16</sup>								
Экспорт	2,2	0,9	1,4	0,8	2,3	2,5	6,7	17
Импорт	29	50	20,4	26,1	8,4	47,9	12	194
Торговый оборот	31,2	50,9	21,8	26,9	10,7	50,4	18,7	211

Как мы уже могли убедиться, Россия является основным партнером африканских государств, на ее долю приходится 93,7% торгового оборота ЕАЭС, тогда как Казахстан имеет только 3%, Беларусь – 2,8%, Армения – 0,3%, Киргизия – 0,2%. Торговля последних двух стран носит фрагментарный характер.

Рассматривая общий объем внешней торговли ЕАЭС за 2017–2023 гг., который составил 6239 млрд долл., отметим, что

<sup>14</sup> Импорт и экспорт товаров из Республики Беларусь по отдельным странам вне СНГ // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/> (дата обращения 24 марта 2024).

<sup>15</sup> База данных внешней торговли Армении со странами мира // Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=159&thid%5B%5D=72&submit=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA> (дата обращения 24 марта 2024).

<sup>16</sup> Внешняя торговля. Географическое распределение экспорта и импорта товаров Республики Кыргызстан // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.gov.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/> (дата обращения 24 марта 2024).

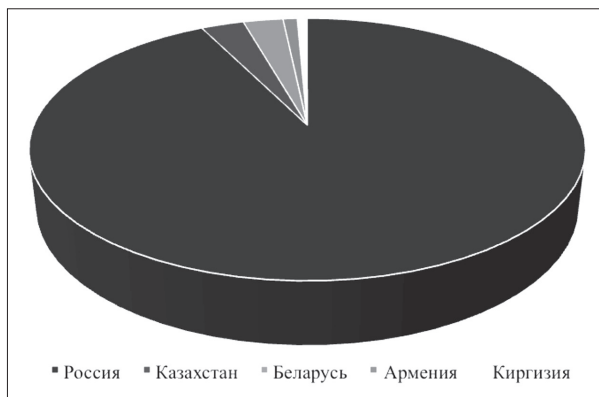


Рис. 2. Распределение долей в торговле стран ЕАЭС с государствами Африки

доля стран Африканского союза в нем остается незначительной – не более 3%. В торговом обороте России (из 4 860 млрд долл.) Африка составляла 2,7%, в Беларуси – 1% (из 512,2 млрд долл.); в Казахстане – 0,6% (из 732,2 млрд долл.), в Армении – 0,6% (из 70,6 млрд долл.), в Киргизии – 0,3% (из 62,1 млрд долл.) (рис. 3).

Таким образом, несмотря на выглядящий внушительно показатель в 137,8 млрд долл. за 2017–2023 гг., торговый оборот ЕАЭС и Африки является незначительным – всего 2,5%. За тот

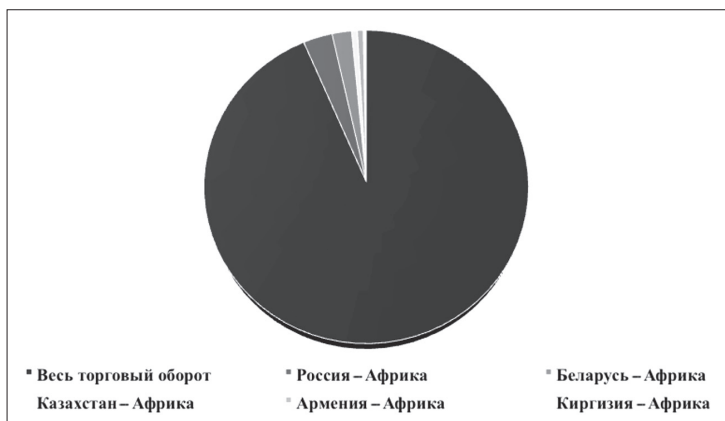


Рис. 3. Доля Африки в торговом обороте стран ЕАЭС (2017–2023)

же период времени торговый оборот между Африкой и Европейским союзом достиг 2124 млрд долл., то есть в 15 раз превысил показатель ЕАЭС)<sup>17</sup>. Аналогичную тенденцию следует отметить и в афро-китайских, и афро-американских торговых отношениях: торговый оборот стран Африки с КНР составляет 1482 млрд долл. (в 11 раз больше, чем торговый оборот ЕАЭС), а с Соединенными Штатами – 429,7 млрд (в 4 раза больше)<sup>18</sup>. Впрочем, история сотрудничества Африки с этими странами гораздо длительнее, чем взаимодействие АС и ЕАЭС, которое развернулось только в 2019 г.

Перспективы увеличения торгового оборота между ними есть, но, для того чтобы они превратились в реальность, необходимо расширять ассортимент поставляемой продукции, развивать инвестиционные потоки, проработать нормативно-правовую базу сотрудничества и повысить заинтересованность в сотрудничестве с Африкой во всех странах – членах Союза. Важно понимать при этом, что с каждым годом доля торговли западных стран с африканскими странами уменьшается на фоне роста количества азиатских компаний и предприятий в регионе.

Структуру экспорта товаров из ЕАЭС на рынки стран Африки в основном составляют энергоносители, агропродукция, полезные ископаемые, минеральные руды, сырье растительного, животного и рыбного происхождения, древесина, драгоценные металлы, химикаты и транспорт. Наибольшая доля в экспорте приходится на минеральное топливо и масла (34%), хлопья (24%), удобрения (7%), нерудное (7%) и металлическое (6%) сырье.

Импорт представлен преимущественно агропромышленной и пищевой продукцией, сырьем растительного и рыбного происхождения, полезными ископаемыми, машинами и механическими устройствами. Большая доля приходится на фрукты и орехи (45%), овощи (14%), кофе, чай, специи (8%) и эфирные масла (7%).

---

<sup>17</sup> Africa-EU – international trade in goods statistics // Eurostat Statistics Explained. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Archive:Africa-EU\\_-\\_international\\_trade\\_in\\_goods\\_statistics](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Archive:Africa-EU_-_international_trade_in_goods_statistics) (дата обращения 1 апреля 2024).

<sup>18</sup> China, USA – Africa bilateral trade data overview // Johns Hopkins school of advanced international studies. URL: <https://www.sais-cari.org/data-china-africa-trade> (дата обращения 1 апреля 2024).



Рис. 4. Структура экспорта ЕАЭС в Африку<sup>19</sup>



Рис. 5. Структура импорта ЕАЭС из Африки<sup>20</sup>

<sup>19</sup> The Eurasian Economic Union (EAEU)'s exports to Africa // International Trade Centre. URL: [https://www.trademap.org/Bilateral\\_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c59232%7c%7c7%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1](https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c59232%7c%7c7%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1) (дата обращения 31 марта 2024).

<sup>20</sup> The Eurasian Economic Union (EAEU)'s imports from Africa // International Trade Centre. URL: [https://www.trademap.org/Bilateral\\_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c59232%7c%7c7%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c%7c1](https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c59232%7c%7c7%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c%7c1) (дата обращения 31 марта 2024).

Экспортно-импортные соглашения связывают государства ЕАЭС не со всеми странами африканского континента. Более 80% торгового оборота приходится на ведущих торговых партнеров в Африке. Так, большая часть экспорта России направляется в ЮАР, Алжир, Египет, Гану, Тунис, Сенегал, Судан, Коморы, Кению, Конго, Маврикий, Марокко, Нигерию, Камерун, Анголу, Того, Тунис и Уганду. Импорт в основном идет из ЮАР, Туниса, Алжира, Египта, Ганы, Камеруна, Кении, Союза Коморских Островов, Марокко и Кот-д'Ивуара<sup>21</sup>.

В экспорте Казахстана в свою очередь преобладают Марокко, Алжир, Тунис, Египет и Сенегал; в импорте – Египет, ЮАР, Кения, Гана, Марокко, ДРК и Сьерра-Леоне<sup>22</sup>.

Экспорт товаров из Беларуси приходится на Анголу, Тунис, Марокко, Египет, Уганду, Кот-д'Ивуар, ЮАР, Сенегал, Мали, Камерун; основной импорт поставляется из Марокко, Кот-д'Ивуара, Египта, ЮАР, Зимбабве, Кении, Ганы и Танзании<sup>23</sup>.

Несмотря на ограниченный экспорт товаров Армении в Африку, ключевыми торговыми партнерами для нее являются: Союз Коморских Островов, Ливия, Египет, ЮАР, Судан, Мозамбик, Алжир и Гана. Импорт в основном идет из Египта, Ливии, ЮАР, Зимбабве, Маврикия, Марокко, Анголы, Ботсваны, Кот-д'Ивуара и Туниса<sup>24</sup>.

Основной африканский экспорт Киргизии направляется в Египет, Кению и ЮАР, импорт приходится на Кению, ЮАР, Египет и Нигер<sup>25</sup>.

---

<sup>21</sup> Итоги внешней торговли со всеми странами // Федеральная таможенная служба России. URL: <https://customs.gov.ru/statistic/vneshn-torg/vneshn-torg-countries> (дата обращения 26 марта 2024).

<sup>22</sup> Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан по странам // Бюро национальной статистики Республики Казахстан. URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/spreadsheets/?year=2021&name=19182&period=&type=> (дата обращения 26 марта 2024).

<sup>23</sup> Импорт и экспорт товаров из Республики Беларусь по отдельным странам вне СНГ // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/> (дата обращения 26 марта 2024).

<sup>24</sup> База данных внешней торговли Армении со странами мира // Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=159&thid%5B%5D=72&submit=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA> (дата обращения 26 марта 2024).

<sup>25</sup> Внешняя торговля 4.03.00.18/20 Географическое распределение экспорта и импорта товаров Республики Кыргызстан // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/> (дата обращения 26 марта 2024).

Для государств ЕАЭС должно стать приоритетом заключение меморандумов и/или соглашений о свободной торговле (ССТ) с ведущими африканскими партнерами и интеграционными объединениями. В качестве предпочтительных региональных экономик по установлению преференциальных торговых отношений в первую очередь стоит рассматривать Египет и ЮАР. Бизнес этих стран имеет разветвленную сеть дочерних компаний, предприятий, франшиз, объектов ритейла, дилерских и сервисных центров. Это может стать хорошей основой для дальнейшего закрепления позиций компаний ЕАЭС на африканском континенте. Во вторую очередь стоит рассмотреть заключение торговых соглашений с Марокко, Тунисом, Ганой, Кенией, а следом – с Алжиром, Кот-д’Ивуаром, Сенегалом, Анголой и затем с Коморами, Маврикием, Камеруном, Угандой, Зимбабве и Танзанией. Развитие торговли с ключевыми партнерами стран ЕАЭС в Африке может привести к активизации экономических отношений двух континентов.

Стоит подчеркнуть, что не только с точки зрения большей части торгового оборота заключение правовых договоров может быть выгодным для ЕАЭС. Указанные страны являются региональными центрами экономической силы в Африке: Северная Африка – Египет (ВВП за 2023 г. – 404 млрд долл. / население – 104,3 млн чел.), Алжир (163 млрд долл. / 44,6 млн чел.), Марокко (143 млрд долл. / 37,3 млн чел.); Западная Африка – Гана (78 млрд долл. / 31,7 млн чел.), Кот-д’Ивуар (70 млрд долл. / 27 млн чел.), Нигерия (441 млрд долл. / 211,4 млн чел.); Восточная Африка – Эфиопия (11 млрд долл. / 117,9 млн чел.), Кения (110 млрд долл. / 55 млн чел.), Танзания (68 млрд долл. / 61,6 млн чел.); ЮАР (419 млрд долл. / 60 млн чел.) – Южная Африка; в Центральной Африке – Демократическая Республика Конго (55 млрд долл. США / 92,4 млн чел.)<sup>26</sup>.

Что касается других африканских государств, то с учетом близости позиций в политической области, условий ведения бизнеса для евразийских компаний и перспектив для создания новых производственно-логистических цепочек, можно выделить Эфиопию, Республику Конго, Мали, Мозамбик, Нигерию и Экваториальную Гвинею.

На региональном уровне стоит рассматривать перспективные экономические интеграционные организации с высокой

---

<sup>26</sup> Страны Африки с самым высоким ВВП и населением в 2023 г. // WISEVOTER. URL: <https://wisevoter.com/country-rankings/countries-in-africa/> (дата обращения 9 марта 2024).

долей внутриблоковой торговли и экономическим ростом. Так, текущие препятствия могут быть преодолены посредством заключения ССТ между ЕЭК и Южноафриканским таможенным союзом (САКУ), Общим рынком Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Сообществом развития Юга Африки (САДК) и Восточно-Африканским Сообществом (ВАС)<sup>27</sup>. У КОМЕСА и САДК (двух крупнейших региональных объединений по количеству участников) есть зона свободной торговли и ведется проработка создания Таможенного союза. ВАС уже имеет зону свободной торговли и Таможенный союз, в ближайшие годы планируется создание общего рынка и валютного союза.

Таким образом, проработка соответствующих договоров и их «планов действий» сотрудничества между ЕАЭС и Африкой позволит упростить доступ производимой в государствах ЕАЭС продукции на африканские рынки, и наоборот; устранить тарифные и нетарифные барьеры; ликвидировать квоты; унифицировать санитарные и другие требования к продукции; и наконец, привлечет больше ПИИ для налаживания производственной деятельности на континенте. Только с помощью постепенной интеграции с африканскими странами и организациями страны ЕАЭС смогут выйти на уровень Африканской континентальной зоны свободной торговли (АКЗСТ).

Другим способом активизации торговли с Африкой может стать повышение заинтересованности в этом не только у российских компаний, но и у бизнеса остальных стран ЕАЭС. У России имеется широкий опыт соглашений и меморандумов с африканской стороной. Армения, Беларусь, Казахстан и Киргизия могут использовать примерные модели интеграции с африканскими рынками для выхода на более эффективное и практико-ориентированное торгово-экономическое сотрудничество.

Кроме того, необходимо увеличить количество выездных встреч, переговоров, рабочих консультаций и форумов с африканскими представителями для развития юридической базы взаимодействия, становления прямых контактов между деловыми кругами бизнес-миссии ЕАЭС и Африканского союза, проработки практических шагов увеличения торговли и

---

<sup>27</sup> Африка 2023. Возможности и риски: экспертно-аналитический справочник / Под общ. ред. А.А. Маслова. 2-е изд. М.: НИУ ВШЭ, Центр изучения Африки, 2023. С. 152–153.



инвестирования, стимулирования малого и среднего бизнеса, упрощения административных процедур для открытия и ведения бизнеса в Африке.

В качестве перспективных направлений торгово-экономического сотрудничества с Африкой стоит выделить транспорт, промышленность, энергетику, информационно-коммуникационные технологии и водоснабжение. Необходимо увеличить инвестирование в переработку сельхозпродукции и создание нефтеперерабатывающих заводов, которые на сегодняшний день в Африке отсутствуют [Сотрудничество 2022]; проводить совместную работу в области индустриализации, освоения ресурсов, совершенствования инфраструктуры и подготовки африканских специалистов в области сельского хозяйства, нефтедобычи и в других профильных направлениях; расширить межбанковское сотрудничество и запустить расчеты в национальных валютах [Чистякова 2020].

Экспорт товаров можно расширить за счет торговли в сфере производственных технологий ЕАЭС – например по атомной энергетике, фармацевтической и химической продукции, производству мебели, игрушек, полиграфии, продуктов питания (особенно консервов, кондитерских и мучных изделий), сельскохозяйственной техники и других видов машин и оборудования. Представленные товары из ЕАЭС могут увеличить потребительский рынок африканцев<sup>28</sup>.

Учитывая, что доля экспорта членов ЕЭК превалирует над импортом, необходимо устранить торговый дисбаланс экспортно-импортной продукции. Увеличить импорт африканской продукции на рынок ЕАЭС можно также за счет сырьевых товаров, полезных ископаемых и драгоценных металлов в сыром или необработанном виде.

Таким образом, существует большой потенциал для развития торгово-экономических отношений между ЕАЭС и Африкой. Имеются все необходимые предпосылки для их дальнейшего развития. При совместных усилиях по устранению барьеров и созданию благоприятных условий для развития бизнеса обе стороны могут достичь взаимной выгоды и способствовать устойчивому экономическому росту.

---

<sup>28</sup> *Караваяев А.Г.* Поворот на Юг. Евразийский союз включился в экономическую борьбу за Африку // Евразия. Эксперт. 5 ноября 2019. URL: <https://eurasia.expert/sblizhenie-eaes-i-afrikanskogo-soyuza/> (дата обращения 1 июня 2024).

## Литература

---

- Данилова 2021 – Данилова Е.В. Стратегия развития интеграции до 2025 года: новое видение перспектив Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. 2021. № 4 (80). С. 12–16.
- Дробот 2022 – Дробот Е.В. Перспективы интеграции стран Африканской континентальной зоны свободной торговли с Евразийским экономическим союзом // Экономика Центральной Азии, 2022. Т. 6. № 1. С. 65–88.
- Константинова 2019 – Константинова О.В. Россия – Африка: новый виток взаимоотношений // Приоритеты социально-экономического развития евразийского пространства: Сб. статей Междунар. научно-практич. конф. 15 ноября 2019 г. Саратов: Аэтерна, 2019. С. 20–25.
- Сотрудничество 2022 – Сотрудничество участников Евразийского экономического союза со странами Африки [Сб. ст.]. М.: Институт Африки РАН, 2022. 236 с.
- Чистякова и др. 2021 – Чистякова Е.А. Соколова О.Ю., Захарова С.В. и др. Перспективы сотрудничества Евразийского экономического союза и Африки // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 1 (53). С. 187–194.
- Asche 2021 – Asche H. On the African Continental Free Trade Area // *Regional Integration. Trade and Industry in Africa*. Springer, 2021. P. 95–117.
- Kia, Enyindah 2023 – Kia D.B., Enyindah, D.I. Russia – Africa Relations: A Reflection on Historical Ties, Current Trends and Emerging Realities // *Central Asian Journal of social sciences and history*. 2023. Vol. 4. № 6. P. 119–131.

## References

---

- Asche, H. (2021), “On the African Continental Free Trade Area”, *Regional Integration, Trade and Industry in Africa*, Springer, pp. 95–117.
- Chistyakova et al. 2021 – Chistyakova, E.A. Sokolova, O.Y., Zakharova, S.V. et al. (2020), “Prospects of cooperation between the Eurasian Economic Union and Africa”, *University Proceedings. Volga region. Social Sciences*, no. 1 (53), pp. 187–194.
- Danilova, E.V. (2021), “Strategy of integration development until 2025. A new vision of the prospects for the Eurasian Economic Union”, *Issues of Modern Economics*, no. 4 (80), pp. 12–16.
- Drobot, E.V. (2022), “Prospects for the integration of the countries of the African Continental Free Trade Area and the Eurasian Economic Union”, *Journal of Central Asia Economy*, vol. 6, no. 1, pp. 65–88.
- Kia, D.B. and Enyindah, D.I. (2023), “Russia – Africa Relations: A Reflection on Historical Ties, Current Trends and Emerging Realities”, *Central Asian Journal of social sciences and history*, vol. 4, no. 6, pp. 119–131.
- Konstantinova, O.V. (2019), “Russia – Africa. A new round of relations”, *Priortety sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya evraziiskogo prostranstva: Sb. statei Mezhdunar.nauchno-praktich. konf. 15 noyabrya 2019 g.* [Priorities of socio-economic development of the Eurasian space. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, November 15, 2019], Aeterna, Saratov, Russia, pp. 20–25.

Volkov, S.N., Deich. T.L. and Konstantinova, O.V. (eds.) (2022), *Sotrudnichestvo uchastnikov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza so stranami Afriki* [Cooperation of the participants of the Eurasian Economic Union with the countries of Africa. Coll. of art.], Institut Afriki RAN, Moscow, Russia.

### *Информация об авторе*

*Алина С. Братчик*, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; bratchik.alya@bk.ru

### *Information about the author*

*Alina S. Bratchik*, Moscow State Institute of International Relations (University) at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119454; bratchik.alya@bk.ru

УДК 327(510)

DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-116-129

## Сущность понятия «стратегическая культура» и ее роль во внешнеполитическом курсе КНР

Екатерина А. Романова

*Российский государственный гуманитарный университет  
Москва, Россия, katerina\_romanova13@mail.ru*

*Аннотация.* Статья посвящена традиционной стратегической культуре Китая, которая рассматривается в рамках теории Аластера Джонстона. Понимая под ней широкий контекст, на фоне которого и под влиянием которого происходит становление ценностных ориентаций и основных черт характера китайской нации, становящихся в свою очередь основой для формирования концепций безопасности и теорий внешнеполитической стратегии китайской нации, автор подчеркивает, что стратегическая культура Китая является ключом для понимания актуальных проблем активности Китайской Народной Республики, направленной вовне. В частности, как подчеркивает автор, характерными чертами китайской стратегической культуры является неприятие гегемонии и насилия, ориентация на дружелюбие и справедливость при выстраивании дипломатических отношений, а также мирное разрешение международных конфликтов. Китайская стратегическая культура, будучи глубоко традиционной по своему характеру, обладает в то же время высокой адаптивностью, что позволяет национальным политическим элитам, выступающим в роли ключевых носителей стратегической культуры, выстраивать гибкий курс, определяющий взаимоотношения Китайской Народной Республики со своими партнерами и соперниками и являющийся залогом роста китайского внешнеполитического влияния и экономической мощи Поднебесной империи Китайской народной республики.

*Ключевые слова:* Китай, стратегия, стратегическая культура, стратегическое мышление, внешняя политика, стабильность, сотрудничество, традиция

*Для цитирования:* Романова Е.А. Сущность понятия «стратегическая культура» и ее роль во внешнеполитическом курсе КНР // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 116–129. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-116-129

---

© Романова Е.А., 2024

## The essence of the concept of “strategic culture” and its role in the foreign policy of the PRC

Ekaterina A. Romanova

*Russian State University for the Humanities  
Moscow, Russia, katerina\_romanova13@mail.ru*

*Abstract.* The article deals with the traditional strategic culture of China, which is considered within the framework of Alastair Johnston’s theory. Understanding it as a broad context, against the background of which and under the influence of which the formation of value orientations and basic character traits of the Chinese nation takes place, which in turn become the basis for the formation of security concepts and theories of the Chinese nation’s foreign policy strategy, the author emphasizes that China’s strategic culture is the key to understanding the current issues in the People’s Republic of China’s outward-looking activity. In particular, as the author emphasizes, the characteristic features of Chinese strategic culture are the rejection of hegemony and violence, the orientation toward friendliness and fairness in building diplomatic relations, and the peaceful resolution of international conflicts. Chinese strategic culture, being deeply traditional in nature, is highly adaptable, which allows national political elites, who are the key bearers of strategic culture, to build a flexible course that determines the relationship of the People’s Republic of China with its partners and rivals and is the key to the growth of Chinese foreign policy influence and economic power of Celestial Empire (the People’s Republic of China).

*Keywords:* China, strategy, strategic culture, strategic thinking, foreign policy, stability, cooperation, tradition

*For citation:* Romanova, E.A. (2024), “The essence of the concept of ‘strategic culture’ and its role in the foreign policy of the PRC”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations” Series*, no. 4, pp. 116-129, DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-116-129

### *Введение*

В 1995 г. вышла работа профессора Гарвардского университета Аластера Джонстона «Культурный реализм: Стратегическая культура и большая стратегия в китайской истории» (Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History), которая, несмотря на всю свою неоднозначность, внесла значимый вклад в разрабатываемую разными учеными новую концепцию стратегической культуры, в становление «содержательного и символического смысла концепции» [Алексева 2012, с. 135].

Как отмечает Т.А. Алексеева, стратегическая культура в первую очередь

...представляет собой интегрированную систему символов (то есть структур аргументации, языка, аналогий, метафор и т. д.), которые позволяют установить устойчивые и долговременные стратегические предпочтения через формулирование концепций роли и эффективности военной силы в межгосударственных политических отношениях [Алексеева 2012, с. 135].

Однако военными соображениями стратегическая культура не исчерпывается, она включает «все те экономические и политические соображения, которые могут быть задействованы для достижения национальных целей» [Алексеева 2012, с. 135]. Таким образом, для глобального определения стратегической культуры в рамках теории А. Джонстона Т.А. Алексеева предлагает следующую формулировку:

...приоритетные предпочтения большой стратегии, вытекающие из парадигмальных предположений относительно природы конфликта и противника, и коллективно разделяемые лицами, принимающими решения [Алексеева 2012, с. 135].

Возможно, более точным является определение, предложенное А.А. Вершининым и А.А. Кривопаловым:

Стратегическая культура – ...своего рода контекст, в котором формулируются основные компоненты стратегии: представления о мире, безопасности, внешней политике, вооруженной силе, войне, союзах [Вершинин, Кривопалов 2023, с. 80].

В отличие от стратегической политики, которая всегда на виду и реализует относительно краткосрочные задачи, а потому изменчива, стратегическая культура составляет глубинный пласт национального стратегического мышления, обладает стабильностью и нацелена на долгосрочную перспективу. Она формируется постепенно, в ходе длительного исторического развития конкретной страны и определяет привычный для нации режим стратегического мышления при изучении и решении важнейших вопросов [Кожухова 2023]. Каждая страна, каждая нация обладают собственной, уникальной стратегической культурой [Воскресенский 2020].

Изучение стратегической культуры можно назвать новым и весьма эффективным подходом к пониманию внешнеполитических процессов. Одновременно оно может стать хорошим инструментом для осмысления национальной идентичности как в рамках межкультурного дискурса [Нойманн 2004], так и в контексте обеспечения национальной безопасности.

Данная работа посвящена стратегической культуре Китая – государства, которое наравне с Россией участвует в формировании «обновленного мира» [Лузянин 2018] и влияние которого на международные отношения растет год от года. Понимание стратегической культуры Китайской Народной Республики необходимо для грамотного построения российско-китайского партнерства и взаимного учета интересов в целом ряде регионов мира. При этом, несмотря на всю актуальность исследования китайской стратегической культуры, научных трудов, посвященных данной проблеме, пока недостаточно.

Стратегическая культура Китая обладает рядом особенностей. По мнению профессора Гун Юйчжэня, она имеет традиционное происхождение и характеризуется уважением к традиции и механизмам ее передачи из поколения в поколение. Ей присущи многоаспектность и многослойность, являющиеся следствием многовекового развития в разных исторических условиях, а также высокая адаптивность, способность успешно подстраиваться под новые условия быстро меняющегося мира [Гун Юйчжэнь 2002]. В китайском обществе, обладающем высоким уровнем институциональной памяти, стратегическая культура является важным неформальным институтом, который определяет восприятие внешнего мира во всех аспектах жизни и особенно во внешнеполитических сношениях.

### *Сущность понятия «стратегическая культура»: национальный аспект*

«Стратегическая культура» – понятие модное, но дефиниционно достаточно размытое. Китайская историография не выработала единого ее определения, да и в целом изучение стратегической культуры находится на начальной стадии.

Очень часто в популярных аналитических докладах, а также в публицистике упоминаются четыре составляющие «стратегической культуры» Китая: оборонительный характер, стратагемность, борьба с гегемонизмом и конфуцианство. В академическом

же дискурсе к стратегической культуре как феномену подходят более комплексно и рассматривают ее исходя из большего количества компонентов. Согласно научной точке зрения, оборонительный фактор или оборонительная стратегия может быть частью стратегической культуры, но не может выступать ее основой. Равно как и стратагемность или труд одного философа или группы людей не может лежать в основе всей стратегической культуры.

В настоящее время в китайской академической среде достаточно популярен тезис о том, что стратегическую культуру можно разделить на два блока: стратегия и культура. Стратегия, в свою очередь, подразделяется на малую (искусство войны, ведение войны) и большую (защита национальных интересов, взаимодействие с другими государствами). Культура также делится на малую (ценности, символы) и большую (идеи, теории).

На малую стратегию китайские эксперты смотрят глазами реалистов-классиков, полагая, что необходимо обеспечивать национальную безопасность всеми доступными средствами. Так, Чжоу Пици пишет следующее:

Стратегическая культура – это *привычные модели поведения и ценности* (курсив мой. – Е. Р.), разделяемые лицами, принимающими политические решения в вопросах использования военной силы [Чжоу Пици 2001].

Лянь Дэгуэй считает, что

...стратегическая культура – это традиционный *инструмент формирования моделей поведения и оценки* (курсив мой. – Е. Р.) в отношении защиты национальных интересов [Чжоу Пици 2001].

Не Чжэньнань и Чжэн Хуа придерживаются мнения, что

...стратегическая культура – это *система представлений и поведенческих предпочтений* (курсив мой. – Е. Р.) правящих элит в течение определенного исторического периода [Не Чжэньнань, Чжэн Хуа 2020].

Если говорить о большой стратегии, то ее трактуют ближе к неоклассическому реализму или конструктивизму, причем исследователи задаются вопросами: кто является носителем культурного кода – правящие элиты или все граждане страны



и разделяет ли население Китая тот культурный код, которого придерживается политическая элита? Именно последняя проблема в первую очередь интересует китайских исследователей, занимающихся стратегической культурой. Приведем несколько определений экспертов.

Чжао Цзинфан:

Стратегия в рамках стратегической культуры – это большая стратегия, которая определяется набором сложных моделей мышления и поведенческих предпочтений на основе ценностей, которые разделяются всеми членами государственной системы принятия политических решений. Основные компоненты – это стратегические ценности, стратегические модели мышления и поведенческие предпочтения [Чжао Цзинфан 2008].

Ван Лицзюань:

Стратегическая культура – это набор макростратегических концепций – норм, ценностей и убеждений, которые разделяются всеми гражданами страны и имеют направляющее значение для национальной безопасности [Ван Лицзюань 2007].

Что касается малой культуры, то у каждого народа в рамках исторического процесса формируются определенные ценности, в том числе и благодаря межгосударственному взаимодействию. На дипломатию Китая второй половины XX в., а также на дипломатию современной КНР большое влияние оказали «сто лет национального унижения» – период непрерывных неудачных для Китая войн, неравных договоров и уступок «заморским варварам», протянувшийся с середины XIX по середину XX в. Под влиянием таких исторических условий Китай был вынужден сформировать агрессивный, базирующийся на обороне ценностный аппарат (систему идей на уровне социальной информации). Однако по мере того как КНР набирала силу и становилась способна обеспечивать национальную безопасность, степень агрессии снижалась, а стратегические концепции становились более разнообразными и охватывали не только проблемы обороны, но и массу политических, экономических, дипломатических, научно-технических, национальных вопросов.

Приведем здесь еще два определения стратегической культуры, данные китайскими исследователями. Например, Чжан Сяоцзюнь и Сюй Цзя считают так:

Стратегическая культура – это система идей и символов на уровне социальной информации, которая состоит из двух компонентов. Первый – это социальная информация в категориях природы войны, использование силы, традиционного определения врагов и угроз. Второй – это социальная информация в категориях рационального выбора, национальных приоритетов и оценки результатов [Чжан Сяоцзюнь, Сюй Цзя 2004].

По мнению же Ли Шэньмина,

...стратегическая культура – это важный компонент культуры страны и народа, который является отражением ее фундаментальных экономических и политических интересов и концептуальная форма для разработки стратегий развития и обеспечения национальной безопасности страны [Ли Шэньмин 2019].

Под большой культурой следует понимать те факторы, которые приводят в движение все стратегические действия и влияют на отношения между народом и элитами. Исследователи-теоретики, занимающиеся большой культурой, обычно работают на стыке политологии и культурологии [Виноградов 2021; Виноградов, Васильев 2021], их труды интересны, прежде всего, с точки зрения детального анализа (в том числе лингвистического) тех тезисов, которые выдвигают политические элиты страны (разбор официальных речей, доктринальных документов, теорий, выдвигающихся Си Цзиньпином: «общество единой судьбы», «китайская мечта», «инициатива “Один пояс, один путь”», универсальный мировой порядок, построенный на взаимном доверии и ответственности). Приведем здесь также определения ряда экспертов.

К примеру, Ли Цзицзюнь утверждает, что

...стратегическая культура – это стратегические теории, разработанные на основе определенных исторических и национальных культурных традиций, которые направляют стратегические действия и влияют на социальную культуру и мышление [Ли Цзицзюнь 2002].

Для Гун Юйчжэня

...стратегическая культура – это устойчивые и относительно стабильные культурные характеристики стратегического поведения страны. Они являются единой реакцией исторического опыта нации и цивилизации, национальной идентичности, ценностного поиска и культурной психологии в области стратегии [Гун Юйчжэнь 2002].

Основной рост публикаций, посвященных стратегической культуре, пришелся на 2002–2003 гг., самой цитированной статьёй стала работа Цинь Яцина [Цинь Яцин 2003], известного китайского теоретика. По его мнению, в начале XXI в. Китай вышел из экономического и политического кризиса и получил необходимое количество ресурсов, чтобы начать переход от агрессивной, «силовой» внешней политики к политике «мягкой», базирующейся на сотрудничестве. И сегодня китайская стратегия стремится снизить до нуля эффективность военных средств или «жесткой» силы. Это является беспрецедентным случаем, потому что такую форму взаимодействия Китай не предлагал никогда на протяжении всей своей истории.

Китайские исследователи считают, что у государства есть два пути – «путь царя» и «путь гегемона», каждый из которых состоит из двух компонентов<sup>1</sup>. «Путь царя» подразумевает, что лидер, чья власть ограничена, направляет свой народ, относящийся к нему, лидеру, с уважением. Если мы проанализируем те тезисы, которые продвигают китайские лидеры, то будет заметно, что они сосредоточены на формировании норм и правил поведения, которые добровольны в рамках межгосударственного взаимодействия, а также пытаются создать образ ответственного государства, помогающего слабым и защищающего от сильных и агрессивных акторов. «Путь гегемона» строится на подчинении закону и заботе о своем народе, но исключительно о тех людях, которые лояльны к правителю. Кроме того, гегемон заботится о государствах, входящих в его коалицию. В рамках международных отношений это формирование системы международных правовых режимов для регулирования вопросов межгосударственного взаимодействия<sup>2</sup>.

Китайские эксперты делают выводы, что на протяжении всей истории Китай балансировал между двумя этими концепциями, но сейчас переходит к теории «пути царя», стремясь стать первой сверхдержавой и предлагая комфортные условия для всех, кто готов их принять. Это то, что в рамках мировой политики называется «настоящей многосторонностью».

---

<sup>1</sup> Эта модель построена на идеях неоконфуцианства.

<sup>2</sup> Отметим, что иногда государство, которое сформировало такой режим, само не входит в него, но находится над ним. В качестве конкретного примера можно привести отношение США к Конвенции ООН по морскому праву. Официальный Вашингтон часто на нее ссылается, но саму Конвенцию США не подписали.

## *Роль стратегической культуры в формировании внешнеполитического курса КНР*

Нормы и правила внешнеполитической традиции, универсальные принципы отклика на изменения и угрозы, набор моделей поведения в различных международно-политических ситуациях формируют национальную стратегическую культуру, позволяющую достаточно гибко реагировать на колебания международно-политического климата и сокращают возможности для автоматического определения внешнеполитического курса страны. (Это особенно актуально для поддержания стабильности Коммунистической партии Китая, что отражено в Конституции КНР<sup>3</sup>.) Национальная стратегическая культура позволяет Китаю активно реализовать сверхзадачу, известную как «великое возрождение китайской нации» и являющуюся основной для руководящих структур Китайской Народной Республики, включая Коммунистическую партию Китая. Основным носителем и пропагандистом стратегической культуры как внутри Китая, так и за его пределами является китайская политическая элита, которая состоит из трех ключевых групп: правитель, который в настоящее время является Председателем КНР, чиновники (включая КПК и государственный аппарат) и академические круги [Михайленок 2016].

Нельзя не обратить внимание на сильную идеологизацию китайских источников при описании современного правителя Китая, председателя Си Цзиньпина. Российский исследователь И.Е. Денисов отмечает, что официальная пропаганда и китайские эксперты, близкие к истеблишменту, акцентируют внимание на формировании особой системы взглядов Си Цзиньпина на управление государством, особой философии, которая, в свою очередь, влияет на его внешнюю политику [Денисов 2017; Белова 2016]. Важно отметить инициативу Си Цзиньпина о «развитии стратегического мышления у чиновников» и «создании стратегического аппарата управления и открытия новых горизонтов» [Чжоу Синьминь 2019]. Это свидетельствует о постепенном внедрении традиционных ценностей и принципов в практики руководящего аппарата. Органы власти стремятся воспитать управленцев в духе «общей борьбы партии и народа».

---

<sup>3</sup> Конституция КНР (в ред. от 2018 г.). // Законодательство Китая. URL: [https://chinalaw.center/constitutional\\_law/china\\_constitution\\_revised\\_2018\\_russian/](https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/) (дата обращения 22 января 2024).

## Заклучение

Западные исследователи выделяют несколько компонентов китайской стратегической культуры.

*Основы стратегической культуры Китая:* Китай – продолжатель древней великой цивилизации, обладатель обширного стратегического и философского наследия; важно добиваться своих целей мирным путем, обеспечивая надежную оборону; враг – это тот, кто посягает на базовые ценности и интересы; умеренное использование силы допустимо для решения политических задач.

*Современные культурные стратегии Китая:* мягкое (несиловое) балансирование в глобальном измерении, жесткий ответ в пределах своей зоны влияния; политические и экономические инструменты (жесткая сила вторична); политика правящих элит соответствует долгосрочным планам КПК.

Также западные ученые, занимающиеся китайской стратегической культурой, полагают, что в ее основе лежат конфуцианство (классические представления о морали) и концепция *real politic* (представления классического реализма о необходимости использования жестких силовых методов). Такое сочетание обуславливает действия Китая, исходящего из принципа активной обороны, то есть *контроля ситуации внутри страны* и жесткого ответа вовне в случае угрозы национальным интересам. Это называется культурным реализмом [Johnston 1998].

Теория китайских исследователей выстраивается вокруг несколько другой концепции. По их мнению, у государства на внешнеполитическом треке есть два пути. Первый – благородная гегемония, «путь царя», когда государство является первым среди равных и уважительно относится к международной системе, не требуя полного подчинения от других. Такие отношения похожи на классическую модель китайской семьи, где Китай выступает в качестве родителей, поддерживающих детей и других членов клана. Такую политику КНР реализует в Африке и других развивающихся странах. Второй путь – это культурная агрессия, которая подразумевает продвижение собственной идеологии, а также экономическую экспансию. Если другие страны разделят китайские культурные ценности, а также войдут в экономическое взаимодействие с КНР, они неминуемо окажутся в одной коалиции с Поднебесной.

Основным носителем стратегической культуры является политическая элита, которая, как считают эксперты МГИМО, воспринимает современную обстановку в целом как благопри-

яствующую дальнейшему возвышению Китая, а национальную государственную мощь – как фактор, способный «демпфировать любые внешние удары» [Адамова, Денисов 2022, с. 849]. Специфика действия стратегической культуры КНР заключается при этом в сохранении трезвого взгляда на национальные возможности и перспективы. В итоге формируется сбалансированная система, которую российские исследователи описывают как, с одной стороны, «уверенность в своих позициях на глобальной сцене, постоянно усиливающуюся идеологией “китайской мечты”», а с другой стороны, как «осторожную и взвешенную линию поведения, настойчиво возвращающую к приоритету внутренних вопросов и внутреннего развития» [Адамова, Денисов 2022, с. 850].

### *Литература*

---

- Адамова, Денисов 2022 – *Адамова Д.Л., Денисов И.Е.* Период стратегических возможностей: опыт китайского форсайта и перспективы внешней политики Пекина // *Ориенталистика*. 2022. Т. 5. № 4. С. 839–856.
- Алексеева 2012 – *Алексеева Т.А.* Стратегическая культура: эволюция концепции // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 5. С. 130–147.
- Белова 2016 – *Белова Т.А.* Система пропаганды в современной КНР: обзор истории становления и характерные черты // *Наука. Мысль: электронный периодический журнал*. 2016. Т. 6. № 8–1. С. 25–33.
- Вершинин, Кривопалов 2023 – *Вершинин А.А., Кривопалов А.А.* Российская стратегическая культура: опыт исторической ретроспективы // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. № 6. С. 80–98.
- Виноградов 2021 – *Виноградов А.В.* «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 23–32.
- Виноградов, Васильев 2021 – *Виноградов А.В., Васильев Д.В.* Сила и баланс сил в политической мысли Китая // *Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ*. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. С. 36–45.
- Воскресенский 2020 – *Воскресенский А.Д.* Логика новой мироустроительной архитектуры: практика и теория переосмысления многомерного мира и поиск Китаем своего места // *Сравнительная политология*. 2020. Т. 11. № 4. С. 5–26.
- Денисов 2017 – *Денисов И.Е.* Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. № 5. С. 83–98.
- Кожухова 2023 – *Кожухова К.Е.* Китайская стратегическая культура. М.: Русайнс, 2023. 198 с.

- Кожухова 2020 – *Кожухова К.Е.* Роль философии конфуцианства, легизма и маоизма в формировании стратегической культуры КНР // Вестник ученых-международников. 2020. № 3 (13). С. 49–57.
- Лузянин 2018 – *Лузянин С.Г.* Россия – Китай. Формирование обновленного мира. М.: Весь мир, 2018. 328 с.
- Михайленок 2016 – *Михайленок О.М.* Потенциал стратегической культуры и качество политической элиты // Элитология и стратегии развития современной России: Материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 21–22 октября 2016 г. Ростов-на-Дону: ЮРИУФ РАНХиГС, 2016. С. 439–452.
- Нойманн 2004 – *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Ракитянский, Сунь 2016 – *Ракитянский Н.М., Сунь Ц.* Опыт концептуального моделирования китайского политического менталитета. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 2. С. 57–79.
- Чжоу Синьминь 2019 – *Чжоу Синьминь.* Руководство Си Цзиньпина и будущее Китая. М.: Весь мир, 2019. 182 с.
- Johnston 1998 – *Johnston A.I.* Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history. Princeton: Princeton University Press, 1998. 307 p.
- Чжоу Пици 2001 – 周丕启. 略论战略文化, 载《现代国际关系》, 2001年第10期, 第56–60 [Чжоу Пици. Краткая дискуссия о стратегической культуре // Современные международные отношения. 2001. Вып. 10. С. 56–60].
- Гун Юйчжэнь 2002 – 宫玉振: 《中国战略文化解析》, 军事科学出版社, 北京: 2002 年版, 282 [Гун Юйчжэнь. Анализ стратегической культуры Китая. Пекин: Military Science Press, 2002. 282 с.].
- Чжан Сяоцзюнь, Сюй Цзя 2004 – 张晓军、许嘉. 中美战略文化传统特征之比较, 载《中国军事科学》, 2004年第2期, 第112–119页. [Чжан Сяоцзюнь, Сюй Цзя. Сравнение традиционных характеристик стратегической культуры Китая и США // Китайская военная наука. 2004. Вып. 2. С. 112–119].
- Ли Шэньмин 2019 – 李慎明. 新时代战略机遇期的相关思考, 载《马克思主义研究》, 2019年第10期, 第44–55页. [Ли Шэньмин. Актуальные мысли о периоде стратегических возможностей в новую эпоху // Марксистские исследования. 2019. Вып. 10. С. 44–55].
- Ли Цицизюнь 2002 – 李际均. 论战略, 载《解放军出版社》, 2002年, 375页. [Ли Цицизюнь. О стратегии. Пекин: PLA Press, 2002. 375 с.].
- Ван Лицзюань 2007 – 王丽娟. 试析战略文化对国家安全战略的影响, 《国际论坛》, 2007年第5期, 第13–18页. [Ван Лицзюань. Анализ влияния стратегической культуры на стратегию национальной безопасности / Международный форум. 2007. Вып. 5. С. 13–18].
- Цинь Яцин 2003 – 秦亚青. 《国家身份战略文化和安全利益: 关于中国与国际社会关系的三个假设》, 载《世界经济与政治》, 2003年第1期, 第10–15页. [Цинь Яцин. Национальная идентичность, стратегическая культура и интересы безопасности: три предположения об отношениях Китая с международным обществом // Мировая экономика и политика. 2003. Вып. 1. С. 10–15].



- Не Чжэннань, Чжэн Хуа 2020 – 聂正楠、郑华. 印度战略文化及其变迁机制, 载《南亚研究》, 2020年第1期, 第1-20页。[Не Чжэннань, Чжэн Хуа. Индийская стратегическая культура и механизмы ее изменения // Южноазиатские исследования. 2020. Вып. 1. С. 1–20].
- Чжао Цзинфан 2008 – 赵景芳. 战略文化的再思考, 载《世界经济与政治》, 2008年第1期, 第14-24页。[Чжао Цзинфан. Переосмысление стратегической культуры // Мировая экономика и политика. 2008. Вып. 1. С. 14–24].

## References

- Adamova, D.L. and Denisov, I.E. (2022), “Period of strategic opportunities: the Chinese foresight experience and Beijing’s foreign policy perspectives”, *Orientalistica*, vol. 5, no. 4, pp. 839–856.
- Alekseeva, T.A. (2012), “Strategic culture: evolution of the concept”, *Polis, Political Studies*, no. 5, pp. 130–147.
- Belova, T.A. (2016), “System of propaganda in modern China: review of history of development and its characteristics”, *Science. Thought: electronic periodical magazine*, vol. 6, no. 8–1, pp. 25–33.
- Denisov, I.E. (2017), “Chinese foreign policy under Xi Jinping: continuity and innovation”, *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. vol. 10, no. 5, pp. 83–98.
- Johnston, A.I. (1998), *Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Kozhukhova, K.E. (2023), *Kitaiskaya strategicheskaya kul'tura* [Chinese strategic culture], Rusains, Moscow, Russia.
- Kozhukhova, K.E. (2020), “The role of the philosophy of Confucianism, Legism and Maoism in the formation of the strategic culture of the PRC”, *International Relations Scientists's Herald*, no. 3 (13). pp. 49–57.
- Luzyanin S.G. *Rossiya – Kitai. Formirovanie obnovlennogo mira* [Russia – China. Formation of a renewed world], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Mikhailenok, O.M. (2016), “Potential of strategic culture and quality of political elite”, in *Elitologiya i strategii razvitiya sovremennoi Rossii: materialy Vtorogo Vserossiiskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem. 21–22 oktyabrya 2016 g.* [Elitology and development strategies of modern Russia. Proceedings of the Second All-Russian Elitology Congress with international participation, October 21–22, 2016], YuRIUF RANKhiGS, Rostov-on-Don, Russia, pp. 439–452.
- Neumann, I. (2004), *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei* [“Using the ‘Other’. Images of the East in the formation of European identities], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Rakityansky, N.M. and Sun, Q. (2016), “Conceptual modeling of the Chinese political mentality. Part 1”, *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 2, pp. 57–79.
- Vershinin, A.A. and Krivopalov, A.A. Russian strategic culture. An attempt at historical retrospective survey, *Russia in global affairs*, vol. 21, no. 6, pp. 80–98.
- Vinogradov, A.V. (2021), “‘Unipolar Asia’: Chinese regional order”, *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 3, pp. 23–32.
- Vinogradov, A.V. and Vasil'ev D.V. (2021), “Strength and balance in the China political thought”, *Balans sil v klyuchevykh regionakh mira: kontseptualizatsiya*



- i prikladnoi analiz* [Balance of power in key regions of the world. Conceptualization and applied analysis], Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), Moscow, Russia, pp. 36–45.
- Voskresensky, A.D. (2020), “The logic of the new world architectonics: practice and theory of rethinking the multidimensional world and China’s search for its place”, *Comparative politics*, vol. 11, no. 4, pp. 5–26.
- Zhou, Xinmin (2019), *Rukovodstvo Si Tszin’pina i budushchee Kitaya* [Xi Jinping’s leadership and the future of China], Ves’ mir, Moscow, Russia.
- 周丕启. 略论战略文化, 载《现代国际关系》, 2001年第10期, 第56–60页 [Zhou, Piqu. (2001), “A Brief Discussion on Strategic Culture”, *Contemporary International Relations*, vol. 10, pp. 56–60].
- 宫玉振: 《中国战略文化解析》, 军事科学出版社, 北京: 2002 年版, 282 页 [Gong, Yuzhen. (2002), *Analysis of China’s strategic culture*, Beijing, Military Science Press, PRC].
- 张晓军、许嘉. 中美战略文化传统特征之比较, 载《中国军事科学》, 2004年第2期, 第112–119页. [Zhang, Xiaojun and Xu, Jia (2004), “Comparison of traditional characteristics in strategic culture of China and the USA”, *Chinese military science*, is. 2, pp. 112–119].
- 李慎明. 新时代战略机遇期的相关思考, 载《马克思主义研究》, 2019年第10期, 第44–55页. [Li, Shenming (2019), “Current thoughts on the periode of strategic opportunities in a new era”, *Marxist Studies*, iss. 10, pp. 44–55].
- 李际均. 论战略, 载《解放军出版社》, 2002年, 375页. [Li, Jijun (2002), *About strategy*, PLA Press, Beijing, China].
- 王丽娟. 试析战略文化对国家安全战略的影响, 《国际论坛》, 2007年第5期, 第13–18页. [Wang, Li Juan (2007), “Analysis of the strategic culture influence on national security strategy”, *International Forum*, vol. 5, pp. 13–18].
- 秦亚青. 《国家身份战略文化和安全利益: 关于中国与国际社会关系的三个假设》, 载《世界经济与政治》, 2003年第1期, 第10–15页. (Qin, Yaqing (2003), “National Identity, strategic culture and security interests. Three assumptions about China’s relationship with international society”, *World Economy and Politics*, is. 1, pp. 10–15].
- 聂正楠、郑华. 印度战略文化及其变迁机制, 载《南亚研究》, 2020年第1期, 第1–20页. [Ne Zhengnan, and Zheng, Hua (2020), “Indian Strategic Culture and the Mechanisms of Its Change”, *South Asian Studies*, iss. 1, pp. 1–20].
- 赵景芳. 战略文化的再思考, 载《世界经济与政治》, 2008年第1期, 第14–24页. [Zhao, Jingfang (2008), “Rethinking the strategic culture”, *World Economy and Politics*, iss. 1, pp. 14–24].

### *Информация об авторе*

*Екатерина А. Романова*, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; katerina\_romanova13@mail.ru

### *Information about the author*

*Ekaterina A. Romanova*, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; katerina\_romanova13@mail.ru

# Юбилей

УДК 0001.32

DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-130-139

## Истина познается в диалоге. С.Е. Новикову 70 лет

Виктор В. Ищенко

*Институт всеобщей истории Российской академии наук  
Москва, Россия, vikist@rambler.ru*

Юлия З. Кантор

*Санкт-Петербургская академическая филармония  
им. Д.Д. Шостаковича, Санкт-Петербург, Россия  
kantor@fil.spb.ru*

*Аннотация.* В статье в связи с юбилеем известного белорусского историка С.Е. Новикова, специализирующегося на изучении Второй мировой войны и в ее рамках – Великой Отечественной войны советского народа, анализируется развитие сотрудничества в этой области ученых Российской Федерации и Республики Беларусь, показан вклад ведущих специалистов Союзного государства в формирование объективной, научно обоснованной исторической памяти о самом разрушительном и драматическом событии XX в., оставившем след в исторической и культурной памяти поколений. Авторы констатируют, что в России особую известность научная деятельность С.Е. Новикова приобрела в связи с реализацией изначально российско-белорусско-украинского, а затем российско-белорусского проекта, приуроченного к 65-летию Великой Победы и направленного на осмысление истории войны на основе консенсуса, преодоления расхождений между национальными историческими школами. Авторы отмечают, что исследования С.Е. Новикова, посвященные нацистскому оккупационному режиму на территории Белорусской Советской Социалистической Республики, холокосту в Белоруссии, формированию исторической памяти о Великой Отечественной войне и другим сюжетам, ценятся историками за скрупулезность, научную добросовестность, дифференцированный подход к анализу различных эпизодов военной истории. Наконец, указывая на просветительскую деятельность С.Е. Новикова, а также его взаимодействие с музеями, авторы поднимают актуальные вопросы научно-педагогической деятельности в области истории, имеющей целью воспитание в молодом поколении чувства исторического достоинства, сохранение и упрочение межкультурного диалога.

---

© Ищенко В.В., Кантор Ю.З., 2024

га, рассматривают вовлечение в процесс изучения и преподавания истории не только собственно исторической методологии, но и различных приемов и средств из области культуры, искусства.

*Ключевые слова:* историческая школа, научное сотрудничество, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, оккупационный режим, историческая память, музеологическая практика, С.Е. Новиков

*Для цитирования:* Ищенко В.В., Кантор Ю.З. Истина познается в диалоге. С.Е. Новикову 70 лет // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2024. № 4. С. 130–139. DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-130-139

## The truth is known in dialogue. S.E. Novikov is 70 years old

Viktor V. Ishchenko

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences  
Moscow, Russia, vikist@rambler.ru*

Yuliya Z. Kantor

*Saint Petersburg Academic Philharmonia named after D.D. Shostakovich  
Saint Petersburg, Russia, kantor@fil.spb.ru*

*Abstract.* In connection with the anniversary of the famous Belarusian historian S.E. Novikov, specializing in the study of World War II and, within its framework, the Great Patriotic War of the Soviet people, the article analyzes the development of cooperation in that field between scientists of the Russian Federation and the Republic of Belarus. It shows the contribution of leading specialists of the Union State to the formation of an objective, scientifically based historical memory of the most devastating and dramatic event of the twentieth century, which left a mark on the historical and cultural memory of generations. The authors state that scientific activity of S.E. Novikov became especially famous in connection with the implementation of the Russian-Belarusian-Ukrainian and then Russian-Belarusian project, timed to the 65th anniversary of the Great Victory and aimed at understanding the history of the war on the basis of consensus, overcoming the differences between the national historical schools. The authors also note that in Russia S.E. Novikov's studies on the Nazi occupation regime in the territory of the Belarusian Soviet Socialist Republic, the Holocaust in Belarus, the formation of historical memory of the Great Patriotic War and other subjects are valued by historians for their thoroughness and scientific integrity, differentiated approach to the analysis of various episodes of military history. Finally, pointing to S.E. Novikov's educational activities, as well as his interaction with museums, the authors raise topical issues of scientific and pedagogical activities in the field of history, aimed at fostering a sense of historical dignity

in the younger generation, preserving and strengthening intercultural dialog, consider the involvement in the process of studying and teaching history not only of historical methodology proper, but also of various techniques and means from the field of culture and art.

*Keywords:* historical school, scientific collaboration, World War II, Great Patriotic War, occupation regime, historical memory, museological practice, S.E. Novikov

*For citation:* Ishchenko, V.V. and Kantor, Yu.Z. (2024), "The truth is known in dialogue. S.E. Novikov is 70 years old", *RSUH/RGGU Bulletin. "Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations" Series*, no. 4, pp. 130-139, DOI: 10.28995/2686-7648-2024-4-130-139

Юбилей известного белорусского историка, заведующего кафедрой истории и социальных наук Минского государственного лингвистического университета С.Е. Новикова дает хороший повод его российским коллегам еще раз ретроспективно оценить некоторые вехи двустороннего научного сотрудничества и вклад в него юбиляра. Общеизвестно, что российские и белорусские ученые-историки активно и плодотворно взаимодействуют по самым разным направлениям. В последние годы эта кооперация получает дополнительные импульсы.

В 2023 г. в Москве состоялся первый форум российских и белорусских историков, в ходе которого прошли интересные дискуссии по самым разным проблемам исторического знания и образования. По итогам форума были созданы Совместная российско-белорусская комиссия по истории и ее рабочий орган – Экспертно-консультативный российско-белорусский совет по истории (ЭКС), который в 2023 и 2024 гг. провел уже два пленарных заседания.

Представители Российской Федерации и Республики Беларусь сообща немало сделали для создания в 2021 г. решением Совета министров иностранных дел Содружества Независимых Государств Ассоциации (комиссии) историков и архивистов государств – участников СНГ, которая сменила на более высоком уровне успешно действовавшую с 2005 г. Ассоциацию институтов истории стран СНГ. Важнейшим итогом многолетнего сотрудничества историков обеих стран справедливо можно считать выход в свет вузовского учебного пособия «История Союзного государства», которое в 2023 г. совместно было подготовлено группой российских и белорусских ученых.

Одной из основных функций Ассоциации является содействие расширению и детализации знаний о событиях Второй

мировой и Великой Отечественной войн, сохранению научной объективности в оценках сложных и драматических событий того времени, противодействие попыткам сознательного искажения общей истории и оправдания нацизма. Для белорусских историков тема войны всегда являлась особо значимой. Ими написаны сотни трудов, позволяющих с разных ракурсов рассматривать военные, политические, экономические, социальные и гуманитарные аспекты военного времени. Среди них заметное место принадлежит исследованиям С.Е. Новикова.

В России его имя стало широко известным после публикации, основанной на ранее неизвестных документах и посвященной начальному периоду Великой Отечественной войны в БССР, когда республика приняла на себя мощнейший удар германской военной машины [Новиков 2011]. Заметим, что и до этого работы и выступления С.Е. Новикова не оставались незамеченными российско-белорусским научным сообществом. Пример тому – его участие в Международной конференции «Вторая мировая война как проблема национальной памяти» [Новиков 2010] и других международных научных форумах [Новиков 2009; Новиков 2023].

Однако особую известность в России среди читателей военно-исторической литературы имя С.Е. Новикова приобрело после выхода в свет второго тома трилогии «Страна в огне» [Страна 2017; Страна 2018]. Трилогия была создана в рамках уникального проекта, инициированного Институтом всеобщей истории РАН и приуроченного к 65-й годовщине Победы. В рамках проекта российские и белорусские, а изначально также и украинские исследователи попытались сообща на основе консенсуса осмыслить историю минувшей войны, опираясь в первую очередь на новые документальные источники, выявленные в национальных архивах, и накопленную к тому времени историографическую базу. В результате было подготовлено три тома по две книги в каждом: одна из книг представляла сборник архивных документов, а другая – подборку аналитических статей, характеризующих соответствующий период войны.

Первый том, посвященный 1941 г., вышел в 2011 г. Это была первая на постсоветском пространстве фундаментальная совместная комплексная научная разработка о начальном периоде войны. Однако после украинских событий 2013–2014 гг. сотрудничество в трехстороннем формате сильно осложнилось, и до завершения проект вынуждены были доводить историки России и Беларуси.

Во втором томе анализируется переломный период войны 1942–1943 гг. Важнейший содержательный компонент, посвященный характеристике нацистского оккупационного режима в Белорусской ССР, был создан С.Е. Новиковым [Новиков 2017а]. Опираясь на многочисленные документы, ученый наглядно демонстрирует ужесточение оккупационной политики Третьего рейха по мере продвижения Красной Армии на запад, дает многоплановую характеристику различных сторон жизни белорусов в условиях оккупации, начиная от экономического уклада и заканчивая условиями содержания советских военнопленных на оккупированной территории. Этой теме – оккупационной политике нацистской Германии – С.Е. Новиков неизменно уделяет большое внимание в своем научном творчестве, последовательно разрабатывая ее и поныне [Новиков 2009; Новиков 2022].

Исследования С.Е. Новикова ценятся коллегами за его пристальное внимание к мельчайшим деталям и дифференцированный подход к анализу различных ситуаций, возникших в обстановке военного времени. В частности, это касается холокоста на белорусской территории – сюжета, который в силу ряда причин долгое время находился на периферии внимания как исследователей, так и широкой общественности Союзного государства (несмотря на то что почти половина жертв холокоста были гражданами СССР). Получить достоверное представление об особенностях нацистского оккупационного режима на территории Советского Союза без изучения того, как на ней осуществлялось «окончательное решение еврейского вопроса», абсолютно невозможно. Об этом наглядно свидетельствует содержание научных публикаций С.Е. Новикова, который комплексно анализирует многие стороны германского вторжения на Белорусскую землю [Новиков 2017b; Новиков 2021].

Говоря о С.Е. Новикове как об ученом-историке, невозможно не отметить его внимание к вопросам формирования и функционирования исторической памяти [Новиков 2020]. Подход С.Е. Новикова к пониманию специфики национальной исторической памяти, основанный на серьезном научном анализе, свидетельствует о том, что ученый хорошо осознает особую ответственность, лежащую на людях науки, за соответствие национальных образов прошлого объективным историческим реалиям.

Принципиально важно в данном контексте обратить внимание на то, что С.Е. Новиков гармонично сочетает научно-

исследовательскую деятельность с преподавательской, прививая студентам интерес к истории и формируя историческую память не только в вузовской аудитории, но и вне ее – регулярно проводя интереснейшие тематические экскурсии по Минску и другим городам Беларуси, опаленным войной. Повседневность на фронте и на оккупированной территории, рефлексия поколения, пережившего войну, ее отражение в музыкальном, изобразительном искусстве, внимание к так называемым сложным вопросам истории Великой Отечественной – все это регулярно становится предметом пристального профессионального интереса ученого и педагога.

Нельзя не подчеркнуть в этой связи особую ценность еще одной сферы приложения научно-практических усилий С.Е. Новикова – взаимодействия с музеями. Тесное сотрудничество ученого-исследователя с экспозиционерами и музейными кураторами, культурологами и музыковедами – сюжет, нечасто встречающийся в современной музеологической практике России и Беларуси. Для него же – это логичное продолжение передачи знаний и – шире – кода исторической памяти. В свою очередь, результаты такого взаимодействия находят отражение в его научных трудах [Новиков 2014]. Заметим также, что и эта сфера деятельности не прошла мимо внимания российского музейного сообщества, свидетельством чего является его участие в мероприятиях, проводимых под эгидой Союза музеев России.

Многолетнее знакомство с видным представителем белорусской исторической школы, с его научными работами и совместное участие в различных дискуссионных мероприятиях позволяет ответственно утверждать, что С.Е. Новиков – ученый, который превыше всего ставит и ценит познание истины. И что немаловажно – умеет вести научный диалог, отстаивая свое мнение, при этом внимательно вслушиваясь в аргументы партнера, благодаря чему эта истина и становится достижимой. Эти качества как нельзя более точно соответствуют одному из ключевых положений исторической политики Республики Беларусь: «Научное отражение истории способствует укреплению системы национальной и информационной безопасности» [Данилович 2023, с. 18].

*Литература*

---

- Данилович 2024 – *Данилович В.В.* Ключевые положения национальной концепции отечественной истории // Государственная политика в сфере истории: проблемы и перспективы сохранения исторической правды и памяти: Материалы Республиканской научно-практической конференции, Минск, 14 сентября 2023 г. / Под ред. Гусакова В.Г., Сергеенко И.П., Ковалени А.А., Луцкого И.В. Минск: Беларуская навука, 2024. С. 18–30.
- Новиков 2009 – *Новиков С.* К вопросу об анализе фактов истории трудовой повседневности в Беларуси 1941–1944 годов // Уроки истории. Великая Отечественная и Вторая мировая войны, история России и мира 20–21 веков: Сборник трудов Третьей международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2009 г. / Под ред. А.П. Кудинова. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2009. С. 180–186.
- Новиков 2010 – *Новиков С.* Оборона Могилева 1941 года в свете новых немецких документов // Вторая мировая война как проблема национальной памяти: Материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 сентября 2009 г. СПб.: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2010. С. 230–240.
- Новиков 2011 – *Новиков С.* Белоруссия в первые месяцы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война. 1941 год: исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. С. 271–322.
- Новиков 2014 – *Новиков С.* Музей как место критического анализа (на примере экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны) // Материалы Международной научно-практической конференции «Связь времен: война и ее отражение в современном музее», посвященной 70-летию Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда, 28–29 апреля 2014 г. СПб.: Президентская библиотека, 2014. С. 130–146.
- Новиков 2017a – *Новиков С.Е.* Ужесточение нацистского оккупационного режима на территории Беларуси // Страна в огне. В 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: В 2 кн. Кн. 1. Очерки / Отв. ред. А.М. Литвин, Ю.А. Никифоров. М.: Абрис, 2017. С. 360–428.
- Новиков 2017b – *Новиков С.Е.* Расправа с еврейским населением // Страна в огне. В 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: В 2 кн. Кн. 1: Очерки / Отв. ред. А.М. Литвин, Ю.А. Никифоров. М.: Абрис, 2017. С. 401–410.
- Новиков 2020 – *Новиков С.Е.* Проблемы сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне (на примере Мемориального комплекса «Тростенец») // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти: Сборник трудов Международной научно-образовательной конференции, 15–16 октября 2020 г. СПб.: Свое издательство, 2020. С. 375–383.
- Новиков 2021 – *Новиков С.Е.* Трагическая судьба европейских евреев на Белорусской земле в годы Великой Отечественной войны // Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конфе-



- ренция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Оренбург, 28–29 мая 2021 г.: Сб. статей / Науч. ред. Р.Р. Хисамудинова. Оренбург: Издательство Оренбургского государственного педагогического университета, 2021. С. 232–237.
- Новиков 2022 – *Новиков С.Е.* Начало нацистского экономического геноцида на оккупированной территории Белорусской ССР (1941–1942 гг.) // Неизвестные страницы истории нацистской оккупации регионов РСФСР и БССР: Сборник докладов Российско-белорусского круглого стола, 21 октября 2021 г. / Отв. ред. Ю.З. Кантор, ред. Ю.И. Мошник. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2022. С. 113–120.
- Новиков 2023 – *Новиков С.Е.* История нацистского геноцида на территории Белорусской ССР в документах серии «Без срока давности» // Мы выстояли и победили: Междунар. науч.-практ. конф. к 80-летию прорыва блокады Ленинграда, Сталинградской и Курской битвы: Сб. статей / Отв. ред. Р.Р. Хисамудинова. Оренбург: Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 2023. С. 179–185.
- Страна 2017 – Страна в огне. В 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: В 2 кн. Кн. 1: Очерки / Отв. ред. А.М. Литвин, Ю.А. Никифоров. М.: Абрис, 2017. 734 с.
- Страна 2018 – Страна в огне: В 3 т. Т. 2: Коренной перелом: 1942–1943: В 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы / Отв. ред. А.М. Литвин, Ю.А. Никифоров. М.: Абрис, 2018. 542 с.

## References

---

- Danilovich, V. V. (2024), “Key provisions of the national concept of national history”, in Gusakov, V.G, Sergeenko, I.P., Kovalenya, A.A. and Lutskii, I.V. (eds.) *Gosudarstvennaya politika v sfere istorii: problemy i perspektivy sokhraneniya istoricheskoi pravdy i pamyati: Materialy Respublikanskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Minsk, 14 sentyabrya 2023 g. [State policy in the sphere of history: problems and prospects of preserving historical truth and memory: Proceedings of the republican scientific and practical conference, Minsk, September 14, 2023], *Belaruskaya navuka*, Minsk, Republic of Belarus, pp. 18–30.
- Litvin, A.M. and Nikiforov, Yu.A. (eds.) (2017a), *Strana v ogne, v 3 t., t. 2 “Korennoi perelom. 1942–1943”, in 2 kn., kn. 1 “Ocherki”* [Country in Fire, in 3 vols., vol. 2 “The radical turn, 1942–1943”, in 2 books, book 1 “Essays”], Abris, Moscow, Russia.
- Litvin, A.M. and Nikiforov, Yu.A. (eds.) (2017b), *Strana v ogne, v 3 t., t. 2 “Korennoi perelom. 1942–1943”, in 2 kn., kn. 2 “Dokumenty i materialy”* [Country in Fire, in 3 vols., vol. 2 “The radical turn, 1942–1943”, in 2 books, book 2 “Essays”], Abris, Moscow, Russia.
- Novikov, S. (2009), “On the question of analyzing the facts of the history of everyday life at work in Belarus 1941–1944”, Kudinov, A.P. (ed.), *Uroki istorii. Velikaya Otechestvennaya i Vtoraya mirovaya voyny, istorii Rossii i mira 20–21 vekov: Sbornik trudov Tre'tei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 23–25 noyabrya 2009 g.* [Lessons of History. The Great Pa-

- triotic and World War 2, the history of Russia and the world of 20–21 centuries. Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 23–25, 2009], Izd-vo Politekhnikheskogo un-ta, Saint Petersburg, Russia, pp. 180–186.
- Novikov, S. (2010), “Defense of Mogilev 1941 in the light of new German documents”, *Vtoraya mirovaya voina kak problema natsional'noi pamyati: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 24–26 sentyabrya 2009 g.* [The Second World War as an issue of national memory. Proceedings of the International Scientific Conference, St. Petersburg, September 24–26, 2009], Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena, Saint Petersburg, Russia, pp. 230–240.
- Novikov, S. (2011), “Belarus in the first months of the Great Patriotic War”, Khris-toforov, V.S. (ed.), *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941 god: issledovaniya, dokumenty, kommentarii* [The Great Patriotic War, 1941. Studies, documents, comments], Izd-vo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy, Moscow, Russia, pp. 271–322.
- Novikov, S. (2014), “Museum as a place of critical analysis (on the example of the exposition of the Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War)”, *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Svyaz' vremen: voina i ee otrazhenie v sovremennom muzee”, posvyashchennoi 70-letiyu Gosudarstvennogo memorial'nogo muzeya oborony i blokady Leningrada, 28–29 aprelya 2014 g.* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Connection of Times. The war and its reflection in the modern museum”. Commemorating the 70<sup>th</sup> anniversary of the State Memorial Museum of the Defense and Siege of Leningrad, April 28–29, 2014], Prezidentskaya biblioteka, Saint Petersburg, Russia, pp. 130–146.
- Novikov, S.E. (2017a), “Toughening of the Nazi occupation regime on the territory of Belarus”, Litvin, A.M. and Nikiforov, Yu.A. (eds.), *Strana v ogne, v 3 t., t. 2 “Korennoi perelom. 1942–1943”, in 2 kn., kn. 1 “Ocherki* [Country in Fire, in 3 vol., vol. 2 “The radical turn. 1942–1943”, in 2 books, book 1 “Essays”], Abris, Moscow, Russia, pp. 360–428.
- Novikov, S.E. (2017b), “The massacre of the Jewish population”, in Litvin, A.M. and Nikiforov, Yu.A. (eds.), *Strana v ogne, v 3 t., t. 2 “Korennoi perelom. 1942–1943”, in 2 kn., kn. 1 “Ocherki* [Country in Fire, in 3 vol., vol. 2 “The radical turn, 1942–1943”, in 2 books, book 1 “Essays”], Abris, Moscow, Russia, pp. 401–410.
- Novikov, S.E. (2020), “Issues of preserving the historical memory of the Great Patriotic War (on the example of the Memorial Complex “Trostenets”)", *SSSR vo Vtoroi mirovoi voine (1939–1945 gg.): problemy istoricheskoi pamyati: Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchno-obrazovatel'noi konferentsii, 15–16 oktyabrya 2020 g.* [USSR in the Second World War (1939–1945). Issues of Historical Memory: Proceedings of the International Scientific and Educational Conference, October 15–16, 2020], Svoe izdatel'stvo, Saint Petersburg, Russia, pp. 375–383.
- Novikov, S.E. (2021), “Tragic fate of European Jews on the Belarusian land during the Great Patriotic War”, Hisamutdinova, R.R. (ed.), *Odna na vsekh tragediya i odna Pobeda. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya k*

*80-letiyu nachala Velikoi Otechestvennoi voiny. Orenburg, 28–29 maya 2021 g.: Sb. statei* [One tragedy and one Victory for all, International scientific-practical conference commemorating the 80<sup>th</sup> anniversary of the beginning of the Great Patriotic War. Orenburg, May 28–29, 2021: Collection of articles]. Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Orenburg, Russia, pp. 232–237.

Novikov, S.E. (2022), “The beginning of the Nazi economic genocide in the occupied territory of the Belarusian SSR (1941–1942)”, in Kantor, Yu.Z. and Moshnik, Y.I. (eds), *Neizvestnye stranitsy istorii natsistskoi okkupatsii regionov RSFSR i BSSR: Sbornik dokladov Rossiisko-belorusskogo kruglogo stola, 21 oktyabrya 2021 g.* [Unknown pages of the history of Nazi occupation of the regions of the RSFSR and BSSR: Collection of reports of the Russian-Belarusian Round Table, October 21, 2021], Sankt-Peterburgskii institut istorii RAN, Saint Petersburg, Russia, pp. 113–120.

### *Информация об авторах*

*Виктор В. Ищенко*, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32А; vikist@rambler.ru

*Юлия З. Кантор*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургская академическая филармония им. Д.Д. Шостаковича, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, Михайловская ул., д. 2; kantor@fil.spb.ru

### *Information about the authors*

*Viktor V. Ishchenko*, Cand. of Sci. (History), Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32 “A”, Leninsky Avenue, Moscow, Russia, 119334; vikist@rambler.ru

*Yuliya Z. Kantor*, Dr. of Sci. (History), Saint Petersburg Academic Philharmonia named after D.D. Shostakovich, Saint Petersburg, Russia; bld. 2, Mikhailovskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 191186; kantor@fil.spb.ru

Научный журнал  
Вестник РГГУ  
Серия «Евразийские исследования. История.  
Политология. Международные отношения»

№ 4

2024

Дизайн обложки  
*Е.В. Амосова*  
Корректор  
*О.К. Юрьев*  
Компьютерная верстка  
*Е.Б. Рагузина*

Учредитель и издатель  
Российский государственный гуманитарный университет  
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ  
ПИ № ФС77-73401 от 03 августа 2018 г.  
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 24.12.2024  
Выход в свет 10.01.2025  
Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Уч.-изд. л. 8,7. Усл. печ. л. 8,8.  
Тираж 1050 экз. Свободная цена  
Заказ № 2089

Отпечатано в типографии Издательского центра  
Российского государственного гуманитарного университета  
125047, Москва, Миусская пл., 6  
[www.rsuh.ru](http://www.rsuh.ru)